E41
498

Гр. Друзка

Е41 Н98
Г474

ДНРИ ГИЛЬБО

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Л-Е-Н-И-Н-Г-Р-А-Д 1-9-2-5

1-й экз е фонда

Г-474
Е41 498
92 (л)

АНРИ ГИЛЬБО

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ПЕРЕВОД С АВТОРИЗОВАННОГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
В. М. ВЕЛЬСКОГО И Г. А. ЗУККАУ

С 27 РИСУНКАМИ И СНИМКАМИ.

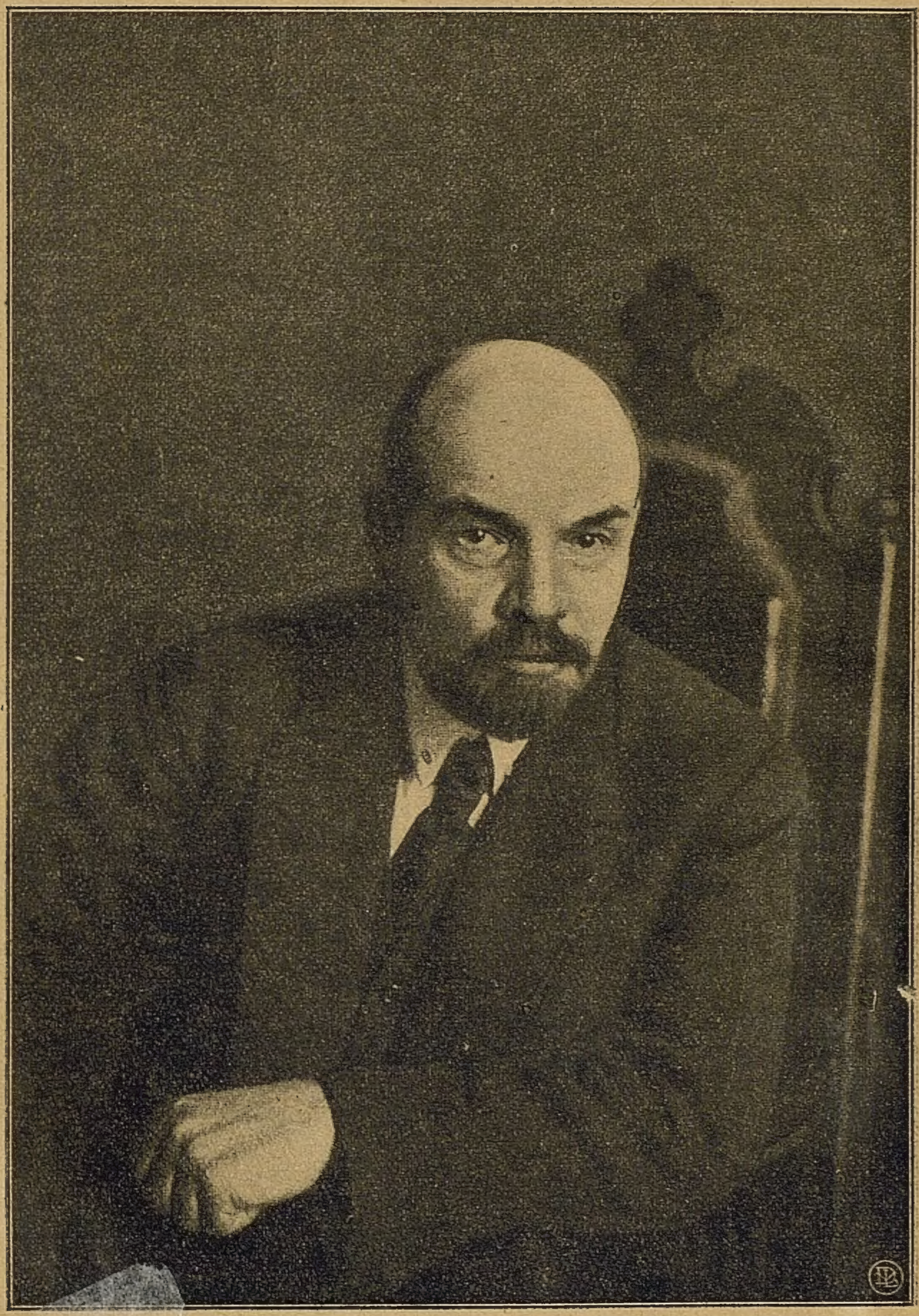
БИБ 50100/8° сл
V ср. 7417

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Государственное
Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград
Гатчинская-26.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 50400 г.

Гиз. № 6925. Ленинградский Гублит № 5419. 13 л. Отпеч. 10000 экз.



Вам, дорогой Владимир Ильич, вам, истинный великий товарищ, которого я знавал в годы неблагодарной и безвестной борьбы, посвящаю я, в знак моего искреннего, неизменного преклонения, этот бесхитростный очерк вашей жизни, вашего труда и дела, столь прямых, простых и прекрасных.

А. Г.

Берлин, январь, 1923 г.

На следующий день после отставки Ллойд-Джорджа, Троцкий заявил, что из всех возникших в период войны правительств одно лишь советское правительство сохранило свою устойчивость. В самом деле, рабоче-крестьянская власть России, невзирая на те неимоверные препятствия, которые беспрестанно возникали на ее пути, стоит несокрушимою твердыней, и, как бы ни было велико значение других вождей Советской России, самый видный представитель этой власти перед лицом всего мира и самой России, это, несомненно, Владимир Ильич Ленин. Давно мир не видал человека, которого так бы любили, ценили и признавали, как Ленина. А между тем, было время, когда, наоборот, можно было утверждать, что никого так не презирают и не ненавидят, ни на кого так не клевещут, как на Владимира Ильича Ленина. Это делали и те, которые называют себя социалистами, и те, которые открыто причисляют себя к контр-революционерам.

Владимир Ильич — великий среди великих, личность, уже окутанная легендами, истинный революционер, который долго был неизвестен, был сослан, эмигрировал, затем вызывал к себе презрение и отвращение — и вдруг, совсем неожиданно, силой своей могучей воли, продиктовал миру свою программу, провел ее, завоевал власть и стал тем человеком, который одновременно воплотил в себе неудержимое стремление всего русского народа и несокрушимую надежду рабочих всего мира. В лачуге самой отдаленной окраины его изображение висит рядом с иконою, а многие министры и политики великих держав испытывают тщеславную потребность полемизировать с ним с парламентской трибуны.

Деспот, непримиримый фанатик, жалкий партийный вождь, сектант, германский агент, предатель — так говорили о нем не более пяти лет тому назад. Теперь его сравнивают с Петром Великим. «Ни один человек, даже Петр Великий, не оказал больше влияния на судьбы моей родины, чем Ленин»,—говорит в предисловии к книге, целиком посвященной Ленину, русский автор, сам причисляющий себя к «контр-революционерам». «Россия,— продолжает он, — дала миру великих людей и глубоких мыслителей. Но ни один из них не может сравниться, по своему влиянию на западный мир, хотя бы в слабой мере, с этим фантазером, который, может быть, даже не особенно умен» [1]. — Как раз в это самое время издательство «Авanти» изготовило и выпустило в продажу медаль, на которой рядом с изображением Ленина красовалась надпись: «Ex oriente lux» («С Востока свет»).

«Люди, подобные ему,—сказал о Ленине Зиновьев,—рождаются только раз в 500 лет, а Горький, — неоднократно сравнивавший его с Петром Великим, выразился так: «Он не только человек, на волю которого история возложила страшную задачу развороти́ть до основания пестрый, неуклюжий и ленивый человеческий муравейник, именуемый Россией, его воля—неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают монументально построенные капиталистические государства Запада и тысячелетними слежавшиеся глыбы отвратительных рабских деспотий Востока» [2].

Вот что писал незадолго до своей кончины знаменитый автор «Рассуждений о насилии» *Жорж Сорель*, намекая на тех, кто «обвинял» его в том, что он имел влияние на Ленина: «У меня нет ни малейшего основания предполагать, что Ленин заимствовал свои мысли из моих книг; но будь это так, я немало бы гордился тем, что содействовал духовному росту человека, которого я считаю величайшим со времени Маркса теоретиком социализма и одновременно государственным руководителем, напоминающим по своей гениальности Петра Великого».

---

[1]) *Ландау — Алданов.* «Ленин». Париж, изд. Поволоцкого, 1919. Цитировано по немецкому тексту.

[2]) *Максим Горький.* «Владимир Ильич Ленин». Петроград. «Коммунистический Интернационал», № 12, Июль, 1920 г.

В заключение, напомню еще слова великого русского ученого Тимирязева, который, умирая, сказал своим близким: «Я счастлив, что был современником Ленина».

Имя, жизнь, творчество и деятельность этого великого социального реформатора, этого исключительно гениального политика уже теперь принадлежат истории. Настало время, когда можно попытаться набросать основанную на точных документальных данных характеристику того человека, который дал мировому механизму новый мощный толчок.

I

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

I. Годы ученья.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился 10-го (22-го) апреля 1870 г. в Симбирске, небольшом провинциальном городе, лежащем на левом берегу Волги между Казанью и Самарой. Отец его, директор народных училищ, имел чин статского советника.

Окончив гимназию в родном городе, юный В. И. Ленин поступил на юридический факультет Казанского университета. Там он сблизился с кружком интеллигентов, воодушевленных желанием вступить в революционную борьбу против самодержавия. Наблюдая с болью в сердце народную нищету и притеснения правительства, эти молодые люди, охваченные порывом благородного, хотя и несколько смутного идеализма, примкнули к народовольцам, к революционной группе «народников».

Нужно было пожить в России и побывать в местечках и деревнях различных губерний, чтобы понять всю мерзость царского рабства. Чтение разнообразных сочинений, романов, рассказов и сообщений о России дает лишь весьма бледное представление о нищете, полном отсутствии самых скромных требований гигиены, безграмотности, — словом, о всех тех недугах, которыми страдали на протяжении многих лет миллионы и десятки миллионов крестьян в условиях русского помещичьего быта. В деревнях крестьяне-бедняки ютились в лачугах; там жили и спали вповалку родители, дети, крупный скот и мелкие домашние животные; человеческие существа напоминали крепостных былых времен, лишенных всякой возможности помочь себе, в физическом и духовном отношении; а в городах на рабочих смотрели как на парий, вьючных животных; ни за что ни про что, на них налагали штрафы, сводившие почти на-нет их и без того ничтожные заработки, с таким трудом вырванные у владельцев фабрик и мастерских.

У Владимира Ильича был брат — Александр; он примыкал к народникам и был первым политическим руководителем Владимира Ильича. Александр читал «Капитал» Карла Маркса и, в свою очередь, предложил Владимиру познакомиться с этой книгой. Часто братья проводили время в оживленных спорах об этом новом учении, влияние которого на революционное движение того времени росло с каждым днем.

1 марта 1881 г. Александр II пал от руки революционеров. Последовавшие затем беспощадные репрессии, — многие погибли на виселице, другие были заточены в Шлиссельбургскую крепость, — не сломили мужества тех, кто решил бороться до конца с абсолютизмом и порабощением. Будучи студентом Петербургского университета, Александр Ильич объединил несколько разрозненных групп разочаровавшихся интеллигентов и рабочих. Вскоре было решено совершить покушение на Александра III; назначили день 1 марта 1887 г. Чтобы не навлечь подозрений, бомбы, которые предполагалось бросить в карету проезжавшего царя, должны были быть изготовлены в виде книг. Но не успели заговорщики выйти на улицу, как их арестовали по доносу провокатора... Александр Ильич и четверо его товарищей [1]) были повешены (8-го мая того же года).

Так закончился этот последний акт индивидуального террора. Правда, сам Александр Ильич не был вполне убежденным поклонником этого метода революционной борьбы, но чтение «Капитала» не превратило его в сторонника марксизма. Тем не менее, он собирался издать социалистический сборник, в начале которого хотел поместить им же переведенную статью Маркса о философии Гегеля.

Велики были разочарование и уныние народовольцев. Казалось, что ничего уже не поделаешь против самодержавия, прочно опиравшегося, при материальной поддержке парижской биржи, на реакционную буржуазию всего мира.

---

[1]) И. Я. Шевырев, П. Н. Андреюшкин, В. С. Осипанов и В. Д. Генералов. Подробности дела и роль в нем А. Ульянова см. *П. Д. Лукашевич.* «1-ое марта 1887 года». Воспоминания. Госиздат. 1920 г. (в частности: речь Ульянова на суде, стр. 41, оценка его личности, стр. 45—46). См. также «Александр Ильич Ульянов», краткий биографический очерк, написанный сестрой его *А. Ульяновой*, в «Галлерее шлиссельбургских узников», ч. I. Спб. 1907 г., стр. 200. (*Примеч. перев.*)

Но упорно, полный надежд, обращал свои взоры Владимир Ильич Ленин к далекому горизонту; он изучал научный социализм, разрабатывал теорию массового действия — и вскоре проникся убеждением, что можно найти средства, чтобы в недалеком будущем свергнуть русское самодержавие. Как раз в это время несколько русских интеллигентов, покинувших Россию в порыве пессимизма и поселившихся заграницей, занялись там внимательным изучением марксистского учения. В 1883 г. они создали «Группу Освобождения Труда». В числе учредителей группы были: переводчик Карла Маркса—Георгий Плеханов, Вера Засулич и Лев Дейч.

Ленин рассказывал сам, что, еще будучи студентом в Казани, он проникся уверенностью, что марксизм может спасти русский народ от самодержавия и буржуазии, и что рабочий класс должен стать основной силой этого нового движения; и уже тогда он задал себе вопрос: «Найдутся ли где-нибудь в России люди, которые пришли к такому же убеждению, как и я?» И вот он изъездил Россию вдоль и поперек в поисках за единомышленниками — мужественными, надежными и решительными товарищами, готовыми начать борьбу в этой новой ее форме. Так прошли 1890, 1892 и 1893 г. г. Поиски Ленина увенчались полным успехом; он нашел единомышленников не только среди интеллигенции, но и среди рабочих.

Так была основана Лениным первая марксистская группа. Большинство интеллигенции считало план и мысли Ленина нелепой фантазией, но Владимир Ильич, не сомневавшийся в победе, упорно стоял на своем. Ему постоянно возражали, что в России нет рабочего класса, что Россия, вообще, страна земледельческая, почти сплошь населенная крестьянами; но, невзирая на это, Ленин и его товарищи принялись при мощной поддержке «Группы Освобождения Труда» за длительную, трудную, но плодотворную организационную работу.

Непросвещенные рабочие ничего не смыслили в политической борьбе, они не имели ясного представления даже о своих собственных экономических интересах. У них отсутствовало классовое сознание, они и не подозревали о возможности такого сознания. Каждый рабочий, побуждаемый чисто эгоистическими интересами, думал только о самом себе и о собственном благо-

получил, мечтая улучшить свое личное положение; удавалось ему это, правда, лишь в редких случаях. Нужно ясно представить себе рабочий класс того времени, чтобы понять всю трудность огромной задачи, за решение которой энергично взялся Ленин. Теперь-то это кажется делом простым, в особенности на Западе, где промышленность и социалистическое движение развивались раньше и быстрее, чем в России.

Что делал Ленин?

Он странствовал по России, перебираясь из города в город, обходил фабрики и мастерские, знакомился с рабочими, беседовал с ними, расспрашивал их. Он выслушивал их жалобы на мошеннические проделки мастеров, на денежные взыскания, на низкий уровень заработной платы, которую, как подачку, изо дня в день швыряли им хозяева. Записывая эти сетования, Ленин воплощал их в лозунги и заботился об изготовлении подпольных листовок соответствующего содержания и об их распространении среди рабочих. Он умел очень удачно использовать каждую мелочь повседневного быта рабочих, чтобы будить в них сознание своих классовых интересов. Вот тот рычаг, который много лет спустя сдвинул с мертвой точки русский пролетариат.

Это внимание к мелочам рабочего быта вызовет, пожалуй, улыбку на устах весьма многих интеллигентов; тем не менее, оно является одним из характернейших и важнейших свойств личности Владимира Ильича. Оно свидетельствует о том, с каким изумительным чутьем изучал Ленин движение масс, до какой тонкости знал он душу рабочего. Впоследствии его научные знания пополнились, развилось его дарование оратора и полемиста, появились его теоретические работы. Но кто неспособен оценить эту основную черту Ленина, тот никогда не поймет, каким образом он сумел воодушевить рабочие массы России и мировой пролетариат.

Итак, все свои силы он сосредоточил на незначительных, казалось бы, мелочах, по поводу которых литераторы, эстеты и «умные» люди пожали бы разве плечами. Но вскоре Ленин организовал в Петербурге настоящее рабочее объединение — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», к которому примкнули наиболее сознательные рабочие, как, например, Бабушкин, расстрелянный в 1905 г. генералом Ренненкампфом,

и Шелгунов, потерявший зрение в царских тюрьмах и застенках. (В то время как я пишу эти строки, он жив и находится в России.) Из Казанского университета Ленина исключили, и он вынужден был переселиться в столицу. Но это не только не повредило его революционной деятельности, а наоборот — усилило ее.

Кипучая работа «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» привела вскоре к важным последствиям, как, например, к первой забастовке текстильщиков, в которой участвовало 40.000 рабочих, — цифра в условиях того времени поистине колоссальная. Эта забастовка обнаружила силу рабочего класса и его способности. Ленин был арестован и сослан в Сибирь. В Красноярске он жил вместе с Мартовым и Потресовым. А начавшееся движение продолжало развиваться; число членов ядра союза в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославе и на Урале все увеличивалось. Вскоре в промышленных центрах значительное число рабочих стало сознавать необходимость объединения для борьбы с двойным гнетением — экономическим и политическим; при этом выяснилось, что самым надежным и действительным способом борьбы является образование основного ядра, которое могло бы в предстоящем выступлении руководить русскими рабочими и наладить связь их с пролетариями Запада.

Ленин, начавший свою политическую деятельность на рубеже двух эпох, вел, наряду со своей работой по пробуждению классового сознания рабочих, борьбу против народовольцев. Он публично выступил против ветерана «Народной Воли» Н. К. Михайловского, но, как брат убежденного, повешенного царем, народника, он сохранял глубокое уважение к борцам, жертвовавшим своей жизнью в борьбе с самодержавием. «Никто так не уважал, — говорит Зиновьев, — никто так не учил рабочих уважению к этим первым борцам против царизма, как Владимир Ильич. Для тов. Ленина недосягаемо высоко стоят такие деятели, как Желябов или Софья Перовская, — люди, которые поднимали знамя восстания и шли с бомбой и револьвером против царя в конце 70-х и начале 80-х годов. Когда Россия была тюрьмой народов, когда так тяжело дышалось сторонникам свободы, когда рабочие в России только еще начинали складываться

в класс, — Владимир Ильич хорошо понимал, как поистине велика и необъятна заслуга этих первых глашатаев русской революции» [1]).

Во время забастовки текстильщиков Ленин опубликовал свою первую нелегальную брошюру «О штрафах»; в ней он подытожил свои наблюдения и, опираясь на них, развил революционное учение в такой упрощенной форме, что марксизм, научный социализм, стал доступным пониманию даже наиболее отсталых людей.

1-го марта (по ст. ст.) 1898 г. в Минске открылся первый съезд «Российской Социал-демократической Рабочей Партии»; на нем присутствовало всего только девять делегатов [2]), но то был цвет грядущего революционного движения. Съезд выпустил воззвание и программу, в которых экономические проблемы рабочего класса тесно переплетались с политическими вопросами. Находясь в Сибири, в ссылке, Владимир Ильич не мог присутствовать на этом съезде, но влияние его было так значительно, что, когда было решено издавать нелегальную «Рабочую Газету», руководство этим органом было поручено В. И. Ленину. Едва только закончился съезд, как делегаты его были арестованы, и налаженная было связь между ячейками различных городов была разорвана. Рабочий класс в России опять остался без центрального руководящего ядра.

В уединении и тишине Ленин и его товарищи по ссылке так представляли себе ближайшие задачи текущего момента, повелительно требовавшие своего разрешения:

«Первая задача — наметить путь дальнейшего развития России, доказать, что все старые народнические теории на счет того, что Россия не будет развиваться через капитализм, что в России не будет пролетариата, который мог бы развернуть действительно революционное движение, что в России вся сила в крестьянстве, — ошибочны; разбить эту теорию на фактах, научным образом, пользуясь орудием марксизма; и другая задача — на почве этого научного доказательства о неизбежном росте про-

[1]) *Г. Зиновьев.* «И. Ленин». Петроград, 1918 г., стр. 12.

[2]) По одному представителю от четырех «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» (Петербургского, Московского, Киевского и Екатеринославского), четыре — от «Рабочей Газеты» и три от Бунда. *(Примеч. перев.)*

летариата, и того, что пролетариат неизбежно в России пойдет к социализму, доказать, что путь к этому социализму лежит через низвержение самодержавия, что в этом низвержении самодержавия рабочий класс должен отстаивать свои особые классовые социалистические интересы и что для этого надо создать боевую самостоятельную организацию рабочего класса» [1]).

Так изложил Л. Каменев первоначальные тезисы Ленина в своем докладе, прочитанном им после октябрьской революции на собрании рабочих Красной Пресни в Москве.

Ленин написал в это время несколько научных трудов, в том числе «Задачи русских социал-демократов»; в этой работе Ленин развивает мысль о связи между борьбой рабочего класса за экономические интересы и его борьбой против самодержавия. Он говорит следующее:

«Мы не должны ждать с созданием рабочей партии в России до тех пор, пока мы завоюем политические свободы. Нет, мы отстали от Европы на сто лет не для того, чтобы теперь непременно дожидаться с организацией рабочей партии, пока наша буржуазия встанет у власти. Нет, — именно сейчас, под спудом и под гнетом царизма, в этих отчаянно трудных условиях, — мы должны и мы будем создавать самостоятельную социалистическую классовую партию рабочих, борющихся уже сейчас *и* против царизма *и* против буржуазии» [2]).

Аксельрод и маленькая «Группа Освобождения Труда» были в восторге от чтения этого небольшого сочинения Ленина, появившегося под псевдонимом *Тулин* и с предисловием Аксельрода. В присутствии Луначарского, который в это время также жил заграницей, Аксельрод заявил: «Теперь можно сказать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение, что и там выдвигаются настоящие социалистические мыслители». — «Как? а Струве и Туган-Барановский?» спросил Луначарский, для которого, как и для большинства русской интеллигенции, имя Струве имело наибольший вес. С загадочной улыбкой Аксельрод возразил: «Да, но Струве и Туган-Барановский — все это страницы университетской науки, факты из истории эволюции русской

[1]) *Л. Каменев.* «История партии коммунистов в России и В. И. Ленин». Москва. 1919, стр. 17.

[2]) *Г. Зиновьев.* «И. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 18.

ученой интеллигенции, а Тулин — это уже плод русского рабочего движения, Тулин—это уже страница в истории русской революции»[1]).

Глубокий, объективный и остроумный анализ экономических условий России и их революционных последствий содержит другая работа Ленина, написанная им во время ссылки, — «Развитие капитализма в России». Здесь мы находим применение всех основных начал марксизма в приложении к России. Зиновьев рассказывает о том сильном впечатлении, которое вызвала во всех кругах эта книга, и о том отзыве, который дал о ней в 1902 г. в школе социальных наук в Париже профессор Ковалевский. «Какой хороший профессор, — сказал он, — мог бы выйти из Ленина[2])!». И, действительно, Ленин был вполне одарен педагогическими способностями, которые требуются от хорошего профессора. Он умел чрезвычайно просто излагать наиболее сложные проблемы и делать самые запутанные социальные и политические вопросы понятными даже для отсталых в культурном отношении рабочих и крестьян.

Занимаясь чтением и работая над своими произведениями, Ленин в то же самое время не переставал думать о более реальной, неотложно необходимой задаче: о создании боеспособной рабочей организации. Он полагал, что рабочему классу придется преодолеть долгие годы учения, пока он будет в состоянии перейти от экономической борьбы к борьбе политической. Он уже видел, как возникало новое течение, в противовес которому необходимо было создать мощное и решительное встречное движение. То была школа «экономистов», которая, действительно, стала в то время привлекать последователей среди рабочих и, главным образом, среди интеллигенции. «Предоставим политическую борьбу буржуазии»— говорили основатели этой школы, — «пролетариат же пусть ограничится чисто-экономическими требованиями». Наиболее способным и видным вождем этого направления сделался Петр Струве, а самое направление представляло собой лишенный революционной сущности марксизм, — вино без алкоголя.

Ленин выдвинул следующий организационный план: в виду того, что создать основное ядро в самой России, под крылом

---

[1]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот». Петроград. 1919 г., стр. 58.
[2]) *Г. Зиновьев.* «В. Ленин», стр. 20.

самодержавия, было бы опасно, необходимо руководящий центр устроить заграницей, поддерживая постоянную связь его с русскими массами; центр этот, будучи защищен от непосредственной опасности, должен всецело посвятить себя пропаганде и действию.

По окончании ссылки, Ленин возобновил свои поездки по России, занимаясь поисками, привлечением и объединением новых непоколебимых и убежденных сторонников революционного движения. Выехав заграницу, Ленин основал там газету «Искра», которая в дальнейшем оказывала большое влияние на русское и международное рабочее движение. «Искра», деятельным сотрудником которой был Мартов, выходила под девизом: «Из искры возгорится пламя», — слова, с которыми декабристы когда-то обратились к поэту Пушкину. Владимир Ильич упорно защищал в «Искре» свою радикальную точку зрения и, между прочим, отстаивал необходимость создания организации «профессиональных революционеров». Царизм, — таков был ход его мыслей, — это страшный, смертельный враг, и для успешной борьбы с ним необходимы такие люди, которые посвятят свою жизнь, — всю целиком, все мгновения ее — делу сокрушения царизма. Вести борьбу в полном объеме и с реальным успехом можно лишь в том случае, если обратить боевой фронт и против оппортунистов, против «экономистов», учение которых вредно для роста движения. Необходим железный костяк, вокруг которого сплотится все революционное пролетарское движение. Итак, люди, чувствующие призвание к этой двоякой борьбе, должны заниматься *профессией* революционера. Именно профессией! «Да, это настоящая профессия; такая же, как и всякая другая, отличающаяся от других только тем, что здесь человек идет на гибель ради интересов целого класса» [1]). Итак, революционному движению нужны не *любители*, не более или менее способные кустари, а настоящие профессионалы, техники!

«Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик», — писал Ленин, — «ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его, прежде всего, к себе самому. Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие

---

[1]) *А. Каменев.* «История партии коммунистов в России и В. И. Ленин». Москва. 1919 г., стр. 20.

задачи, и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от того, что мы оказываемся кустарями как раз в такой исторический момент, когда можно было, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров, — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лже-социал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сам», которые не понимают того, что наша задача — не защищать приниженье революционера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революционеров» [1]).

Над «Искрой» и мыслью о «профессиональных революционерах» глумились, но Ленин, нисколько не смущаясь, продолжал свою деятельность, развивая свою пропаганду и пытаясь осуществить намеченный им организационный план. Между тем Россия покрылась сетью ячеек, состоявших из профессиональных революционеров. Все эти ячейки были связаны с находившимся заграницей центром. Вскоре началась работа среди широких народных масс. Марксистская революционная литература, которая издавалась заграницей, проникала разнообразнейшими подпольными путями на русскую территорию и распространялась по заводским и рабочим кварталам. В каждом городе, на каждой фабрике рабочие знали уже о существовании марксистской партии.

Основоположник экономического течения, Петр Струве, оказавший некогда весьма ценные услуги рабочему движению, написал «Критические заметки», направленные против народовольцев. Георгий Плеханов похвалил эту книгу. Но Ленин уже в этом сочинении почуял весь оппортунизм и всю контр-революционность той идеологии, которую Струве, действительно, открыто выявил впоследствии. «Я чувствую и знаю», — говорил Ленин, — «что через год, через два Струве уйдет от рабочего класса и предаст нас буржуазии». Он говорил далее: «Вы, буржуазный идеолог, вы неминуемо отойдете в стан буржуазии и порвете с рабочим классом. Вы сами виноваты в этом, потому что вы смотрите на рабочий класс как на средство, а не как на цель. Он для вас важен как сила против царя, и вы хотите его использовать,

---

[1]) *Ленин.* «За 12 лет». «Что делать». Петроград. 1919 г., стр. 278 — 279.

не дав ему ничего. Позвольте вам этого не позволить. Мы до сих пор боролись против царя и буржуазии, но мы провозглашаем еще один фронт: мы будем бороться против «легального марксизма». Мы стоим за подлинный революционный марксизм, и мы отвергаем ваш урезанный легальный марксизм» [1]).

«Искровцы» самым энергичным образом усилили свою борьбу против «экономистов», «струвистов», «легальных марксистов», и сам Ленин усматривал серьезную опасность во внезапных симпатиях буржуазии к марксизму.

Одна за другой издавались марксистские книги. Появились марксистские газеты и журналы. Все стали увлекаться марксизмом. Марксистам льстили без меры, с марксистами носились, издатели приходили в восторг от огромного сбыта марксистской литературы.

Ленин руководил полемикой «Искры» против социалистов-революционеров, дальнейшие пути развития которых он очертил уже заранее. И здесь снова подтверждается необычайная проницательность этого человека. Уже тогда он считал их «авантюристами» и саботажниками революции и не давал им поэтому никакой пощады. «Вы, господа эс-эры», — говорил он, — «представители мелкой буржуазии, и ничего более!»

Но Владимир Ильич, упорно воевавший сначала против народовольцев, а затем против «экономистов», и не подозревал, что бок-о-бок с ним сражаются товарищи, против которых придется немедленно начать еще более жестокую борьбу. Этой борьбе суждено было продлиться вплоть до укрепления Советской власти.

В августе 1903 г. состоялся заграничей второй съезд Социал-демократической Рабочей Партии, на котором участвовали представители пятидесяти рабочих организаций. После обсуждения программы партии возникли бурные прения по организационному вопросу; в результате, члены съезда раскололись на две группы: на большевиков, т.-е. представителей большинства, и меньшевиков, т.-е. представителей меньшинства съезда. Спор возник по поводу вопросов не принципиального, а организационного характера, по поводу формулировки первого пункта устава партии; речь шла о постановлениях, касающихся состава центрального комитета

---

[1]) *Г. Зиновьев.* «Н. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 21 — 22.

партии и редакции «Искры», а также об обязанностях членов партии. Ленин отстаивал мысль, что члены партии должны, не ограничиваясь платежом членских взносов, активно участвовать в партийной работе. Преобладающая часть интеллигенции и, в особенности, члены «Группы Освобождения Труда» примкнули к меньшинству. Ленин утверждал, что уход оппортунистов освобождает рабочее движение от излишнего балласта, в то время как Мартов истолковывал раскол, как протест против ленинизма. Для поверхностного исследователя революционного движения этот спор может показаться талмудической схоластикой, но стоит только внимательно изучить историю съездов рабочих партий, кончавшихся расколом, чтобы убедиться в том, что подобные расколы, хотя они и возникают обыкновенно неожиданно, в связи с обсуждением каких-либо второстепенных вопросов, всегда являются результатом брожения, которое уже давно давало о себе знать в недрах партийных организаций.

Известие о расколе поразило всех своей неожиданностью. «У нас было такое представление», — писал Луначарский, — «что к нераздельной тройце: Ленин, Мартов и Потресов так же точно интимно припаялась заграничная троица: Плеханов, Аксельрод и Засулич. Поэтому известие о расколе на 2-м съезде ударило нас, как обухом по голове. Что Мартов и Ленин окажутся в разных лагерях, а Плеханов «расколется» пополам, это нам совершенно не приходило в голову».

«Первый параграф устава? Разве стоит раскалываться из-за этого? Размещение кресел в редакции? Да что они с ума там сошли заграницей?»

«Мы были скорее возмущены этим расколом и старались на основании скудных данных, которые доходили до нас, разобраться, в чем тут дело. Не было недостатка и в слухах о том, что Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии, что Мартов и Аксельрод не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана» [1]).

Упомянув о поддержке, оказанной Ленину Богдановым, Луначарский делает следующее чрезвычайно характерное заме-

---

[1]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот». Петроград. 1919 г., стр. 59—60.

чание, показывающее, кто были единомышленники Владимира Ильича:

«Вокруг Ленина не было ни одного крупного имени, но зато почти сплошь приехавшие из России делегаты, а там после перехода Плеханова собрались все заграничные божки».

Богданов так обрисовал создавшееся положение: «Заграничная партийная аристократия не желает понять, что у нас теперь действительно партия и что прежде всего надо считаться с коллективной волею русских практических работников».

Луначарский, приводя эту цитату, добавляет, что лучшие провинциальные рабочие, те самые, которых Ленин называл «бактериями революции», одобрили, как это вскоре выяснилось, точку зрения большевиков.

Ленин переживал тяжелые моменты, о которых его противники ничего не знали или не желали знать. Нельзя сказать, например, чтобы он перенес с легким сердцем разрыв со столь близким ему Мартовым, своим товарищем по ссылке и эмиграции, а также деятельнейшим соратником по газете «Искра». Странствуя по швейцарским горам, Ленин тщательно проверял себя. Кто прав? — задавал он себе вопрос. Он или инакомыслящие? Но из этого кризиса он вышел победителем. «Я останусь, может быть, в одиночестве», думал он, «но я попрежнему буду защищать свою точку зрения и пойду прямым путем». Он был твердо уверен в том, что пролетариат, когда он возьмет в свои руки свою судьбу, пойдет по этому же пути. Нельзя не отметить еще одной характернейшей черты гениальной личности Ленина: никогда в своей жизни, ни при каких обстоятельствах он не боялся остаться одиноким или прослыть «врагом народа». Чуть ли не во все критические моменты рабочего движения, например, во время раскола 1903 г., после поражения революции 1905 г., в начале империалистической войны 1914 г. — он оставался почти в полном одиночестве. Правда, это его огорчало, он разочаровывался в людях, но он никогда не сомневался в конечном успехе рабочего движения, и никогда не ослабевала железная воля, запечатленная на его лице.

Партия была спасена благодаря этой неумолимой стойкости его идеологии, этой решительной и неотступной преданности принципам научного социализма, — не закостенелого, а видоизме-

няющегося в зависимости от хода событий марксизма; партия была спасена именно благодаря этим чертам его характера, над которыми смеялись его противники.

Борьба против социал-соглашателей, меньшевиков, «ликвидаторов» и эс-еров, — говорит Каменев, — проходит красной нитью через всю работу партии и Ленина. К ним он был безжалостен. В преследовании оппортунистически-тенденциозных толкований мыслей Маркса в области политики, тактики, теории и философии он был всегда неумолим, без страха и упрека. Он подмечал малейшие отклонения, подвергал беспощадной критической оценке статьи и речи своих противников и постоянно доказывал, — и факты подтвердили это в полнейшей мере, — что зрелым плодом подобных отклонений является контр-революция. Несокрушимо, как скала, было его убеждение в неизбежности социальной революции и столь же непоколебимо его недоверие ко всем непролетарским течениям. Этим отчасти объясняется, почему Ленин и его партия впоследствии восторжествовали над коалицией всех других партий. — Между тем, имя Владимира Ильича Ленина стало подвергаться еще бо́льшим нападкам. Его обвиняли в ограниченности ума, в неслыханном высокомерии и безграничном деспотизме. «Он создает вокруг себя пустоту»,— говорили о нем, как это говорят о каждом человеке, который идет прямым путем и срывает всю мишуру с обманчивой фразеологии хитроумных борзописцев.

«Меня, как молодого социал-демократа, — рассказывает Зиновьев, — и двух моих приятелей представили Плеханову. Мы были еще молоды, совсем птенцы, но мы сочувствовали всей душой товарищу Ленину; мы читали «Что делать», знали, что это — евангелие искровства... И вот Плеханов пытался высмеивать перед нами Ленина. Он говорил: «Вы идете за ним, но он теперь повел такую линию, что через несколько недель он будет годиться разве только для того, чтобы воробьев пугать в огородах. Ленин поднял знамя борьбы против меня, Плеханова, против Засулич и Дейча. Разве вы не понимаете, что это неравная борьба? Ленин— конченый человек. С того момента, как он порвал с нами, со стариками, с «Группой Освобождения Труда», его песенка спета». Так говорил Плеханов. На нас, молодежь, это производило некоторое впечатление. Плеханов при этом сурово поводил

бровями, и нам было вчуже страшновато. Мы шли к товарищу Ленину и наивно жаловались ему: вот что говорит Плеханов. Ленин смеялся и успокаивал нас: цыплят по осени считают, поборемся, посмотрим, с кем пойдут рабочие [1]).

Не менее тяжкие удары, чем те, которыми он награждал народовольцев, «экономистов» и эс-эров, Ленин наносил и Мартову, и Плеханову, и меньшевикам. Так как «Искра» попала в руки меньшевиков, большевики основали новый орган «Вперед», и обе газеты вступили в ожесточенную борьбу. В пылу спора с обеих сторон посыпались самые оскорбительные эпитеты, и одним из первых попал под обстрел Владимир Ильич. Несмотря на преимущество меньшевистской тяжелой артиллерии—меньшевиков поддерживал мировой авторитет Георгия Плеханова и центральный комитет, а кроме того, они имели в своем распоряжении большое количество газет и литературы,—Ленин успешно атаковал позицию своих противников. Из ряда его работ по поводу этого партийного спора назовем: «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

В мае 1905 г., в Лондоне состоялся третий съезд Российской Социал-демократической Рабочей Партии, т.-е. первый съезд большевиков.

Старик Бебель написал письмо от имени Ц. К. германской социал-демократической партии, в котором предложил свое посредничество для объединения обеих борющихся групп снова в одну партию. Ленин ответил на это письмо следующим кратким заявлением: «Мы высоко уважаем тов. Бебеля, но по вопросу о том, как вести борьбу в нашей стране против царя и буржуазии, позвольте нам иметь свое мнение и позвольте с господами меньшевиками расправиться так, как заслуживают агенты буржуазии». Русские противники Ленина перенесли свои споры даже в недра II Интернационала; против Ленина и его партии велись самые гнусные интриги, а на Брюссельской конференции, в июле 1914 г., за несколько недель до войны, противникам Ленина удалось до некоторой степени восстановить против большевиков даже Розу Люксембург: так коварны были меньшевики и так крепко они были спаяны духовным родством с западно-европейскими оппортунистами — Вандервельде и Каутским.

---

[1]) *Г. Зиновьев.* «Н. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 28 — 29.

В тезисах, предложенных Лондонскому съезду 1905 г. и представляющих собой шедевр политического реализма, Ленин с поразительной проницательностью выявил объективные и субъективные условия русского рабочего движения, раскрыл иллюзорность парламентаризма и тогда уже стал на защиту идеи революционной диктатуры рабочих и крестьян.

2. От революции 1905 до революции 1917 года.

В том самом году, когда большевики вырабатывали свою собственную программу, по России прокатилась волна революционных выступлений, которые принято считать первой русской революцией. Экономический кризис, обусловленный отчасти русско-японской войной, поражение русской армии, продолжавшаяся годами систематическая революционная пропаганда — все это вызвало ряд крупных забастовок. Перед рабочими впервые встал вопрос о том, избрать ли своих вождей из среды «экономистов» или из среды истинных марксистов.

3-го января 1905 г. рабочие Путиловского завода прекратили работу, а 7-го число бастующих увеличилось уже до 140.000. Движение достигло апогея 10-го, но уже 13-го января рабочие вновь возвратились к станкам.

9-го января рабочие участвовали во внушительной демонстрации перед Зимним дворцом. Они хотели передать царю составленную в весьма умеренных выражениях петицию. В этой петиции, описывая свое тяжелое материальное положение, они требовали амнистии, гражданских свобод, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня и нормальной заработной платы. В начале петиции выдвигалось требование о созыве избранного на основании всеобщего и равного голосования Учредительного Собрания. Рабочих встретили ружейными залпами; на месте остались сотни убитых и тысячи раненых.

Священник Гапон, игравший некоторую роль в этой демонстрации, проклял офицеров и солдат, стрелявших в своих братьев. Журналистам, хроникерам и поверхностным историкам Гапон мог показаться крупной фигурой, но на самом деле он был посред-

ственным человеком; по выражению Троцкого, он был подхвачен окружавшими его сознательными рабочими и загипнотизирован собственным успехом [1]).

11-го января на заседании совета министров Витте предложил обсудить вопрос о демонстрации 9-го января и о мероприятиях, способных «предотвратить в будущем столь печальные события». Предложение это было отвергнуто.

Проходит несколько месяцев, и уже в конце сентября вновь поднимается революционная волна. В районе университета создаются революционные объединения, в которых, несмотря на введенный генералом Треповым террор, участвуют и рабочие. Аресты и расстрелы не прекращаются. Один за другим созываются митинги около университетов — Петербургского и Киевского. Бастуют литографы и печатники, затем прекращают работу пекари, присоединяются к движению железнодорожники. Заседания по профессиональным вопросам превращаются в политические собрания, на которых вносятся предложения о немедленном объявлении всеобщей железнодорожной забастовки. Забастовка растет; принимается решение об организации «Совета рабочих депутатов». Работы возобновляются на несколько дней, после чего возникает железнодорожная забастовка в Москве, Нижнем, Рязани и других городах России. К железнодорожникам присоединяются работники почтово-телеграфного ведомства и электрических предприятий. 13-го октября Совет рабочих депутатов собрался в Петербурге на свое первое заседание в Технологическом институте, а 17-го появился первый номер «Известий» — печатного органа Совета. 17-го октября Витте назначают председателем совета министров, и стране «даруется конституция». В ночь с 17-го на 18-е народ наводняет улицы, выкидывает красные флаги и с пением «вечной памяти» в честь январских жертв ходит по городу, требуя амнистии. Массы не питали ни малейшего доверия к этому либерализму, наскоро состряпанному ради спасения самодержавия. И, действительно, впоследствии Витте привлек в качестве министра внутренних дел Дурново, который довершил кровавую контр-революционную эпопею.

---

[1]) Ср. *Л. Троцкий.* «1905 г.». Госиздат. 1922 г., стр. 77: «События волокли его»... И далее: «Гипнотизируемый собственным успехом, он отдался волне». *(Примеч. перев.)*

В ноябре хлынула новая волна забастовок и митингов. Совет объявляет всеобщую забастовку. Витте обращается к нему с телеграфной просьбой о прекращении забастовки, употребляя при этом выражение «братцы-рабочие». Совет отвечает иронически, но выносит решение прекратить 7-го ноября забастовку. 26-го ноября заключают под стражу председателя Петербургского Совета Хрусталева-Носаря, а несколько дней спустя, 3 декабря вечером, арестовывают во время заседания всех членов Совета.

Петербургский Совет заседал с 13 октября по 3 декабря. На первом заседании участвовало лишь несколько десятков депутатов. Во второй половине ноября насчитывалось уже 562 депутата (в том числе 16 женщин), представлявших 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профсоюзов. 351 депутат были рабочие. Избравший 17-го октября Исполнительный Комитет состоял из 32 членов. 22 из них были делегатами от рабочих, 9 членов представляли партии (каждая из обеих фракций социал-демократической партии имела трех делегатов, а партия эс-эров была представлена тремя делегатами).

В революционные дни 1905 года Ленин проявлял значительную активность, хотя внешне она была и мало заметна. В отличие от Троцкого, он официально не принимал участия в движении. Собственно говоря, идея организации Советов выдвигалась и поддерживалась, главным образом, меньшевиками; но Ленин присущим ему живым и пристальным взором следил за всеми усилиями рабочих масс, за работой Петербургского Совета, за ходом московского вооруженного восстания, в котором значительное участие приняли старые большевики, как, например, Владимирский.

Ленин жил в Петербурге нелегально. Ц. К. партии воспретил ему принимать активное участие в событиях и показываться слишком часто. Два-три раза он присутствовал на собраниях Совета, укрываясь от посторонних глаз на хорах зала. Когда стало известно о предстоящем аресте членов Совета, партия воспретила Владимиру Ильичу присутствовать на этом последнем историческом заседании.

Ленин понял, что такое Совет и чем он должен быть. Совет не был, с его точки зрения, второстепенной, случайной органи-

Члены Р. К. П., участники революции 1905 г.

В среднем ряду сидят (слева — направо): С. С. Данилов, Н. Крестинский, А. Иоффе, Л. Каменев, Ленин, Ф. Я. Кон, Е. Д. Стасова, С. Мицкевич, Б. М. Эльцин, Г. Петровский, Н. Скрыпник и Ходоровский.

задней, имевшей целью связать массы с правительством. Ленин считал Совет носителем власти — государственной власти рабочих, рабочего государства. Эту идею Совета он осуществил несколько лет спустя.

В то время как меньшевики сожалели о бунтарской, боевой форме революционного движения 1905 г., Ленин, наоборот, признал ее вполне правильной, усматривая в характере этого движения проявление большевистской тактики.

«Иначе,—пишет Зиновьев,—отнесся к московскому восстанию 1905 г. товарищ Ленин. Для него не было более высокой и почетной страницы, как история московского вооруженного восстания. Первое, что он сделал, это стал собирать материалы о восстании. Он хотел выяснить самые мелкие штрихи, самые подробные технические детали этого восстания. Он хотел выяснить каждую биографию участника восстания. Он старался расспросить каждого военного деятеля, принимавшего участие в восстании. Всех участников восстания Ленин призывал на первое место для того, чтобы они рассказали рабочему классу и всему миру об условиях подготовки московского вооруженного восстания и о причинах его поражения. Ибо Ленин понимал, что московское восстание — это первая форпостная стычка с буржуазным миром. Он великолепно понимал всемирно историческое значение московского восстания, тогда разбитого и потопленного в крови рабочих, но все же первого славного рабочего восстания против царизма и против буржуазии в самой отсталой стране» [1]).

Подавление восстания грозило многим революционерам тюрьмой и ссылкой. Члены Петербургского Совета были преданы суду и приговорены к смертной казни или ссылке. Большинство оставшихся на свободе или бежавших революционеров эмигрировало. А фракционная борьба вспыхнула теперь с еще большей силой, так как она опиралась уже на определенные факты и реальные события.

Меньшевики утверждали, что рабочие зашли в своих требованиях слишком далеко и что пролетарское движение не должно было в своем развитии отпугивать буржуазию. В первую очередь

---

[1]) *Г. Зиновьев.* «Н. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 33.

необходимо было, по ее мнению, посчитаться с самодержавием. Но Ленин на это отвечал:

«Вы не поняли этого движения. Это была великая революция, а отнюдь не хаос. Это была великая революция не потому, что был манифест 17-го октября, что буржуазия начала шевелиться, а потому, что было, хотя и побежденное, *московское вооруженное восстание рабочих*, потому что перед мировым пролетариатом проблеснул на один месяц Петербургский Совет Рабочих Депутатов... И революция возродится, Советы возродятся и Советы победят» [1])...

Ленин отстаивал ту мысль, что рабочее движение должно привести к диктатуре пролетариата и непмущего крестьянства. Солдаты стреляли в народ, потому что в большинстве своем они принадлежали к крестьянству. И вот, отобрать землю у собственников и передать ее крестьянской бедноте — такова реальная программа, при помощи которой пролетариату удастся свергнуть самодержавие и захватить государственную власть в свои руки. В статье, появившейся в польской газете «Пшеглонд» [2]), Ленин разъяснил, что́ он тогда подразумевал под диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства; некоторые из его оппонентов по этому поводу торжествовали. В той же газете Троцкий, подвергнув критике меньшевистскую тактику, указывал на опасность, коренившуюся в тактике, восхваляемой большевиками. Другие критики — явные противники Ленина — занимались отыскиванием противоречий в ходе его мыслей. В действительности же Ленин, будучи весьма озабочен реальными событиями и их историческим развитием, сознательно придерживался в то время чрезвычайно гибкой тактики. Положение в 1917 г. значительно отличалось от условий 1905 года, и «демократическая» диктатура в том виде, как ее формулировал Ленин в 1904 г., не имела 15 лет спустя уже никакого права на существование. Подобно этому, и «новая экономическая политика», вызванная к жизни и осуществленная на практике в России в 1921 г.,

---

[1]) Там же, стр. 27 — 28.

[2]) «Przegląd Socjaldemocratyczny» («Социал-демократическое Обозрение») = орган теоретической мысли польской социал-демократии; выходил в Кракове до 1905 г.; возобновленный в 1908 г. выходил до 1910 г. включительно. (*Прим. перев.*)

есть не что иное, как известная демократизация пролетарской диктатуры путем уступок крестьянам [1]).

Период, последовавший за октябрьскими и ноябрьскими днями 1905 г., был по существу явно контр-революционным. Манифест, вырванный русским народом 17 октября 1905 г., был уничтожен, конституция — взята обратно, гласный процесс с.-д. — заменен военно-полевыми судами. Многие революционные борцы попали в тюрьмы и на каторгу; печать была задушена. Снова воцарился пессимизм. Но все это не поколебало надежд Ленина, основанных не на каком-то беспочвенном идеализме, а на фактах, которые он лично наблюдал, взвешивал и противопоставлял друг другу. С глубокой верой ожидал он лучших дней.

Большевистской партии пришлось уйти в подполье. Ленин, скрывавшийся в Петербурге, где он руководил социал-демократической газетой и вел пропаганду среди рабочих масс, вынужден был в 1906 г. удалиться в Финляндию. Он поселился в Куоккале, но его местопребывание было вскоре обнаружено, и он уехал заграницу.

Там он возобновляет свою энергичную деятельность, собирает вокруг себя товарищей, объединяет, поучает и шлифует их. Он остается при убеждении, что революционное движение, раньше или позже, возродится, и более чем когда-либо настаивает на необходимости создать стойкую нелегальную рабочую организацию. Он считает, что надо использовать все средства: Думу, профсоюзы, кооперативы. Пропаганда, которую он ведет в пользу участия во второй, третьей и четвертой Думах, создает ему противников слева. Можно по пальцам перечесть тех, кто остался верен Владимиру Ильичу: Зиновьев рассказывает о том, что один из парижских юмористических листков с иронией обещал полцарства тому, кто назовет, кроме Ленина, Зиновьева и Каменева, еще четвертого большевика.

В Париже и Женеве издавалось громадное количество газет и брошюр, которые печатали на тончайшей бумаге и затем пересыла-

---

[1]) К этому вопросу, по которому Ленин подвергался иногда критике со стороны левого крыла партии, мы еще вернемся во второй части настоящей книги.

ли в Россию подпольными и надежными путями. Так появились «Пролетарий» и «Социал-Демократ».

В 1907 г. Ленин принимает очень деятельное участие в международном конгрессе в Штуттгарте, главным образом, в прениях и выработке резолюций, относящихся к войне. Вместе с Розой Люксембург, он внес на обсуждение и голосование конгресса знаменитый пункт, впоследствии включенный в резолюцию Базельского конгресса, в котором говорилось, что в том случае, если, несмотря на сопротивление рабочих всего мира, война все-таки вспыхнет, социалисты должны «использовать всеми средствами экономический и политический кризис», дабы «ускорить падение капиталистического господства».

По просьбе своих друзей, Ленин выступил на конгрессе с обстоятельным докладом, в котором он изложил свой взгляд на войну. Что же касается резолюции, то она в основных пунктах расходилась с внесенной Бебелем резолюцией. Бебель уверял Владимира Ильича в том, что он вполне солидарен с его взглядами, но, вместе с тем, горячо убеждал его соблюдать величайшую умеренность в выражениях, чтобы преждевременно «гусей не раздразнить».

На заседании русской делегации Плеханов и Троцкий настойчиво предлагали сойтись на точке зрения Бебеля. После окончания работ редакционной комиссии, Ленин передал все материалы Розе Люксембург. Она и выступила с речью и внесла составленную комиссией резолюцию.

Значительную часть своего времени Ленин посвящал изучению истории и философии. Луначарский, Богданов, Базаров, П. Юшкевич и другие, увлекавшиеся германской позитивистской философией (Рудольф Авенариус, Мах и др.), выпустили сборник статей под заглавием: «Очерки материалистической философии». Ленин ответил им объемистым трудом: «Материализм и эмпириокритицизм». Эта работа свидетельствует о глубокой вдумчивости, исключительной эрудиции и строгой последовательности материалистических воззрений Ленина, решительно отвергающего даже самые незначительные уклонения в сторону идеализма.

Борьба, которую Ленин вел против «впередовцев», еще более обострилась на почве особой политической ориентации этой группы. Дело в том, что члены этой группы оставались закоснелыми

антипарламентариями, в то время как Ленин решительно отстаивал мысль об участии во второй Думе.

«За время этой размолвки», — рассказывал Луначарский, — «я с Лениным совершенно не встречался. Меня очень возмущала политическая беспощадность Ленина, когда она оказалась направленной против нас. Я и сейчас думаю, что очень многое между большевиками и впередовцами создано было просто эмигрантскими недоразумениями и раздражениями, а кроме того, конечно, весьма серьезными философскими разногласиями» [1]).

В философских воззрениях Богданова и Луначарского, по мнению Ленина, таилась серьезная опасность, чем и объясняется обстоятельный и оживленный характер его книги.

Эта полемика произвела на Богданова очень сильное впечатление, и он поведал своим ближайшим друзьям, что, по его убеждению, Ленин волей рока превращается в октябриста. «Да», шипит Луначарский, — «Ленин сделался октябристом, но совсем другого октября»! [2]) Ленин и Луначарский встретились впоследствии на международном конгрессе в Копенгагене, но помирились они только в Цюрихе, во время войны 1914 г., после первой Циммервальдской конференции.

Полемизируя с сектой идеалистических философов и «фидеистов», Ленин не забывал, конечно, и тех, кого он считал своими злейшими врагами: меньшевиков — мягкотелых «ликвидаторов». Подобно реформистам из II Интернационала, меньшевики систематически отрицали необходимость нелегальных организаций и активных выступлений. Они высказывались против всякой открытой борьбы, которая предпринималась в России во имя новой революции. Целая литературная школа, во главе с Потресовым и Череванным, сгруппировалась вокруг журнала «Наша Заря» и с тенденциозной последовательностью проводила в нем отмеченные нами реформистские воззрения. Эти оппортунисты были исключены из партии конференцией 1912 г., на которой была восстановлена Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

---

[1]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот». Петроград. 1919 г., стр. 70 — 71.

[2]) Там же, стр. 70 — 71.

Еще более ожесточенная борьба велась между большевистской и меньшевистской группами. Большевистское крыло было представлено избранным на конференции 1912 г. Центральным Комитетом. Меньшевики отказывались признать эту конференцию и защищали идею единства партии в форме ее воссоединения с группой «Наша Заря». Спор вызвал ряд столкновений между газетами «Правда» и «Луч», и между обеими социал-демократическими фракциями в четвертой Думе.

Постепенно газета «Правда» и группа «правдистов» привлекли на свою сторону подавляющее большинство организованных рабочих, приблизительно до четырех пятых общего их числа. Очень трудно точно указать число сторонников обеих партий и размеры их денежных средств, так как условия русского самодержавия не давали возможности вести ту регулярную отчетность, какая практиковалась в социалистических партиях других стран. Некоторым указанием в данном случае могут служить пожертвования — единственная возможная в то время и поддающаяся учету форма взносов. Приводим несколько цифр, сообщенных газетой «Фольксцейтунг» в № от 21-го июля 1921 г.:

	«Правдисты».		Меньшевики.	
	Число взносов.	Суммы в рублях.	Число взносов.	Суммы в рублях.
Рабочие группы	2.873	18.934	671	5.296
Нерабочие группы . . .	713	2.650	423	6.760

В 1912 г. Ленин покинул Париж и направился в Галицию; в Кракове он создает базу для политической деятельности партии. Он поддерживает непрерывную связь с находящимися в России рабочими организациями и с членами небольшой фракции большевиков в Государственной Думе. Рабочий фронт в России крепнет. Появляется даже возможность издавать легальный орган. При содействии Зиновьева, Ленин посылает в «Правду» информационный материал и статьи о международном рабочем движении.

В редком номере «Правды» не было статей или заметок Владимира Ильича.

«Своими статьями и советами», — пишет Зиновьев, — «своими частными письмами в Петербург, товарищу Ленину удалось добиться того, что «Правда» стала блестяще откликаться на все злобы дня. Мало того, наш аппарат настолько усовершенствовался, что перед каждым крупным собранием профессионального союза или другой рабочей организации мы часто устраивали предварительное совещание Петербургского и Краковского Бюро Ц. К. [1]).»

В Кракове Ленин принимал, обучал и выковывал революционных парламентариев, подготовляя их к выступлениям в Думе, которые он мыслил не в форме длинных речей, а в виде сжатых ясных и определенных указаний, в виде кратких, энергичных заявлений.

С 1912 г. по 1914 год революционное движение расширялось. С 1913 г. в забастовках участвовало более $1^1/_2$ миллиона рабочих; в 1914 г. их число превысило два миллиона; еще накануне войны воздвигались баррикады, как раз в то время, когда господа Пуанкарэ и Вивиани прогуливались по петербургским улицам, с улыбкой предвкушая предстоящую великую бойню.

4-е августа 1914 года. II Интернационал терпит крах. Мы дожили до позора бойни, позора измены самым торжественным лозунгам. «Революционные» депутаты работают рука об руку с королями и полководцами. А те немногие, которые остались такими же, какими они были и до этого дня, стали жертвой самого мрачного пессимизма. Но Ленин, — быть может, единственный, — не терял уверенности в конечном торжестве революции. С этого времени он стал во главе международного движения, и в его мозгу зародилась мысль о III Интернационале, который должен быть воздвигнут не из дерева или ломкого кирпича, а из железа и бетона, на несокрушимой скале. В глазах всех народов он стал общественным вождем тех, кто не желал следовать ни за Каутским, ни за Жюлем Гэдом, — этими ренегатами марксизма, ставшими на защиту империалистической войны.

---

[1]) *Г. Зиновьев.* «Н. Ленин». Петроград, 1918 г., стр. 45.

Из России приходят вести, с опубликованием которых социалистические газеты не спешат. Социал-демократическая цензура ни в чем не уступает цензуре правительственной. Революционной «Правде» затыкают рот, а царизм, окрепший под влиянием войны и поддерживаемый французскими войсками и лже-социалистами, увеличивает число своих преступлений и позорных деяний. Царизм надеется обогатиться и завладеть, при содействии английской дипломатии, Галицией, Арменией и Константинополем — «Константинградом», как его с этих пор стала неизменно называть французская империалистическая газета «Temps» («Тан»).

Либеральные буржуазные партии не борются больше мощным шовинистическим течением. Либералы якшаются с черной сотней, а народники объединяются ради «гражданского мира» с либералами, тем самым сознательно вступая в тесный союз со злейшими врагами народа. Плеханов, порвавший с Лениным после раскола 1903 г. и сблизившийся с меньшевиками, становится ярым патриотом и издает стоящую на платформе «гражданского мира» ультра-националистическую газету «Призыв». В лагере анархистов Кропоткин следует примеру Плеханова, и его антимарксизм превращается в ярое германофобство. Лидер меньшевиков в Думе — Чхеидзе, избранный впоследствии первым председателем Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, занимает, по меньшей мере, двойственную позицию: он голосует против военных кредитов, но позволяет своим друзьям участвовать в военно-промышленных комитетах. Дело доходит даже до того, что сам Вандервельде, председатель II Интернационала, обращается по телеграфу к русским социалистам с предложением временно прекратить борьбу с царизмом и выступить единым фронтом против Германии!

Один лишь Центральный Комитет большевиков отвечает на призыв Вандервельде категорическим отказом.

Только члены большевистской фракции Гос. Думы—Муранов, Петровский, Бадаев, Шагов и Самойлов — остаются последовательными интернационалистами и ведут среди пролетарских масс пропаганду против империализма и войны. Русское правительство, встревоженное столь мужественным поведением неустрашимых депутатов, этих заклятых врагов империализма и войны,

арестует их и приговаривает к ссылке на поселение. На суде царский прокурор упрекнул подсудимых в том, что они присоединились к ответу Ц. К. на призыв Вандервельде, и подкрепил свои доводы указанием на «благородное» поведение социалистических депутатов Франции и Германии. Муранов (представитель рабочих харьковского района) держал себя на суде с присущей ему твердостью и достоинством и во всеуслышание заявил, что он действительно создавал рабочие комитеты, выносившие резолюции протеста против войны.

Не умаляя заслуг и мужества упомянутых товарищей, нельзя не отметить, что как в данном случае, так и во многих других, Ц. К. и думская фракция большевиков вдохновлялись Лениным.

В первые дни войны Ц. К. большевистской партии принял резолюцию, в большей своей части составленную Лениным. Эта резолюция была помещена в № «Социал-Демократа» от 1 ноября 1914 г. (Она появилась в печати с таким значительным опозданием вследствие того, что сношения с Россией, в связи с войной, были особенно затруднены.)

Резолюция эта широкими штрихами рисует истинные причины войны; она напоминает, что германское правительство было всегда самым верным союзником царизма, и указывает на то, что французское и английское правительства стремятся при помощи войны аннексировать германские колонии и погубить конкурирующую с ними нацию.

«Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран — для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного» [1]).

---

[1]) *Г. Зиновьев* и *Н. Ленин*. «Социализм и война». Петроград. 1918 г., стр. 48.

Резолюция осуждает оправдание войны, поддерживаемое социалистами различных воюющих стран, и предательство, совершенное II Интернационалом. «Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предала свою родину и соединилась с Бисмарком для подавления Коммуны».

Это было банкротство II Интернационала, банкротство столь характерного для него оппортунизма; это был отказ от принятых в Штуттгарте, Копенгагене и Базеле обязательств.

И эта написанная еще в первые недели войны резолюция уже возвещает: «Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. *Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал.* Объединяющим лозунгом должно быть «превращение современной империалистической войны в гражданскую войну» [1]).

Тезисы, разработанные и одобренные конференцией заграничных секций Российской Социал-демократической Рабочей Партии, содержат дальнейшее развитие мыслей этой резолюции. Целый абзац посвящен III Интернационалу:

«Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый социал-демократический «центр», с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными, лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить в защиту социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

«Российская Социал-демократическая Рабочая Партия должна поддерживать всячески интернациональные и революционно-мас-

---

[1]) *Г. Зиновьев* и *И. Ленин.* «Социализм и война». Петроград. 1918 г., стр. 49, 50 и 54.

совые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистических элементов Интернационала» [1]).

Поле деятельности Ленина в Швейцарии было сначала очень ограничено. Швейцарская социалистическая партия была во власти оппортунизма; хотя страна и сохраняла по отношению к войне «нейтралитет», парламентская социалистическая фракция все-таки голосовала за военные кредиты. В сотрудничестве с Зиновьевым, Радеком, Бронским и Мюнценбергом Ленин принялся за восстановление партии и приспособление ее для целей международного движения. Можно сказать, что Ленин занимал одно из первых мест среди духовных вождей Циммервальдской конференции, на которой он попрежнему представлял последовательное радикальное левое крыло.

Не покладая рук боролся он с международным шовинистическим течением, особенно энергично нападая на различные русские социалистические партии.

С благословения Плеханова и Алексинского, этих великих русских социал-патриотов, меньшевики заняли колеблющуюся позицию; если можно так выразиться — «ни рыба, ни мясо»: вот в чем заключался истинный смысл тактики меньшевиков.

В Париже Мартов и Троцкий основали 1 сентября 1914 г. ежедневную газету «Голос», впоследствии «Наше Слово», в которой сотрудничали меньшевики-интернационалисты, осуждавшие позицию Чхеидзе и, тем не менее, остававшиеся с ним в одной партии. Кроме того, в газете работали некоторые другие лица, которые не принадлежали ни к большевикам, ни к меньшевикам: сам Троцкий, Луначарский, Сокольников, Лозовский. Борясь также и с «Нашим Словом», Ленин в пылу полемики доходил иногда до того, что величал Троцкого «господином». Организационный Комитет, членом которого был Мартов, обвинял «Наше Слово» в анархистском уклоне; редактируемая Троцким газета, однако, категорически высказывалась против Чхеидзе; это вскоре заставило Мартова выйти из состава редакции «Нашего Слова». Впоследствии, в 1916 г., Троцкий, по настоянию русского посла и в то же время французских социал-патриотов, был выслан из Франции за интернационалистскую пропаганду.

---

[1]) Там же, стр. 59.

В Циммервальде Ленин и возглавляемое им левое крыло последовательно отстаивают свою позицию, критикуют пацифизм и оппортунизм и объявляют интернационализм, исповедуемый германскими и французскими социалистами, Серрати и Раковским, недостаточно последовательным. Раковский стоял тогда на позиции Троцкого и проявлял в своих отношениях к центристам некоторую осторожность.

«Я великолепно помню», — пишет Зиновьев, — «как горячий Раковский чуть не засучивал рукава, чтобы драться со мной и с Лениным из-за того, что мы заявляли: Мартов — агент буржуазии. — «Как вы смеете так говорить!» — кричали они нам. — «Мы знаем Мартова двадцать лет!» А мы отвечали: «Мы знаем Мартова не меньше, чем вы, и мы утверждаем, что все, что есть честного среди русских рабочих, пойдет за нами, пойдет против войны, а Мартов защищает буржуазные взгляды» [1]).

В своих докладах, статьях, листовках и брошюрах Ленин защищал идеи и тезисы, предложенные им обеим конференциям — Циммервальдской и Кинтальской (первая происходила 5 — 8 сентября 1915, вторая 24 — 30 апреля 1916 г.) Циммервальдское левое крыло начало издавать научный журнал «Vorbote» («Предвестник»); ответственными редакторами журнала были Пашекук и Генриетта Роланд-Гольст, а важнейшие статьи в нем принадлежали перу Ленина, Зиновьева и Радека.

Противники Ленина и оппортунисты, мечтавшие, подобно Роберту Гримму, официальному председателю циммервальдских конференций, о блестящей карьере, горячо упрекали его за его радикализм и «преувеличения». По мнению этих господ, ничего не знавших о протекавшей в гуще рабочих масс долголетней плодотворной деятельности этого неподкупного революционера, — Ленин был интеллигентом анархистского уклона, ничего не смыслившим в жизни и настроениях масс. «Ах, как я вам завидую», — сказал однажды Гримм Ленину и Радеку, — «что вы живете в горах и можете спокойно, по собственному побуждению, читать, учиться и работать. Вы имеете дело с книгами, а я — с рабочими!»

Даже Георг Ледебур нападал на Ленина. Впрочем, не он один: в том же духе высказывались французы Мерргейм и Бризон,

---

[1]) *Г. Зиновьев.* «Н. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 50.

не говоря уже о целом ряде швейцарцев. «Да, вы здесь, живя заграницей», — говорил Ледебур, — «бросаете призывы к гражданской войне. Я посмотрел бы, как бы вы это делали, живя в России»... [1])

В Цюрихе Ленин жил в рабочем квартале, занимая вместе со своей супругой, Надеждой Константиновной Крупской, одним из старейших и активнейших членов партии (в настоящее время она состоит членом Коллегии Народного Комиссариата Просвещения), скромную низкую комнату в квартире рабочего. Ленин внимательно следил за партийными собраниями и заседаниями профессиональных союзов и участвовал в работах съездов и конференций швейцарской социалистической партии. Он читал газеты, журналы и книги, делая на полях критические заметки. Какое глубокое удовлетворение испытывал он, когда мог констатировать какой-нибудь успех в антимилитаристическом движении во Франции и Германии!

Как и Троцкий, который, проживая в Париже, держался вдали от социалистической партии и одновременно поддерживал тесное общение с синдикалистами из «Ви Увриэр», — Ленин с самым напряженным вниманием читал анархистские газеты, занимавшие последовательную позицию по отношению к войне. Особенное внимание он обращал на последние страницы газет, где печатались отчеты о заседаниях оппозиционных организаций и сообщались сведения о собранных по подписке среди рабочих суммах.

Несмотря на многочисленные препятствия, Ленин получал из России вести о растущем недовольстве масс, об усиливающемся брожении среди солдат, об экономических затруднениях, об учащении забастовок и продажности крупной буржуазии и царской камарильи. Он подчеркивал симптомы разложения правительства и признаки прогресса антимилитаристического рабочего движения.

17 декабря 1916 г. (по старому стилю) был убит Распутин; это было результатом заговора, организованного князем Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем и членом Государственной Думы Пуришкевичем. 5 января созыв Гос. Думы был отсрочен на 14 февраля. В день открытия Думы в Петрограде

[1]) *Г. Зиновьев.* «Н. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 51.

Дом на Шпигельгассе в Цюрихе, где Ленин жил в 1916—17 г.г. вместе с Н. К. Крупской, занимая комнату в семье рабочего.

(Окно его комнаты отмечено крестиком.)

забастовало 300 тысяч рабочих; в районе Невского проспекта произошли демонстрации. Несколько дней спустя изголодавшееся население разгромило булочные в некоторых районах столицы, требуя хлеба и мира. Либеральная буржуазия пыталась предотвратить приближение страшного кризиса; видя возбуждение народных масс и солдат и учитывая влияние рабочих вождей, она боялась революции. Недаром сам господин Милюков, ежедневно совещавшийся с английским послом сэром Бьюкенэном о мерах «спасения» России и Антанты, заявил однажды: «Если бы путь к победе вел через революцию, я отказался бы от победы» [1].

3. Падение самодержавия и возвращение Ленина в Россию.

24 февраля 1917 г. забастовочное движение разгорелось с новой силой; на Невском проспекте происходили демонстрации, на Казанской площади состоялись импровизированные митинги; грянули первые грозные выстрелы. Председатель совета министров Протопопов отдал приказ установить на крышах пулеметы. На следующий день, 25 февраля (10 марта), столица была разделена на секторы, подчиненные командирам полков петроградского гарнизона. Толпа, не встречая на своем пути ни малейшего сопротивления, с требованием мира, свободы и хлеба, двигалась к центру города. Здесь, однако, произошло вооруженное столкновение демонстрантов с полицией. С обеих сторон насчитывалось много убитых и раненых. Рабочие фабрик, по собственной инициативе, избрали делегатов. Вечером делегаты эти, собравшиеся в помещении Центрального Военно-Промышленного Комитета, были арестованы. Зашевелилась и буржуазия. Прогрессивный блок Государственной Думы принимает резолюцию, в которой заявляет, что правительство, обагрившее свои руки народной кровью, не имеет больше права предстать перед Государственной Думой, и что Государственная Дума навсегда порывает с этим правительством.

26 февраля солдаты стреляют в толпу; пускают в ход пулеметы; число жертв растет. Но солдаты уже переходят на

---

[1]) Из речи, произнесенной Милюковым в Гос. Думе в 1916 г. (*Примеч. перев.*)

сторону восставших. Председатель Государственной Думы Родзянко отправляет в Ставку телеграмму, настойчиво умоляя царя передать власть человеку, «пользующемуся доверием страны». «Всякое промедление смерти подобно»,—добавляет он. Увы, было слишком поздно!

27 февраля взбунтовался гарнизон. Первым покидает свои казармы Волынский полк; к нему присоединяются полки Преображенский и Литовский; все три полка с оркестрами во главе направляются к Литейному проспекту. Арсенал подвергается разграблению, его начальника убивают. Толпа освобождает политических заключенных и поджигает тюремное управление. Революционеры овладевают департаментом полиции, сжигают архивы. а затем захватывают и Петропавловскую крепость.

Родзянко обращается к царю с новой телеграммой: «Настал час, когда решается судьба родины и династии». Получается ответ: «Дума распущена». Однако, в Петрограде учреждается Комитет по восстановлению порядка, возглавляемый Родзянко, Милюковым, Чхеидзе и Керенским. Вечером того же дня избирается Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов; председателем его становится Чхеидзе (меньшевик). а его товарищами: Керенский (трудовик) и Скобелев (меньшевик). Революционные события развиваются по всей стране; возникают местные Советы. 28-го февраля выходит первый номер «Известий», органа Совета. 1-го марта создается Временное Правительство под председательством князя Львова; Милюков получает портфель министра иностранных дел, а Керенский — министра юстиции. Ночью в своем поезде, на вокзале в Пскове, царь подписывает акт отречения от престола.

С этого момента революционное движение принимает форму борьбы между Временным, а впоследствии Коалиционным, правительством, с одной стороны, и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов — с другой; или, вернее, между либеральствующими социал-демократами, участвующими в коалиционном правительстве демократической республики, требующими продолжения войны, с одной стороны, и большевиками, стремящимися к миру и Советской власти — с другой.

Уже первые смутные и противоречивые известия из России взволновали русскую революционную эмиграцию. Все хотят вер-

путься в Россию, чтобы принять участие в борьбе. Ленин связался немедленно со своей партией и ее органом «Правдой», которая снова начинает выходить в Петрограде. В № 14 и 15 от 21 и 22 марта 1917 г. он сравнивает революции 1905 и 1917 г.г. и устанавливает, что настоящая революция делится на два этапа: первый уже пройден рабочими; ныне им предстоит преодолеть второй, несравненно более трудный; ибо, — пишет Ленин, — насколько ему известно, большинство партий оказались единодушны в вопросе о свержении царя, и представители англо-французских империалистов содействовали им в этом. Для Милюкова отречение царя означает продолжение войны. Ленин затем переходит к характеристике Совета Рабочих Депутатов; он видит в Совете зародыш рабочего правительства, Совет не может и не должен существовать на-ряду с буржуазным правительством. «Царская монархия разбита, но еще не добита». Наконец, Ленин призывает к вооружению пролетариата и к укреплению власти и влияния Советов. Обращаясь к рабочим, он говорит: «Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма. Вы должны проявить чудеса пролетарской и общегражданской организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» [1]).

Этот второй этап подготовляется большевистской партией при непрерывном живом участии Ленина в течение восьми месяцев; каждый день приносит новые успехи, особенно с того момента, когда Ленин вновь появляется на улицах Петрограда. Политика Ленина уже в принципе разошлась с руководящими идеями Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, который в своем воззвании к народам Европы заявил: «Наша победа, это — победа свободы и всеобщей демократии».

Представители русских революционных групп в Швейцарии, Франции, Англии и других странах образовали Комитеты для организации немедленного возвращения эмигрантов в Россию. В виду того, однако, что переговоры затянулись и что представители некоторых групп колебались ехать через Германию, большевики, сговорившись между собой, решили выехать немедленно

---

[1]) *И. Ленин.* «Первый этап первой революции». Собр. сочин. И. Ленина (В. И. Ульянова). Госиздат, Т. XIV, ч. I, стр. 12.

через Германию. Содействие в этом им оказал швейцарский революционер Фриц Платтен. О своем плане большевики заблаговременно сообщили находившимся в Швейцарии делегатам рабочих организаций разных стран, и план этот был делегатами одобрен [1]).

В день своего отъезда (8 апреля) Ленин, от имени русских, одновременно с ним покидавших Швейцарию, обратился с письмом к швейцарским рабочим. Это письмо представляет собой настоящий манифест. Ленин, напоминая о той точке зрения, которую большевики признали с самого начала войны единственно правильной, подчеркивал необходимость вооружения пролетариата и борьбы с правительством Милюкова.

«Мы, в сущности, не пацифисты», — утверждал он. — «Мы — противники империалистической войны, но мы всегда считали нелепостью, чтобы пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в *интересах социализма*».

«Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной необходимостью порожденных империалистической войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, *на известное, может быть, очень короткое время*, застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

«Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней не может победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г., *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из

[1]) В третьей части настоящей книги помещены необходимые разъяснения, а в приложении — все документы, освещающие поездку Ленина через Германию в «запломбированном вагоне», — событие, вокруг которого происходило много споров и разговоров и о котором до сих пор было известно очень мало достоверного.

нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, ступеньку к ней.» [1]).

Социалист-революционер Чернов, покидая Францию, также написал прощальное письмо французскому пролетариату. Однако, несмотря на всю гибкость фразеологии Чернова, — как резко отличается по своему содержанию, по взглядам на тактику письмо эс-эровского вождя от письма Ленина! Что касается меньшевиков Аксельрода, Мартова, Мартынова и т. д., то в своем обращении к Чхеидзе они в весьма бледной форме отметили солидарность интернационалистского крыла французских и английских социалистов с русскими социалистами.

Ленин и его друзья прибыли в Петроград (на Финляндский вокзал) 16 апреля (3 апреля по ст. ст.). Толпы рабочих, переполнившие перрон и прилегающую к нему местность, бурно приветствовали Владимира Ильича при выходе его из купэ. Делегация, во главе с Чхеидзе, встретила его в парадных залах вокзала, предназначенных до революции для приема царя и его свиты. Чхеидзе приветствовал Ленина от имени Совета и русской революции и говорил о необходимости совместной работы всех партий в рядах демократии.

Ленин ответил краткой речью:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас, как передовой отряд всемирной пролетарской армии... Грабительская империалистическая война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народы обратят оружие против своих эксплоататоров-капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче-завтра, каждый день — может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!» [2]).

Под звуки Марсельезы и Интернационала, с трудом пробираясь через густые толпы народа, Ленин забрался на грузовик, доста-

---

[1]) *И. Ленин.* Прощальное письмо к швейцарским рабочим. Полн. собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 406 — 407.

[2]) *Н. Суханов.* «Записки о революции». Т. III. Изд. Гржебина. Берлин. 1922 г., стр. 15.

вивший его в бывший дворец царской фаворитки, балерины Кшесинской, где находился главный штаб большевиков. По прибытии во дворец Кшесинской, Ленин обратился к собравшейся там толпе с горячей речью. Во внутренних залах дворца состоялся организованный партией торжественный прием; речам, приветствиям, клятвам не было конца. Прием закончился новым выступлением Ленина.

Вот что писал по поводу этой речи Николай Суханов, бывший эс-эр, ставший интернационалистом — «новожизненцем», но после Бреста порвавший с большевиками:

«Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчетов, — носится в зале Кшесинской над головами зачарованных учеников» [1]).

С этого дня, в своих речах, статьях и брошюрах, число которых беспрерывно увеличивалось, Ленин, вооруженный страшной и несокрушимой уверенностью, ведет упорную, смелую, беспощадную борьбу, увеличивая с каждым часом число своих сторонников, электризуя и гипнотизируя толпу, доказывая ей простым, ясным и конкретным языком необходимость осуществления намеченной им программы.

Русское и союзное правительства чувствуют, что Ленин их злейший враг. Чем глубже запечатлеваются его мысли в умах рабочих, крестьян и солдат, тем выше подымается волна клеветы и оскорблений. Ленина и его друзей преследуют со всех сторон и всевозможными средствами. Невольно вспоминаешь, как клеветали и оплевывали Карла Маркса после появления его трудов о Парижской Коммуне.

Историю с поездкой Ленина в «запломбированном» вагоне всячески раздувают. Печать всего мира объявляет Ленина германским шпионом, «разоблачая» его соглашение с правительством и генеральным штабом кайзера. Правда, даже злейшие противники Ленина в России превосходно знали, что он — человек идеи,

---

[1]) Там же, стр. 26 — 27.

гигантской покоряющей идеи, идеи революции, и что он неспособен на предательство; тем не менее, они вскоре возбудили против него, Зиновьева, Троцкого и Луначарского преследование по обвинению в государственной измене.

Проезд Ленина через Германию объясняется тем, что у него не было иного выхода. Достаточно указать на те препятствия, которые пришлось преодолеть Троцкому при его возвращении из Америки в Россию, и на то грубое обращение, которому впоследствии подверглись заграницей Чичерин и Петров. Кроме того, теперь уже фактически доказано, — Суханов сообщает об этом в своих «Записках о революции», — что Милюков послал всем русским консулам заграницей две телеграммы с категорическим запретом визировать паспорта русских эмигрантов, имена которых были занесены в известные списки международного контроля.

5 (18) апреля Ленин и Зиновьев выступили перед Исполнительным Комитетом Совета с объяснениями по поводу своей поездки через Германию; в результате было постановлено предложить Временному Правительству принять меры к беспрепятственному возвращению всех эмигрантов в Россию.

7-го (20-го) апреля Ленин опубликовал в «Правде» свои тезисы о задачах революции и войны [1]). Ниже следует краткое изложение этих тезисов, являющихся, за исключением некоторых изменений, первой со времени октябрьского переворота редакцией программы большевистской партии.

1. Согласие на революционную войну, но при условии перехода правительственной власти в руки пролетариата и беднейших крестьян; отказ от *аннексий* не только на словах, но и на деле. Организация самой широкой пропаганды в действующей армии. Братание.

2. Ныне наступил момент, когда следует перейти от первого этапа революции ко второму; пролетариат и беднейшие крестьяне должны завладеть государственной властью; эту идею необходимо пропагандировать среди масс, которые только что пробудились к политической жизни.

---

[1]) *И. Ленин.* «О задачах пролетариата в данной революции». Собр. сочин. т. XIV, ч. I, стр. 17.

3. Никакой поддержки Временному Правительству, обманывающему массы, не отказавшемуся от империалистической войны и являющемуся, по существу, капиталистическим правительством.

4. Признание факта, что большевики составляют в Советах только меньшинство; учитывая это обстоятельство, надо разъяснять массам, что Советы являются *единственной формой* революционного правительства; следует крайне терпеливо и систематически отмечать и подчеркивать перед массами каждую ошибку правительства и стремиться к осуществлению лозунга «вся власть Советам!»

5. Не парламентарная республика, а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов. Устранение полиции, армии, чиновничества.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов; конфискация всех помещичьих земель, национализация всей земельной площади и подчинение контролю Советов.

7. Слияние всех банков в один общенациональный банк, подчиненный контролю Советов.

8. Контроль со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи: немедленный созыв партийного съезда и изменение программы партии, главным образом, по следующим вопросам: об империализме и империалистической войне; об отношении к государству; об исправлении отсталой программы минимум; о переименовании партии (в виду того, что слово «социал-демократ» дискредитировано социал-патриотами).

10. Обновление Интернационала; создание истинно-революционного Интернационала.

«Солдатская Правда» — большевистский орган, предназначенный для распространения среди солдат, ведет интенсивную пропаганду в военных частях; в армии происходит массовое дезертирство. В Советах растет число «ленинцев». Большинство сторонников Троцкого, с Троцким во главе, присоединяется к партии большевиков; множество рабочих-интернационалистов покидает меньшевистскую и эс-эровскую партии.

5 мая создается коалиционное правительство, в состав которого входят Керенский, Чернов, Церетели и Скобелев, т.-е. тру-

довики, эс-эры и меньшевики. Керенский, получивший портфель военного и морского министра, обращается с приказом по армии и флоту и, от имени Исполнительного Комитета Совета, с воззванием к населению, призывая оказывать Временному Правительству безусловную поддержку.

3 июня открывается, под председательством Чхеидзе, первый Съезд Советов, на котором участвует 781 делегат — 297 эс-эров, 253 меньшевика, 100 большевиков, 32 меньшевика-интернационалиста, 10 будовцев, 3 народника и т. д. При выборах в петроградскую городскую Думу проходят 54 эс-эра, 47 кадетов, 40 меньшевиков, 37 большевиков и т. д.

Под давлением союзников Керенский заставляет армию начать крайне неудачное наступление. В Петрограде происходит грандиозная демонстрация, организованная Первым Всероссийским Съездом Советов, в которой участвует полмиллиона рабочих и солдат; красующиеся на плакатах и знаменах лозунги свидетельствуют о возрастающем влиянии большевиков на народные массы:

«Долой контр-революцию! Долой царскую Думу! Долой Государственный Совет! Долой 10 министров-капиталистов! Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов! Пересмотр «Декларации прав солдата»! Долой разоружение революционных рабочих! Да здравствует народная милиция! Долой анархию производства! Долой обманщиков-капиталистов! Да здравствует контроль над производством и распределением! Долой политику наступления! Конец войне! Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных соглашений с французскими и английскими капиталистами! Хлеба! Мира! Свободы! Да здравствует Третий Интернационал!»

Несколько дней спустя, 3 июля, несмотря на увещевания большевистских вождей, считающих революционное выступление масс в данный момент преждевременным, рабочие, к которым присоединяются солдаты и кронштадтские матросы, выходят на улицу. Тогда большевики становятся во главе движения, чтобы ввести его в определенное русло и избежать возможных роковых последствий. Делают попытку арестовать министра Чернова. Волнения возникают также и в провинции: в Нижнем-Новгороде и других местах. Некоторых большевиков арестовывают, как «германских шпионов». Князь Львов оставляет пост

председателя совета министров; его заменяет Керенский, первым делом которого является ликвидация участвовавших в восстании организаций и приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Троцкого, Каменева, Семашки, Луначарского, Раскольникова и др. Антибольшевистская пресса неистовствует. Закрывают и подвергают разгрому типографии большевистской партии; Керенский воспрещает выход в свет большевистских газет; они, однако, снова появляются под разными названиями.

Ленин и Зиновьев хотят предстать перед судебными властями, но, по распоряжению Центрального Комитета партии, они скрываются и проживают нелегально, как в 1905 г., сначала в одном из глухих уголков Финляндии, а затем на Выборгской стороне в Петрограде. Кронштадтское «Пролетарское Дело» опубликовывает письмо, разъясняющее позицию большевиков и причины их отказа признавать юстицию господ Милюковых, Алексинских и К°.

«После письма бывшего министра юстиции Переверзева», — говорилось в письме, — «опубликованного в «Новом Времени», выяснилось, что дело о шпионаже Ленина — измышление, созданное контр-революционными партиями. Переверзев открыто признал, что он воспользовался голословными обвинениями для того, чтобы возбудить ярость солдат против нашей партии. Бывший министр юстиции — человек, еще вчера называвший себя социалистом, сам подтвердил положение дела. Переверзев ушел, но никто не может поручиться, что новый министр не будет прибегать к приемам Переверзева. Контр-революция подготовляет новый процесс Дрейфуса. Она столько же верит в наш шпионаж, сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса, верили в то, что евреи пьют кровь детей. В настоящее время в России не существует ни малейшей правовой гарантии. Центральный Исполнительный Комитет, считающийся органом русской демократии, назначил сперва комиссию для расследования дела о шпионаже, но затем, под давлением контр-революционеров, эта комиссия прекратила свое существование. Комитет не пожелал ни подтвердить, ни отменить приказ о нашем аресте. Он умыл руки и предал нас».

Ленин не прекращает своей пропаганды; «Правда» и другие партийные органы публикуют его письма и наблюдения. Сбрив бороду и надев парик, он даже участвуют на некоторых важных

заседаниях Ц. К. партии. Свой невольный досуг он посвящает подготовке своей работы «Государство и Революция», которой, по уважительным причинам, суждено было остаться незаконченной. В кратком послесловии он говорит по этому поводу следующее:

«Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 г. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но кроме заглавия я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Второй выпуск брошюры (посвященный «опыту русских революций 1905 и 1917 г. г.»), пожалуй, придется отложить надолго: приятнее и полезнее «опыт революций» проделывать, чем о нем писать» [1]).

Кризис приближается. Главнокомандующим назначается контрреволюционный генерал Корнилов. Чернов уходит в отставку; министр иностранных дел Терещенко следует его примеру. Керенский, получив неограниченные полномочия от чрезвычайного собрания с участием представителей Совета, Временного Правительства, Гос. Думы и различных партий, составляет второе коалиционное министерство. Преследования большевиков усиливаются. Делается попытка вновь ввести смертную казнь, однако Совет высказывается против этой меры, впрочем, большинством всего лишь четырех голосов. При выборах в городскую думу, происходивших в Петрограде, в середине августа, эс-эры получают 75 мест, большевики — 67, кадеты — 42, меньшевики-интернационалисты — 8. Корнилов пытается совершить государственный переворот; в результате, однако, влияние большевизма становится еще значительнее. Через несколько дней после корниловской авантюры Совет принимает большевистскую резолюцию большинством 279 против 115 голосов при 51 воздержавшемся; вскоре после того Исполнительный Комитет перезбирается; к этому времени как в петроградском, так и в московском Совете большевики уже имеют на своей стороне перевес голосов; Троцкого выпускают из тюрьмы и избирают председателем Петросовета. «Победа большевизма показывает, что он гораздо сильнее и опаснее, чем можно было предполагать»,—пишет орган Милюкова, газета «Речь».

---

[1]) *И. Ленин.* «Государство и Революция». Послесловие. Собр. сочин., т. XIV, ч. 2, стр. 396.

Керенский созывает в Москве Временный Совет Республики, своего рода предпарламент, в котором участвуют представители различных партий и общественных организаций. 7-го октября день открытия Временного Совета Троцкий произносит от имени большевистской фракции краткую, но знаменательную речь, по окончании которой он вместе со всей фракцией покидает зал заседания.

«Мы, фракция социал-демократов большевиков», — говорит Троцкий,—«мы заявляем: с этим правительством народной измены... Сильный шум справа и в центре, возглас: «мерзавец!» Председатель призывает оратора к порядку, но за общим шумом его не слышно. ... с этим Советом контр-революционного попустительства... Сильный шум и крики: «вон!» «долой!» Возглас в центре: «Гражданин Троцкий, вы подготовляете сдачу Петрограда!» Председатель: «Я призвал оратора к порядку и предлагаю собранию выслушать его заявление спокойно». Возгласы: «Мы *не можем* слушать его спокойно!» Мы ничего общего не имеем с той убийственной для народа работой, которая совершается за официальными кулисами. В то время как войска Вильгельма угрожают Петрограду, правительство Керенского и Коновалова готовится бежать из Петрограда, чтобы превратить Москву в оплот контр-революции. Мы взываем к бдительности московских рабочих и солдат. Покидая Временный Совет (сильный шум в центре), мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. (Возглас: «германских, а не русских!» Петроград в опасности, революция и народ в опасности. Правительство усугубляет эту опасность, а правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: да здравствует немедленный, честный, демократический мир! Вся власть Советам! Вся земля народу! Да здравствует Учредительное Собрание!» [1]).

В статье «Кризис назрел» Ленин констатирует, что русская революция, несомненно, достигла решающего поворотного пункта. Он приводит следующее признание «Дела Народа», — органа продолжающей стоять у власти эс-эровской партии.

---

[1]) «Речь», № 237 от 8 октября 1917 г. (Стенограф. отчет первого засед. Врем. Сов.)

«Почти ничего не сделано для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России. Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное Правительство и даже прошедший через такое чистилище, как юридическое совещание, — этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров»?

Затем он доказывает, что соотношение сил чрезвычайно благоприятно для большевизма. В Москве из 17.000 солдат 14.000 высказались за большевиков, причем следует иметь в виду, что «Москва более Питера мелкобуржуазна». Далее, число голосов, полученных меньшевиками и эс-эрами при выборах в московский Совет, упало с 70% до 18%, в то время как число голосов, собранных большевиками, увеличилось с 34.000 до 82.000; они получили 47% общего количества голосов. Отсюда Ленин делает два вывода: «Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции; народ отвернулся от нее. Тут сомнения невозможны». — «Что вместе с левыми эс-эрами [1]) мы имеем теперь большинство в Советах, в армии и в стране, — в этом ни тени сомнения быть не может». В заключение он добавляет: «Нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в созыв Учредительного Собрания, «ожидания» Съезда Советов и т. п. — нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу» [2]).

Петроградский Совет издает приказ, запрещающий подчиняться распоряжениям штаба Петроградского Военного Округа; учреждается Военно-Революционный Комитет. Министр юстиции велит арестовать Ленина, который, по полученным сведениям, скрывается в Петрограде; 22 октября (4 ноября), в день заседания Совета, на всех фабриках происходят многочисленные митинги проте-

[1]) Несколькими неделями раньше, довольно значительная группа эс-эров, противников коалиционной политики, разошлась со своей партией, присоединилась к тактике большевиков и голосовала за предложенные большевиками резолюции.

[2]) *Ленин.* «Кризис назрел». Собр. соч. т. XIV, ч. II, стр. 265.

ста против Временного Правительства. Керенский, без устали изливающий поток бесплодных речей, говорит во Временном Совете о необходимости бороться с большевиками. Правительство постановляет закрыть «оппозиционные» газеты. Ленин в последний раз обращается к меньшевикам и эс-эрам с призывом образовать *рабочее* коалиционное правительство и организовать совместно борьбу против контр-революции; он считает, что настал решительный момент для захвата власти. Это-то он и предлагает Ц. К. своей партии.

«Наш Ц. К.», — пишет Зиновьев, — «не согласился тогда с тов. Лениным. Почти всем нам казалось, что еще слишком рано, что меньшевики и эс-эры имеют еще довольно много сторонников. Тогда Ленин, не долго думая, бросает свое убежище и «самочинно», не считаясь с опасениями друзей, приезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедывать немедленное восстание. Керенский и Авксентьев пишут приказы за приказами об аресте Ленина, а Ленин из подполья готовит восстание, убеждает сомневающихся, бичует колеблющихся, пишет и агитирует за самое скорое выступление. И — добивается своего.

«.... Теперь все это ясно. Но тогда, в водовороте событий, нужен был ленинский глазомер, нужна была ленинская гениальная интуиция, чтобы сказать: ни одной недели больше — сейчас или никогда. И нужна была несгибаемая ленинская сила воли, чтобы победить все препятствия и начать как раз к сроку величайший из переворотов, которые знает история»[1]).

Вся печать открыто сообщала о подготовляемом большевиками вооруженном восстании. Никто в этом не сомневался. Пытались лишь предсказать момент выступления.

4. Октябрьская революция и Советская власть.

24 октября (6 ноября) большевики захватили главный телеграф. Мосты на Неве были разведены. На следующий день, 25 октября (7 ноября), революционные солдаты и матросы заняли здания Главного почтамта и Государственного банка. Военно-

---

[1]) *Г. Зиновьев.* «И. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 60.

Революционный Комитет опубликовывает сообщение о свержении Временного Правительства. Керенский посленно удирает. Ленин совершенно открыто появляется Ленин и выступает с речью на специально созванном заседании Совета. Укрывшемуся в Зимнем дворце Временному Правительству посылается ультиматум с предложением сдаться; в виду последовавшего отказа, дворец подвергается обстрелу и вскоре затем переходит в руки большевиков.

В Петрограде Съезд Советов обращается, по инициативе Ленина, с воззванием ко всем воюющим народам, в котором предлагает немедленно начать переговоры о заключении мира. Съезд постановляет передать всю землю крестьянам. Из 512 делегатов 400, в том числе 200 большевиков, одобряют захват власти; правые эс-эры, меньшевики и часть меньшевиков-интернационалистов покидают зал заседания съезда.

27 октября (8 ноября) Керенский обращается с приказом по петроградскому гарнизону, назначая генерала Краснова главнокомандующим войсками Временного Правительства. В то же время Съезд Советов избирает Совет Народных Комиссаров в следующем составе: Председатель Совета Народных Комиссаров — Владимир Ульянов (Ленин); Народный Комиссар Внутренних Дел — Рыков. Народный Комиссар Земледелия — Милютин; Народный Комиссар Труда — Шляпников. Народный Комиссар Торговли и Промышленности — Ногин; Народный Комиссар Просвещения — Луначарский; Народный Комиссар Финансов — Степанов; Народный Комиссар Иностранных Дел — Троцкий; Народный Комиссар Юстиции — Ломов; Народный Комиссар Продовольствия — Теодорович; Народный Комиссар Почт и Телеграфов — Глебов-Авилов; Народный Комиссар по делам Национальностей — Сталин; Коллегия по Военным и Морским Делам — Антонов, Крыленко и Дыбенко.

Перед своим закрытием Съезд избирает Центральный Исполнительный Комитет из 100 членов, в том числе 70 большевиков.

В течение нескольких дней военные части, оставшиеся верными Керенскому, делают попытки как в Петрограде, так и в Москве свергнуть большевиков. 1 (14) ноября генерал Краснов попадает в плен; Керенский бежит. Совнарком опубликовывает декларацию о праве самоопределения национальностей России, вплоть до права отделения от России и образования независимого

государства. Троцкий предлагает державам Антанты немедленно заключить перемирие и начать мирные переговоры. Русским войскам отдается приказ прекратить военные действия. Большевистское правительство приступает к опубликованию секретной переписки и тайных договоров России с союзными державами. Правительство осуществляет, далее, ряд мер к проведению своей программы. Противники и враги большевиков, поддерживаемые полномочными представителями Антанты, всячески саботируют общественную работу и подготовляют контр-революцию. Левые эс-эры принимают участие в правительстве.

Затем происходят мирные переговоры в Брест-Литовске, позднее прерванные; немцы наступают. 5 (18) января в Таврическом дворце собирается Учредительное Собрание. Совнарком присутствует в полном составе, за исключением Троцкого. Заседание открывает председатель В. Ц. И. К. Свердлов; бывший министр Чернов, избранный председателем Учредительного Собрания, произносит речь, неоднократно прерываемую возгласами негодования. От имени большевистской фракции Бухарин предлагает обсудить вопрос о власти и воззвание Центрального Исполнительного Комитета. Так как большинство членов Учредительного Собрания с этим несогласно—большевики и левые эс-эры покидают собрание; затем матрос Железняков закрывает заседание. На следующий день, т.-е. 6-го (19) января Центральный Комитет официально объявляет о роспуске Учредительного Собрания, а 10-го (23) января открывается 3-й Съезд Советов.

Троцкий отвергает драконовские условия мира, предложенные германским правительством, в виду их полного противоречия с принятым за основу переговоров принципом мира без аннексий и контрибуций; он покидает Брест-Литовск, объявив, что состояние войны между Советской Россией и центральными державами прекратилось. Германским войскам отдается приказ о наступлении. Несмотря на попытки братания со стороны русских, немцы занимают Двинск, а затем и Киев.

Тогда Ленин в партийных кругах и Ц. К. выступает в пользу того, что он сам называет «несчастным миром». Причины, по которым он высказывается за мир во что бы то ни стало, он излагает в виде чрезвычайно остроумных тезисов. Он доказывает, что заключение мира с империалистами вовсе не означает разрыва

с международным социализмом. «Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них и выгодные для капиталиста условия возобновления работ, не изменяют социализму» [1]). В десятом пункте своих тезисов он выдвигает следующие сильные аргументы: «Другой довод за войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас объективно агентами англо-французского империализма. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по сто рублей в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же объективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск» [2]).

В дальнейшем он указывает на то, что надо считаться с разложением армии и с тяготением к миру крестьян, составляющих главную массу солдат. Следующие строки свидетельствуют об исключительном реализме Ленина.

«Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами или чем-либо подобным), ибо крестьянская армия, невыносимо истерзанная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство [3])».

Центральный Исполнительный Комитет соглашается с убедительными доводами Ленина: голосование даст ему большинство в 115 голосов против 85 голосов при 26 воздержавшихся. В Брест-Литовске представители Советской России подписывают несчастный «мирный» договор с закрытыми глазами. Левые эс-эры, являющиеся противниками мира, отделяются от большевиков, а в недрах

---

[1]) *Ленин.* «Тезисы о мире». Собр. сочин., т. XV, стр. 65.
[2]) *Ленин.* «Тезисы о мире». Собр. сочин., т. XV, стр. 65 — 66.
[3]) *Н. Ленин.* «Об очередных задачах Советской власти». Т. XV, стр. 68.

самой большевистской партии возникает левая оппозиция; она возглавляется Бухариным, Радеком и Осинским и даже издает в течение некоторого времени свой собственный орган. Дальнейшие события, превратившие брест-литовский договор в клочок бумаги, показали, как велика была мудрость Ленина.

При деятельной поддержке Троцкого, Ц. К. партии и В. Ц. И. К. Ленин приступает к разрешению гигантских, разнообразных задач — организации производства, создания народного хозяйства, борьбы с контр-революцией, свившей себе прочные гнезда по всей России; противодействия вторжению контр-революционных генералов, которых всемерно вооружали, снабжали, поддерживали и поощряли державы Антанты и, в особенности, Франция; наконец, воспитания и просвещения народа, веками прозябавшего в невежестве и грязи, под гнетом царского рабства. При осуществлении этого плана Ленин снова обнаруживает способности первоклассного стратега и выдающегося реалиста. Он маневрирует, отступает и лавирует, чтобы творить, строить и организовать. Он проповедует железную пролетарскую дисциплину. «Настоящий интерес эпохи больших скачков», — говорит он, — «состоит в том, что обилие обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или цепи развития...

Недостаточно еще быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено в цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной кузнецом сделанной цепи [1])».

Уже тогда ему не давали покоя заботы об укреплении промышленности и электрификации России, о превращении этой бедной и отсталой страны в современное, богатое производительными силами государство.

«Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачей повышение трудовой дисциплины.

[1]) *И. Ленин.* «Об очередных задачах Советской власти». Собр. сочин. Т. XV, стр. 68.

Например, в Центральном Комитете союза металлистов и в Центральном Совете профессиональных союзов начата разработка соответствующих мероприятий и проектов декретов. Эту работу надо поддержать и двинуть вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продуктов или эксплоатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д.

«Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло и быть иначе при режиме царизма и живучести остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, — как и всякий прогресс капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплоатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из успехов науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и Советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и применение ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были положены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, и притом так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти [1])».

Так высказывается Ленин в статье «Об очередных задачах Советской власти», написанной им в марте — апреле 1918 года

---

[1]) *И. Ленин.* «Об очередных задачах Советской власти». Собр. сочин., том XV, стр. 209 — 210.

и напечатанной в «Известиях В. Ц. И. К.», в № 85 от 29 апреля того же года. Статья заканчивается решительным заявлением: «Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата [1])».

Противникам Ленина давно уже было известно, что он вождь революции. Они замышляют убить его и поручают совершить этот «подвиг» эс-эрке Каплан. Ильич ранен, но не сокрушен. Какое волнение вызывает эта весть во всех уголках молодой Советской России и среди рабочих всего мира! Благодаря своей исключительной жизненной силе, Владимир Ильич через короткое время снова становится у кормила государства и партии.

Не имея буквально ни одной свободной минуты, будучи всецело поглощен заботами о рабоче-крестьянском государстве, где все приходится создавать заново, по собственному чутью и разумению, — Ленин думает не только о Советской России, но и о народах Запада и Востока. В марте 1919 г. он основывает в Москве Третий Коммунистический Интернационал, на съездах которого он принимает самое активное участие.

Гражданская война и попытки Антанты окружить Россию кольцом блокады лишают Ленина и его соратников возможности спокойно заняться строительством и организационной работой. Едва, повидимому, миновала одна опасность и начинается творческая работа, как горизонт вновь омрачается тучами: Каледин, Юденич, Деникин, Колчак, Махно, Врангель, Антонов и другие; непрекращающаяся тесная блокада; непрерывно возникающие заговоры.

Полный веры в светлое будущее, Ленин твердо, стойко и мощно выдерживает напор разразившихся бурь и рев непогоды. Своим живым взором он умеет сразу уловить крошечный просвет, едва виднеющийся в необъятной шири грозно нависшего мрака. Он охраняет все части сложного механизма, всю машину Р. С. Ф. С. Р.

Когда же утомленные войною правительства заключают с Советской Россией перемирие, когда постепенно начинают налаживаться дипломатические и торговые сношения с капиталистическими государствами, Ленин, стремясь к восстановлению хозяйства,

---

[1]) Там же, стр. 225.

промышленности и производительности в Советской России, произносит смелую речь, возвещающую «новую экономическую политику», ныне повсюду известную под сокращенным названием «НЭП». Он провозглашает необходимость государственного капитализма. Отказывается ли он от своих принципов и своей программы? Отнюдь нет: в этом случае, как и в других, Ленин остается реальным, учитывающим ход событий, политиком. Он лавирует и маневрирует. Дело идет об экономическом отступлении. В русской коммунистической партии и среди некоторых рабочих обнаруживаются колебание, изумление, разочарование. Но по прошествии нескольких месяцев оппоненты и недовольные начинают понимать смысл ленинской тактики.

Как только появляется опасность, как только Ленин замечает, что русская мелкая буржуазия снова угрожающе поднимает голову и делает попытку образовать капиталистическую касту, — Ленин говорит: «Ни шагу дальше!» и отдает приказ приостановить экономическое отступление. В вопросах международной политики он также делает повороты то вправо, то влево, смотря по обстоятельствам и условиям текущего момента. Он сочувствует левым, но ведет с ними энергичную борьбу, если замечает в их тактике какую-либо опасность, могущую омрачить будущее коммунизма. Когда же правые или центристы стремятся превратно истолковать его мысли, развивая их в духе, родственном II Интернационалу, Ленин напоминает тем, кто это, повидимому, забыл или этого не знает, что он, как и прежде, является решительным противником Каутского и каутскианства, заклятым врагом капитализма и империализма, непоколебимым революционером, неуклонно последовательным до конца.

3. Характеристика Владимира Ильича.

Ленина часто изображают как какого-то тирана и непримиримого политика, равнодушного к окружающим его лицам, как человека, в глазах которого все люди, кто бы они ни были, служат только необходимым материалом для лабораторных опытов; со злорадством напоминают о том, как он разошелся со своим другом Мартовым, как резко выступал он против него.

На самом деле, Ленин, по своей натуре, чужд всякой сантиментальности, но со своими товарищами по революционной и классовой борьбе, со своими единомышленниками он поддерживает тесные дружеские отношения и никогда не отрекается от своих друзей. Он — крайне чуткий, хороший, настоящий товарищ. Когда сам Владимир Ильич употребляет это слово, он придает ему не только ограниченный смысл «партийного единомышленника», но и вкладывает в это понятие несравненно более глубокое содержание.

Каменев вполне основательно указывает на ту сильную привязанность, которую Ленин неизменно питал к рабочим и трудящимся, среди которых он жил, внимательно расспрашивая их, поддерживая с ними тесное общение и всемерно добиваясь их раскрепощения.

Характеризуя Ленина, один из ближайших его друзей — инженер Кржижановский — указывает на его выдающийся ум и сверхчеловеческую энергию, и в то же самое время (прибавляет он) Ленин — чрезвычайно веселый и любезный товарищ. «Ленин, прежде всего, человек политический, и, разойдясь с кем-либо политически, он сейчас же рвет и личные отношения». «В борьбе же», — говорит Кржижановский, — «Ленин прямолинеен и беспощаден». Он любил Мартова, знания и диалектические способности которого ему хорошо известны; может быть, он любит его и сейчас; но, как говорит Луначарский, «он считал Мартова политически несколько безвольным и теряющим за тонкой политической мыслью общие ее контуры [1])». Вообще, меньшевизм свидетельствует о недостатке уверенности в массовом движении, о сухом материализме и малодушии тех, кто его исповедует; в решающие моменты политических кризисов и самых элементарных социальных осложнений он неизбежно ведет своих сторонников вправо.

Друзья и товарищи Ленина готовы во всякое время пожертвовать ради него своей жизнью. Чего бы они только ни сделали для Владимира Ильича! Никого так не любят и не боготворят, как его, — его, над которым когда-то так глумились, на которого так клеветали, которого так презирали и ненавидели! На следую-

---

[1]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот». Петроград. 1919 г. стр. 67.

Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин и Л. Б. Каменев.

щий день после покушения Фанни Каплан на Ленина Троцкий выразил, поистине, общее мнение, сказав: «Когда подумаешь о том, что Ленин может умереть, вся наша жизнь кажется бесполезной и не хочется больше жить».

В течение нескольких недель, последовавших за этим, к счастию, неудавшимся покушением, со всех концов необъятной России стали получаться тысячами бесхитростные письма, выражавшие искренние чувства рабочих и крестьян. Крестьянский орган «Беднота» опубликовал самые характерные из этих писем. Один из авторов пишет чистосердечно: «Товарищ редактор! Не откажите поместить в вашей газете несколько строк по адресу нашего дорогого учителя Ленина; я был бы очень огорчен, если бы вы отказались удовлетворить мою просьбу». Другой, полный негодования, обращается к Ленину со следующими трогательными словами: «Позволь мне выразить тебе чувства глубокой скорби, ненависти и возмущения против безумного врага, осмелившегося совершить покушение на вождя порабощенных».

Но бесспорно самым интересным из полученных Владимиром Ильичем писем является следующее: «В начале ноября мы получили декрет о земле, в котором сказано, что отныне не будет больше собственности на землю и что земля будет отобрана у помещиков и передана трудящимся. Мы, крестьяне, не знали, как выразить нашу радость. Наконец-то труд восторжествовал над капиталом и трудящийся над бездельником. Мы, трудящиеся, мы, крестьяне, были в восторге; мы сгорали от любопытства, желая узнать, кто этот добрый человек, сумевший все так хорошо устроить и подписавший декрет именем Ленина? Кто такой Ленин? Дядя Митя бежит к попу, отцу Василию, и спрашивает, кто такой этот Ленин: царь ли это или мудрейший из губернаторов? А поп ему отвечает: «Не радуйся, Митя: земля принадлежит помещикам за их труд, и если вы осмелитесь ее засеять, господь бог не даст вам счастья и не ниспошлет дождя, а твой Ленин — антихрист». Эти слова заставили нас, крестьян, отнестись к попу с недоверием. Мы порядили, посудили, и в конце концов пришли к выводу, что поп тоже думает попасть, благодаря своей рясе, в царство небесное, но что это вовсе не мешает ему иметь пять лошадей, четырех коров и пятьдесят десятин пахотной земли и, кроме того, получать церковные доходы: появившись на

свет божий — плати; крестины — плати; умрешь — гони 10 рублей за погребение. У нас молитвы обложили акцизом, как китайский чай торгового дома «Высоцкий и К°». И вот, взвесив все это, мы решили не очень-то бояться антихриста и весной обработать землю крупных помещиков».

Надо было присутствовать на партийных собраниях и на съездах советов, на фабрично-заводских митингах, чтобы постичь всю глубину дружеского расположения и любви русского народа к Ленину. Стоит ему только появиться, как его встречают потрясающей бурей аплодисментов. Все встают, радостно взволнованные, и окружают, как телохранители, этого несравненного человека. А он всегда — неизменно простой, скромный, застенчивый, справедливый, сердечный товарищ.

Слушая речь, просматривая статью, которая развивает верные, по его мнению, мысли, или читая критику, которую он считает основательной, Ленин спешит высказать свою горячую радость и одобрение. Всякое предложение, которое он считает правильным, он охотно поддерживает в печати или Ц. К. партии. Если же, наоборот, он где-либо обнаруживает следы оппортунизма и антимарксизма, он с язвительной иронией беспощадно критикует эти заблуждения и ложучения, тщательно разоблачая скрытые в них опасности.

Один из старейших большевиков, Орловский-Воровский, впоследствии назначенный главой русской миссии в Италии [1], набросал следующую меткую характеристику Владимира Ильича:

«Как это всегда бывает с людьми большой силы воли, с выдающимися личностями, Ленина одни глубоко ненавидели, а другие столь же глубоко любили. Его противники считают его каким-то чудовищем, для которого не существует ничего святого, которое жаждет крови и честолюбиво стремится к власти. Наоборот, в глазах своих приверженцев и, особенно, рабочих, он — почти божество. Ленин, поистине, принадлежит к числу тех, кто способен увлечь за собой массы. Он не крупный оратор в эстетико-техническом смысле, но он говорит с такой убедитель-

---

[1]) 10 мая 1923 г., в Лозанне (Швейцария), Воровский пал жертвой покушения белогвардейца (Конради). Характеристику этой видной фигуры большевизма см. *Г. Зиновьев.* «В. В. Воровский» (И. И. Орловский). Собр. сочин. Госиздат, 1924, т. XVI. стр. 248. *(Прим. перев.)*

ностью, с таким подъемом, что может заразить своим гневом тысячную толпу. Общение с массой воодушевляет его; он обладает умением прививать людям свои убеждения и свою веру. Его речь, чуждая каких бы то ни было прикрас, тверда, ясна, изобилует не образами, а фактами.

Речь на митинге.

«Но это кровожадное чудовище, железной рукой опрокидывающее на своем пути все препятствия, производит совсем иное впечатление, когда, сидя за рабочим столом, развивает свои мысли, читает рукописи или обсуждает какой-нибудь практический вопрос. Никто так охотно не выслушивает хороших советов, как он; никто с такой готовностью не позволяет просматривать свои рукописи, как он; наконец, никто так не подчиняется мнению большинства, как он, — разумеется, в тех случаях, когда он убежден, что это не повредит рабочему классу. Ибо он не отступит от своих взглядов ни на шаг, хотя бы это повело к разрыву с лучшими друзьями.

«Franges non flectes» (ты можешь меня сломить, но не согнуть)— говорили о нем.

«Человек с таким характером нужен рабочему классу России, если он хочет выполнить свою историческую задачу. Ибо порой придется вести упорную борьбу даже против ближайших друзей пролетариата, прежде всего с той целью, чтобы возвратить на путь истины заблудившихся товарищей. А для этого, действительно, необходимы железная рука, железная воля и железные нервы».

Ленину не нужна власть, как таковая, а лишь постольку, поскольку она даст ему возможность приложить ту теорию, которой он посвятил и охотно принес в жертву всю свою жизнь.

Редко можно встретить человека столь мужественного, как Ленин; он это доказал в различные периоды своей жизни и при самых разнообразных обстоятельствах; и в то же самое время он отличается не менее изумительно гибкой и глубокой политической мудростью и прямо-таки волшебным даром понимания масс и фактов. «Ленин — великий знаток масс», — сказал о нем один из злейших его противников. Психологию масс он, действительно, изучил до невероятных тонкостей. Он знал все нужды рабочих, все их желания, недовольства и радости. В этом коренится источник его силы и воли. В меньшей степени он знает психологию отдельной личности и нередко ошибается в оценке того или иного человека.

«Бывает», — пишет Горький, — «что Ленин переоценивает добрые качества людей в их пользу и во вред делу. Но почти всегда его отрицательные оценки, — казалось бы, необоснованные, —

Ленин среди товарищей (1921 г.).

неизбежно подтверждаются людьми, которых он отрицательно оценил еще раньше, чем видел результаты их работы. Это может свидетельствовать о том, что дурные свойства людей чувствуются Лениным лучше хороших, но также и о том, что дрянных людей вообще и всюду значительно больше, чем полезных [1])».

Будучи превосходным истолкователем исторического материализма, он не стремится повелевать событиями, но он их направляет и умело вводит в одно русло иногда противоречащие друг другу течения; словом, он обладает умением группировать и гармонически сочетать разнообразные силы. Октябрьская революция без Ленина и Троцкого была бы так же немыслима, как и дальнейшее развитие всего революционного движения.

«Октябрьская революция, — говорит Зиновьев, — поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности, — октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо смог заставить колеблющихся стать в ряды и шеренгу, — это был тов. Ленин [2]).

Благодаря глубокому проникновению в смысл реальных явлений и исключительному знанию психологии масс, Ленин предвидит исторические события, обнаруживая при этом прямо-таки пророческую дальнозоркость, порождающую в нем неожиданно-смелые, всесокрушающие решения. Касалось ли дело октябрьской революции, или брестского мира, или новой экономической политики, — трех исторических моментов русской революции, — последующие события доказали такую правильность его предсказаний, которая идеалистам представляется каким-то даром провидения.

Изучая с исключительной добросовестностью сложнейшие проблемы международной и внутренней политики, Ленин значительную часть своего времени уделяет повседневным, обыденным, мелким житейским вопросам. Он беседует с представителями правительственных учреждений, партийных организаций и местных Советов, с рабочими, крестьянами, приезжими иностранцами, и, кроме того, находит время для чтения книг, газет и журналов

---

[1]) *М. Горький.* «Владимир Ильич Ленин». Коммунистический Интернационал, № 12, стр. 1934.

[2]) *Г. Зиновьев.* «И. Ленин». Петроград. 1918 г., стр. 61 и след.

Ленин произносит речь на Театральной площади в Москве. Справа—Л. Каменев и Л. Троцкий.

и для писания статей на самые разнообразные темы. Его работоспособность легендарна. К ней присоединяется железная, непреклонная, несокрушимая, гениальная сила воли.

Ленин, по справедливому замечанию Орловского-Воровского, не может считаться выдающимся оратором в эстетическом смысле. Его речи не отличаются той ясностью построения, которая является характерной чертой красноречия Троцкого, ни тем обилием образных, стилизованных оборотов, которыми блещут доклады Луначарского. Ленин строит свои речи на нескольких основных положениях; он развивает их с помощью небольших, кратких фраз, которые даже не всегда считает нужным заканчивать. Неустанно, в различных вариантах, повторяет он одну и ту же мысль до тех пор, пока не убедит своих противников. Он оживляет свою речь выпадами, общепонятными рассуждениями, громким смехом; он весь в движении, ходит взад и вперед, пожимает плечами, засовывает руку в карман брюк или пиджака. Порой он прибегает к обыденным и даже вульгарным выражениям, если считает, что это делает высказанную им мысль более ясной.

«Я попал, — пишет Луначарский по поводу первой услышанной им речи Ленина, — что этот человек должен производить, как трибун, сильное и незгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин, как публицист, — своим грубоватым, необыкновенно ясным стилем, своим уменьем представлять всякую мысль, даже самую сложную, поразительно просто и варьировать ее так, что она отчеканилась наконец даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме [1])».

Не отклоняясь ни на ноту от течения своих мыслей, он, вместе с тем, постоянно, с большим искусством, приноравливается к уровню своих слушателей и читателей; он учитывает степень культурного развития, способность восприятия, привычки, — даже скверные — тех, к кому обращены его слова. На 4-м конгрессе III Интернационала он сказал по поводу принятых на предыдущем конгрессе тезисов, что они слишком пропитаны «русским духом» и слишком длинны для иностранцев. Он считается, очевидно, с инертностью мышления иностранцев.

---

[1]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот». Петроград. 1919 г., стр. 62.

Ленин говорит на открытии памятника Марксу и Энгельсу в Москве, в 1918 г.

Личная жизнь Ленина отмечена той же простотой, какая сквозит в его статьях, речах и беседах. Если существуют в России

революционеры, возгордившиеся под влиянием власти и популярности, то к их числу, во всяком случае, не принадлежит Владимир Ильич. «Его личная жизнь такова, — говорит Горький, — что

Ленин спешит на митинг.

в эпоху преобладаний религиозных настроений его сочли бы святым [1])».

Ленин удивительно уравновешенный человек: он отличается исключительным здоровьем и удивительной бодростью. Этим объясняется и его духовная мощь, его воля и его смелость. Он всегда любил прогулки, купанье, охоту. В часы досуга, не размышляя ни о чем, он всецело отдается самому беззаботному веселью и возвращается окрепший, с повышенной энергией, готовый к новой борьбе.

По своему внешнему виду Ленин производит впечатление крепкого, нормально сложенного человека. «На вид, — говорит Кржижановский, — он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужичонку, особенно, когда носит бороду [2])».

Он невысок ростом, приземист, напоминает фавна; его лицо усеяно веснушками; лоб широкий, выпуклый; нос выдается вперед, подбородок оброс жидкой бородкой; глаза щурятся и постоянно настороже; взгляд, всегда прямой и ясный, одухотворен умом, проницательностью и боевым задором. Его лицо отличается математически-точными очертаниями; его огромный череп вмещает в себе всю силу, энергию и жизнеспособность его личности.

Таков Владимир Ильич, который в гигантской лаборатории, именуемой Россией, проделал опыт с научным социализмом и пытался установить социальный порядок, исключающий всякую возможность эксплоатации, угнетения и обирательства. Таков этот самый ярый противник капитализма, империализма и колониальной политики.

Ленин являет нам картину грандиозной жизни, посвященной исполинским усилиям устранить те условия, в силу которых даже в XX столетии человек все еще не перестал быть рабом. Мощной рукой вписал он необъятную главу в книгу современной истории. Благодаря ему жива идея Интернационала, идея братства трудящихся всего мира.

---

[1]) *М. Горький.* «Владимир Ильич Ленин». «Коммунистический Интернационал», № 12, стр. 1933.

[2]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот». Петроград, 1919, стр. 61.

II

РУКОВОДЯЩИЕ ИДЕИ, ТВОРЧЕСТВО, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

1. Единство учения и дела.

Существует ходячее мнение, будто русская революция и, в особенности, октябрьская революция — этот второй этап революции — представляет собой специфически русское явление: только в России могли зародиться и получить дальнейшее развитие подобные события; положение вещей в России коренным образом отличалось от тех условий, в которых находятся другие европейские государства; с другой стороны, только в России существуют Ленины и Троцкие. Буржуа и коммунисты нередко единодушны в этом вопросе и выражают по этому поводу такое же удивление, как люди, пожимающие плечами при мысли о том, что такие маленькие государства, как Норвегия и Бельгия могли стать родиной Ибсена и Верхарна, а столь «прозаическая» страна, как Америка, могла создать Уота Уитмэна.

Совершенно верно, что в России условия для развития революции были благоприятны, но столь же бесспорно и то, что там существовала партия, которая сумела превосходно использовать эти условия. И в западно-европейских государствах, например, в Германии, Франции, Италии, обстановка временами была более или менее революционная, но в решительный момент там не нашлось ни партии, ни людей, которых требовали чрезвычайные обстоятельства.

Неужели Россия — какое-то сказочное государство, единственное государство, в котором родятся великие истинные революционеры, подобно тому, как Италия — та волшебная страна, «где апельсины зреют»? Конечно, нет! Но с 1903 г. там работает партия, опирающаяся на ясную, твердую и радикальную программу,—партия, спаянная железной дисциплиной. «Только история большевизма», — говорит Ленин, — «за *весь* период его существо-

вания может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата». И далее: «Эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом, но их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения»[1]). История жизни Ленина сливается с историей коммунистической партии. Как здесь, так и там проявляется то же единство, то же прямолинейное движение, та же стальная твердость. Программа не меняется, но, на основании фактов и разнообразных условий текущего момента, вырабатывается чрезвычайно гибкая тактика; только поверхностные люди, ограничивающиеся бесплодными философскими рассуждениями, могут считать эту тактику противоречивой.

Взгляды Ленина на аграрный вопрос, на участие в парламенте, на Советы, на Учредительное Собрание, на тактику III Интернационала опираются не только на твердую научную теорию, но и на беспощадную оценку фактов. Цель — единая и определенная, но средства различные, в зависимости от соотношения сил, от экономического и политического положения, психологического состояния масс и т. д. Во время империалистической войны Ленин стоял за «расколы во что бы то ни стало». В виду того, что II Интернационал потерпел позорный крах, возникла необходимость создать в каждой из воюющих стран специфически революционные, состоящие из безусловно надежных, действительно «интернационалистских» элементов партии и группы, вокруг которых могли бы сплотиться массы. Некоторым анархистам и антипарламентским синдикалистам, принадлежавшим впрочем к числу искренних революционеров, Ленин отдавал предпочтение перед ренегатами марксизма и научного социализма.

«Те социалисты»,—говорит Ленин,—«которые во время войны 1914—1918 г.г. не поняли, что это война преступная, реакционная, грабительская, империалистическая с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле;

---

[1]) *И. Ленин.* «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. сочин., т. XVII, стр. 118 и след.

друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи «своей» национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая «национальной», «освободительной», «оборонительной», «справедливой» и т. п. войну между английской и германской группой империалистов-хищников, *равно* грязных, корыстных, кровавых, преступных, реакционных» [1]).

В другом своем труде Ленин разъясняет:

«До войны казалось, что главное разделение в рабочем движении, это — деление на социалистов и анархистов. Это не только казалось, но и было так. В продолжительную эпоху до империалистической войны и революции объективно революционного положения в громадном большинстве европейских стран не было. Задача состояла в том, чтобы использовать эту медленную работу для революционной подготовки. Социалисты начали это дело, анархисты не понимали этой задачи. Война создала революционное положение, и это старое деление оказалось изживающим себя. С одной стороны, верхушки социализма и анархизма сделались шовинистами и показали, что значит защищать своих буржуазных разбойников против других грабителей буржуазии, из-за которых война погубила миллионы людей. С другой стороны, в низах старых партий зародились новые течения — против войны, против империализма, за социальную революцию. Таким образом, глубочайший кризис создался из-за войны, и анархисты и социалисты раскололись потому, что верхушки парламентских вождей социалистов оказались на фланге шовинистов, а в низах все растущее меньшинство отходило от них и стало переходить на сторону революции. Таким образом, рабочее движение всех стран пошло по новой линии, не по линии анархистов и социалистов, а по линии, способной привести к диктатуре пролетариата. Этот раскол во всем мире наметился и начался еще до существования III Интернационала» [2]).

Плеханов, так же тенденциозно, как и Каутский, использовал то, что когда-то писали об анархистах Карл Маркс и Энгельс; но условия были уже иные. Маркс и Энгельс боро-

---

[1]) *И. Ленин.* «О задачах III Интернационала». Собр. сочин., т. XVI, стр. 272 и след.

[2]) *И. Ленин.* Речь 6 марта 1920 г. в годовщину основания Коммунистического Интернационала. Собр. сочин., т. XVII, стр. 42.

Ленин обращается с речью к пролетариату на площади Урицкого, в день Интернационала.

лись против Бакунина и прудонистов, которые своим непониманием фактов и своим враждебным отношением к авторитетам содействовали разложению I Интернационала.

«Обычная критика анархизма у социал-демократов», — пишет Ленин в своем труде «Государство и Революция», — «сводилась к чистейшей мещанской пошлости: «мы-де признаем государство, а анархисты—нет». Конечно, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих» [1]).

Ленин неоднократно заявлял, что если анархистские учения нашли столько сторонников среди революционных элементов, то это является результатом недоразумения, следствием оппортунизма социалистических партий и их жалкой реформистской практики.

И как только III Коммунистический Интернационал был окончательно основан и получил достаточно широкое распространение, Ленин стал нападать на анархистов и некоторых левых коммунистов, ничему не научившихся и защищающих отставшую от хода событий точку зрения. Он делал это с той же суровостью, с той же неумолимой прямой, с какой он постоянно выступал против оппортунистов, меньшевиков и всех ренегатов марксизма.

Едва только массовому движению начинает грозить опасность со стороны какого-нибудь течения, не считающегося с действительностью, Ленин немедленно вступает с ним в борьбу не на жизнь, а на смерть. Для него парламентаризм только крайнее средство; однако, при известных обстоятельствах его надо использовать, причем парламентская трибуна должна быть превращена в орудие революции. Еще в 1908 г. Ленин стал в совершенно определенную оппозицию к левым большевикам, которые категорически высказывались против участия в крайне реакционной Думе; некоторые из них были даже исключены; впрочем, впоследствии они вновь были приняты в коммунистическую партию. В настоящее время во всех странах большинство рабочих принадлежит к старым профсоюзам; поэтому, именно в гуще этих профсоюзов должен вести борьбу последовательный революционер.

---

[1]) *Н. Ленин.* «Государство и Революция». Собр. сочин., т. XIV, ч. II, стр. 34.

«Воздержание» является с точки зрения Ленина только выражением боязни борьбы. Зрелое размышление приводит к выводу, что все должно быть подчинено действию масс. Антипарламентариям и сторонникам раскола в профсоюзах Ленин заявляет:

«Вы по-детски испугались маленькой трудности, которая предстоит вам сегодня, не понимая, что завтра и послезавтра вам придется все же научиться, доучиться преодолевать те же трудности в размерах, неизмеримо более значительных» [1]).

В своем прощальном письме к швейцарским рабочим и в статьях, написанных для «Правды» в период от мартовской революции до октябрьской, Ленин отстаивает мысль о революционной войне против мирового империализма. Но, учитывая реальную ситуацию, размеры революционного движения в Германии, состояние русской армии и экономическое положение России, он на некоторое время отделяется от Троцкого и «левых коммунистов» и твердо высказывается за немедленный и безусловный мир. С его доводами соглашается В. Ц. И. К., поручающий своим срочно командированным представителям в Брест-Литовск подписать условия этого «несчастного мира».

Ленин — поразительный реалист, «гениальный оппортунист», как его назвал Луначарский, употребив это слово, разумеется, не в обычном, отрицательном смысле.

«У Ленина», — говорит Луначарский, — «обнаружилась чрезвычайная политическая чуткость. Он имеет в себе черты гениального оппортунизма, т.-е. такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей, всегда революционной линии. Эти черты действительно были и у Дантона, и у Кромвеля» [2]).

Ленин считает, что «отрицать компромиссы «принципиально». отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделять *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, которые содержат в себе измену и оппортунизм, и направлять всю силу критики, все острие

[1]) *Н. Ленин.* «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. сочин., т. XVII, стр. 196.

[2]) *А. В. Луначарский.* «Великий переворот», стр. 70.

беспощадного разоблачения и непримиримой войны против этих конкретных компромиссов» [1]).

Есть компромиссы и компромиссы. «Нужно уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов» [2]).

Характер его подхода к рабочему движению; методы, с помощью которых он изучил психологию рабочих и знакомился с нуждами трудящихся; тактика, которую он применял для того, чтобы сплотить рабочих и побудить их к точному формулированию своих экономических требований и согласованию последних с политической революционной программой, — все это раскрывает перед нами гениальную интуицию и реализм Ленина как политического деятеля.

Никто лучше его не провел в жизнь политического движения пролетариата, которое Карл Маркс определяет следующим образом:

«Политическое движение рабочего класса имеет, разумеется, своей конечной целью завоевание политической власти самим рабочим классом, и поэтому, очевидно, необходима предшествующая организация рабочего класса на известной ступени его развития, возникающая сама собой на почве его экономической борьбы.

«Но, с другой стороны, всякое движение, которым рабочий класс противопоставляет себя, как класс, господствующим классам, и таким образом стремится победить их силой внешнего давления,— является политическим движением. Например, попытка добиться от некоторых капиталистов на какой-либо фабрике или в какой-либо корпорации сокращения рабочего времени является чисто экономическим движением. Наоборот, движение, направленное на то, чтобы добиться установления в *законодательном* порядке восьмичасового рабочего дня, есть политическое движение. Так из отдельных экономических движений рабочих вырастает всегда политическое, т.-е. *классовое* движение, стремящееся в общей форме обеспечить торжество классовым интересам рабочих...

«Если рабочий класс еще не обладает достаточно развитой организацией, чтобы предпринять решительный поход против

---

[1]) *И. Ленин.* «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. сочин., т. XVII, стр. 129.

[2]) Там же, стр. 130.

политической власти правящих классов, то его следует вызвать на это систематической пропагандой против господствующих классов. Иначе он является только игрушкой в их руках, как это доказало движение 4 сентября во Франции и до известной степени доказывает игра, которая сейчас еще удается в Англии господам Гладстону и К⁰» [1]).

В течение своей долгой плодотворной жизни Ленин ни на секунду не утратил ни ясности и прямолинейности своих мыслей, ни четкого представления о действии масс; это вселяло в него такую глубокую уверенность и непоколебимость, что он не боялся оставаться в решительные минуты одиноким как в Интернационале, так и в своей собственной партии. Фактическое единство движения он ставил выше единства партии.

В чем же заключался источник этой изумительной уверенности, мощной определенности и необычайной твердости? Ответ ясен: в революционном марксизме.

2. Революционный марксизм, научный социализм.

Чтение «Капитала», с которым познакомил Владимира Ильича его брат Александр, оказало на него решающее влияние. Он обдумывал этот труд не в тиши уютного кабинета, а на самих фабриках, в тесном общении с рабочими. С ранних лет он питал отвращение к философам, метафизикам, идеалистам, которые даже в XX веке все еще преклоняются перед туманным, устарелым мистицизмом, перед своего рода стыдливо маскируемой религией, как бы громко ни претендовали они на почетное звание «рационалистов».

Эксплоатация рабочих, с которыми обращаются как с рабами и вьючными животными; соревнование между капиталистами, вызывающее анархию производства; конкуренция между крупными заводчиками и фабрикантами различных стран, отделяющая экономическими барьерами одни государства от других; возникающее на почве экономических интересов стремление к расширению колониальных владений, являющееся источником военных столкно-

[1]) Письмо Карла Маркса к Больте.

вений; все более тесное сплетение политических и финансовых проблем; наконец, капиталистическое господство, которое ради достижения своих целей пользуется прессой, парламентом, дипломатией, правосудием и просвещением — все это было ясно для Владимира Ильича, которого никогда не могла одурачить фразеология, лицемерно скрывающая действительное положение вещей.

Выход из кризиса может быть найден только путем организации общественного порядка, основанного на новой форме производства, упраздняющего прибавочную ценность и капиталистическую прибыль. Новый экономический строй может существовать только при условии прочной охраны его интересов. Отсюда вытекает необходимость захвата государственной власти и установления на известный — ограниченный — период диктатуры пролетариата. И после того как постепенно исчезнут классовые перегородки, останется только один класс: класс действительно трудящихся, класс создающих материальные ценности. В ближайшее же время необходимо сорганизовать, воспитать и затем повести в наступление пролетариат — эту движущую силу общества. Впрочем, указанный исторический процесс облегчается классовой борьбой, вызванной условиями капиталистического строя. Классовая борьба не теория, а действительно существующий факт.

Создающие, производящие, трудящиеся составляют большинство. И, тем не менее, вместо того, чтобы быть хозяевами положения, они подчинены господству меньшинства. Либералы, стремящиеся к примирению труда с капиталом, указывают на то, что во всех конституционно-демократических странах, т.-е. в большинстве государств Европы, эти якобы порабощенные группы населения имеют в своем распоряжении парламент и печать. В тот день, — уверяют они, — когда представители пролетариата окажутся в парламенте в большинстве, они смогут изменить основные законы и ввести пропагандируемый ими строй. Зачем же прибегать к насилию и крайним средствам? Прекрасно, — отвечают им на это марксисты, — предположим, что в какой-нибудь стране выборы дадут большинство в парламенте революционерам; тогда правящая власть немедленно распустит парламент и драконовскими мерами воспрепятствует образованию социалистического правительства. Притом, все это, ведь, гипотеза, —

значительная часть рабочих одурманена капиталистической школой и печатью, являющимися в руках буржуазии орудием порабощения пролетариата. Не человек создает среду, а среда — человека; поэтому ее надо изменить.

Временно можно использовать то, что предоставляет буржуазия: некоторые «гражданские свободы», парламент, профсоюзы и т. д.; но, повторяем, совершенно утопична вера в то, что можно установить коллективную систему государственного управления, рациональную систему производства, обмена и потребления с помощью конституций и допускаемых ими «законных» средств. Единственный исход, это — прибегнуть к насилию.

Война не должна ослабить классовую борьбу, а наоборот, должна ее усилить. Не может быть речи о гражданском мире, о перемирии между партиями; нет никакого различия между войной оборонительной и наступательной. Войну открыто предсказывали на многих международных конгрессах, и империалистический ее характер был вне сомнений с самого ее начала. Еще Клаузевиц [1]) говорил: «*Война есть продолжение политики иными* (именно: насильственными) *средствами*».

«Примените этот взгляд к теперешней войне» (1914 г.), — писали Ленин и Зиновьев в 1915 г., — «вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения других наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии, и в России политика как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав [2]).

В большинстве крупных государств, участвовавших в войне, социал-демократы поддерживали гражданский мир и одобряли политику своих правительств. Французы защищали республику

[1]) *Клаузевиц* (1783—1831) — известный военный писатель, автор классического сочинения «Vom Kriege» («О войне»). (*Прим. перев.*)

[2]) *Г. Зиновьев* и *Н. Ленин*. «Социализм и война». Петроград. 1918 г., стр. 10.

и демократию против германского империализма и милитаризма. Немцы защищали свое отечество против союзницы Франции — царской России, причем ссылались на неправильные цитаты из трудов Энгельса. Особенно немецкие социал-демократы, вполне признавая, что Маркс и Энгельс отвергали войну, указывали на то, будто оба неоднократно высказывались в пользу одного из воюющих государств.

«Ученые дураки и старые бабы из II Интернационала»,—пишет Ленин, — «которые пренебрежительно и высокомерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и ожесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность» во всех передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального) обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты, и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917 — 1920 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и каутскианства (которому соответствует лонгетизм во Франции, взгляды вождей независимой рабочей партии и фабианцев — в Англии, Турати — в Италии и т. д.); массы же потом на собственном опыте все более убеждались в правильности взглядов большевиков» [1]).

В ответ на ложную аргументацию социал-демократов, Ленин ссылается на постановления конгрессов в Штутгарте, Копенгагене и Базеле и заявляет, что империалистическая война должна быть превращена в гражданскую войну в целях свержения капиталистического строя и организации рабочей власти. Социалисты должны бороться против собственного правительства.

Ныне соотношение сил уже не то, что в 1914 г.; уже 5 лет существует социалистическое правительство, и тем самым поставлен вопрос, какую позицию должен занять пролетариат в случае

[1]) *И. Ленин.* «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. соч., т. XVII, стр. 122 — 123.

новой мировой войны, размеры которой будут несравненно большие, чем восемь лет тому назад. Ленин и Бухарин защищали совершенно новую точку зрения, учитывающую реальные события и историческое развитие. Как истинные марксисты, они подчиняют тактику событиям. Для Ленина марксизм не голая теория, с годами теряющая свое значение, а наука, подобная биологии, нечто живое по самому существу своему, организм, протоплазма, постоянно видоизменяющаяся под влиянием среды и фактических условий. От Карла Маркса Ленин унаследовал дух, руководящие идеи, сокровенную сущность и диалектику его трудов, но отнюдь не отвлеченные формулы, которые можно было бы *смело* применить в любое время и при любых обстоятельствах.

Часто не без иронии указывали на то, что почти все группировки, ведущие теперь ожесточенную борьбу между собой, ссылаются на Карла Маркса. Как те, так и другие цитируют «Капитал», подобно тому, как когда-то представители различных сект ссылались на библию. Но это только так кажется, ибо одни — революционные марксисты, другие же, скрываясь под марксистской личиной, ограничиваются тем, что проповедуют с кафедры академический социализм. Они в восторге от положения вещей в настоящее время.

Теоретик Эдуард Берт в предисловии к новому изданию своих «Новых воззрений социализма» пишет:

«Мир ныне делится на большевиков и анти-большевиков. Можно даже сказать, что вообще теперь существуют только эти две партии; и если я говорю «мир», то имею в виду при этом и социалистический мир, ибо мы видим, что и он в данном случае раскололся, как и все остальное человечество, причем весьма симптоматично, поучительно и поразительно следующее: мы обнаруживаем тот же взгляд на большевизм, как и на революционный синдикализм; ортодоксальные марксисты (во Франции гэдисты, в Германии каутскианцы, в России плехановцы) и анархисты-индивидуалисты (группа «Либертэр» во Франции и Кропоткина в России) выказывают по отношению к большевикам то же непонимание и ту же ненависть, как прежде — к революционным синдикалистам. Последние же, напротив, совершенно инстинктивно питают к большевикам очень глубокие симпатии, хотя, может быть, и не всегда, разделяют полностью их учение.

Что можно сказать по этому поводу? И что такое, в сущности, большевизм? Является ли он, в действительности, «новым воззрением» социализма? Или просто-напросто его «ренессансом» (возрождением)?»

На самом деле, оба течения разошлись еще до большевистской революции. Ленин, как мы видели, занял вполне определенную позицию. Бернштейн был главою ревизионизма, который приобрел много сторонников вне Германии — среди них был и великий Жорес.

За несколько лет до войны, приблизительно в 1912 г., Каутский, выступивший против Бернштейна (который в ответ выпустил новую книгу), отделился от Меринга и Розы Люксембург, отказался от своего активного радикализма и стал на сторону *пассивного* радикализма — так окрестил и определил это течение Паннекук. Под влиянием Каутского во время войны образовалась оппозиция, состоявшая из самых различных элементов: сюда входили и революционные марксисты, и двусмысленные лассальянцы, и либеральные республиканцы, и толстовские пацифисты. В ходе событий эта оппозиция раскололась, и ныне в рядах старой германской социал-демократической партии мы видим Каутского и Бернштейна, объединившихся на почве антимарксизма и каких-то закоснелых и странных симпатий к Антанте,— симпатий, которые довели их чуть ли не до оправдания позорного версальского мира. Ленин [1]) был более последователен, чем ревизионистские и пацифистские марксисты. Во время самой войны он открыто формулировал свой социал-империализм и занял место на крайнем правом фланге с.-д. партии, в то время как голландец Герман Гортер [2]) оказался на крайнем левом.

Что касается переводчика и популяризатора сочинений Карла Маркса — Плеханова, — который в 1882 г. издал перевод «Коммунистического Манифеста» с предисловием Маркса и Энгельса,

---

[1]) *Ленин* был в свое время видным членом левого крыла германской социал-демократии; издавал, совместно с Мерингом, «Лейпцигер Фольксцейтунг» (Лейпцигскую Народную Газету). Война сделала его социал-шовинистом. *(Прим. перев.).*

[2]) *Гортер* — видный представитель левого крыла голландской с.-д. партии; один из лидеров Германской Коммунистической Рабочей Партии. *(Прим. перев.).*

то и он нападал на Бернштейна; но после раскола 1903 г. он стал на сторону меньшевиков и сделался ярым последователем того направления, которое Ленин называет «струвистским» и «брентанистским», и которое, следуя учению русского экономиста Струве и немецкого — Брентано, проповедует легальный весьма умеренный марксизм, признающий классовую борьбу, но останавливающийся, однако, перед революцией.

Против Каутского, радикала, ставшего реформистом, Ленин выступил с той же резкостью в выражениях, как и в своем знаменитом споре с народовольцами, эс-эрами, легальными марксистами и меньшевиками. Каутский, по его мнению, — «ренегат», «фальсификатор», «обманщик», «предатель», «Иуда»; это значит, что Каутского, Плеханова и Мартова Ленин не только не считает марксистами, но видит в них злейших врагов рабочего движения. Борьба между Лениным и Каутским — олицетворение борьбы между революционным марксизмом и легальным марксизмом, или реформизмом. На практике революционный марксизм принимал форму диктатуры пролетариата, легальный же марксизм — буржуазной демократии.

3. Проблема революции. Взгляд на государство.

Учение Ленина о государстве изложено, главным образом, в опубликованных им после революции трудах: «Государство и Революция» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский», а также в тезисах о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, представленных им на обсуждение учредительного конгресса Коммунистического Интернационала.

Подобно Карлу Марксу, использовавшему события 1848 и 1851 г.г. и, позднее, Парижской Коммуны для своих фундаментальных трудов о проблеме революции, Ленин положил в основу своих работ опыт революций 1905 г. и марта 1917 г.

Добиться экономического преобразования можно лишь в том случае, если предварительно захватить государственную власть. Пролетарское государство является, собственно говоря, лишь переходной стадией.

«Рабочий класс», — пишет Маркс в «Нищете философии», — «поставит в ходе развития на место старого буржуазного общества

такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой в собственном смысле политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества».

В «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс говорят следующее:

«Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы проследили более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии...

«...Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является возвышение пролетариата до положения господствующего класса, завоевание демократии.

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.-е. организованного как господствующий класс пролетариата, и возможно быстрее увеличить сумму производительных сил».

Здесь речь идет о *диктатуре пролетариата*, которая не является идеей Ленина и большевиков, как это неосновательно утверждают многие, а просто-напросто марксистской мыслью, воспринятой большевиками.

«Это определение государства»,—поясняет Ленин,—«не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных социал-демократических партий, а было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, так как оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям на счет «мирного развития демократии».

«Пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.-е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А во-вторых, трудящимся нужно «государство», т.-е. организованный в господствующий класс пролетариат.

«Государство есть особая организация силы, организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплоататорский класс, т.-е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплоататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплоатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее» [1]).

Взгляды на государство у большевиков, анархистов и реформистов — в корне различны. Анархисты, отрицая государство, борются против него, каким бы оно ни было. Последовательные анархисты, как мы это видим в настоящее время, высказываются против диктатуры пролетариата, и их полемика отличается иногда большей резкостью тона, чем полемика демократов. Источником ошибок анархистов является их идеализм и индивидуализм: они против всякой организации... кроме своей собственной! Оппортунисты же думают, что экономические преобразования совершаются посредством медленной эволюции. Они — сознательные или бессознательные сторонники абсолютного детерминизма и проповедуют своего рода фатализм.

Большевики, революционные марксисты, полагают, что пролетариат должен использовать известные, выгодные для него, экономические, политические и психологические условия и завладеть властью. Насильственным путем должно быть ниспровергнуто капиталистическое государство, и должна быть установлена твердая диктатура, которая, по существу своему, имеет переходный характер, но является неизбежным результатом гражданской войны, ибо лишившаяся своей собственности буржуазия не сдастся добровольно, а приложит все свои усилия, — особенно, при поддержке буржуазии других стран, — к тому, чтобы развить контрреволюционную деятельность. Пролетариату государство нужно не для обеспечения своей свободы, а для уничтожения своих противников. Как только станет возможным говорить о свободе, государство, как таковое, прекратит свое существование: оно отомрет.

---

[1]) *И. Ленин.* «Государство и Революция». Собр. сочин., т. XIV, ч. II, стр. 315.

Демократическая республика, это—этап, прямо ведущий к диктатуре пролетариата. Не демократическая республика упразднит господство капитала, т.-е. порабощение масс и классовую борьбу; «но она придаст этой борьбе такую глубину, широту и остроту, что единственным путем удовлетворения насущных интересов порабощенных масс станет неизбежно диктатура пролетариата, которая увлечет за собой массы».

Свержение самодержавия и учреждение демократической республики — Ленин всегда считал первым этапом революции. В прощальном письме к швейцарским рабочим, в тезисах, которые он защищал по возвращении в Россию, он категорически высказался в этом смысле и всеми силами боролся против Временного Правительства.

Когда в июле 1917 г. в массах обнаружилось сильное брожение, Ленин и члены Ц. К. партии воспротивились непосредственному захвату власти, ибо, как революционные марксисты, они осуждали пагубный для революции путчизм (авантюристический государственный переворот). Но борьба их против правительства стала еще энергичнее и беспощаднее. В своих сочинениях и тезисах Ленин доказывал невозможность двоевластия: *Совет* должен быть единственным правительством, и важно, чтобы массы не дали себя обмануть обещанием выборов в Учредительное Собрание. В качестве оппозиционной партии большевики неустанно требовали созыва Учредительного Собрания, но они старательно подчеркивали, что «республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием» [1]).

Ленин рекомендовал партии и рабочим участвовать в выборах в Учредительное Собрание, подобно тому, как в 1908 г. он считал тактической необходимостью участие в выборах в Гос. Думу, а позднее, на конгрессах Коммунистического Интернационала, настаивал на использовании парламентаризма. Но это не мешало ему изо дня в день выказывать свое презрение к парламенту — этой форме буржуазной диктатуры. Поэтому его противники никоим образом не могут упрекнуть его в роспуске Учредительного

---

[1]) *Н. Ленин.* «Тезисы об Учредительном Собрании». Собр. сочин., т. XV, стр. 50.

Собрания; они могут возражать против программы и идей Ленина, но отнюдь не против применения их на практике.

Накануне октябрьской революции 1917 г. все необходимые условия были налицо. Рабочие, крестьяне и солдаты желали мира; тем не менее, Керенский отдал в июле приказ начать наступление. Экономическая разруха усиливалась с каждым днем. Керенский колебался между правыми и левыми и был не в силах занять лишенную двусмысленности позицию; демократическая республика стояла на крайне зыбкой почве, и страна была во власти военной диктатуры. При выборах в Советы в крупных городах большевики получали большинство, а значительная часть солдат и матросов поддерживала без всяких оговорок программу Ленина. Нижеследующая таблица показывает успехи большевиков на выборах во всероссийские Съезды Советов:

	Число делегатов.	Из них большевиков.	Процент большевиков.
Первый Съезд (3 июня 1917) . .	790	103	13%
Второй Съезд (25 октября 1917) .	675	343	51%
Третий Съезд (10 января 1918) .	710	434	61%
Четвертый Съезд (14 марта 1918).	1.232	795	64%
Пятый Съезд (4 июля 1918) . .	1.164	773	66%

Что касается результатов выборов в Учредительное Собрание, то они не были выражением воли рабочего и крестьянского населения России. Списки были составлены за два или за три месяца до октябрьской революции, откололившиеся левые эс-эры значились в одних списках с правыми эс-эрами. Таким образом, крестьяне могли голосовать за список, в котором одновременно фигурировали как Керенский и Чернов, так и все те, кто участвовал в победоносном восстании против Керенского. В виду того, что в последние месяцы большинство эс-эровской партии стало ориентироваться влево, а правое крыло все таяло, три четверти списков эс-эровской партии заключали в себе имена прежних борцов правого крыла, которые в эпоху коалиции с либеральной

буржуазией показали в истинном свете свою революционную репутацию.

«К этому надо прибавить еще то обстоятельство», — указывает Троцкий в своей превосходной брошюре «Октябрьская революция», — «что самые выборы происходили в течение первых недель, следовавших за октябрьским переворотом. Весть о перемене сравнительно медленно расходилась кругами из столицы в провинцию, из городов по деревням. Крестьянские массы отдавали себе во многих местах крайне смутный отчет в том, что происходило в Петрограде и Москве. Они голосовали за «землю и волю», за своих представителей в земельных комитетах, в большинстве стоявших под народническим знаменем. Но, тем самым, они голосовали за Керенского и Авксентьева, которые распускали земельные комитеты и арестовывали их членов. В результате этого получился тот невероятный политический парадокс, что одна из двух партий, распускавших Учредительное Собрание, именно, левые социалисты-революционеры, прошла по общим спискам с той партией, которая дала большинство Учредительному Собранию. Эта фактическая сторона дела дает совершенно ясное представление о том, в какой мере Учредительное Собрание отстало от развития политической борьбы и партийных группировок» [1].

При выборах в Учредительное Собрание главные партийные группировки получили следующее количество голосов:

Большевики	9,02	милл. голос.	= 25%
Меньшевики и эс-эры . . .	22,69	» »	= 62%
Кадеты и проч. партии . . .	4,62	» »	= 13%

Что касается обоих столичных городов—Петрограда и Москвы, то там голоса распределились следующим образом:

Большевики	837	тыс. голос.
Эс-эры	218	» »
Кадеты	515	» »

В заключение, приведем цифровые данные о голосовании частей армии и флота, заимствованные из статьи эс-эра Н. Святицкого, помещенной в изданном эс-эрами сборнике «Год русской революции — 1917/1918»:

---

[1]) *Л. Троцкий.* «Октябрьская революция», стр. 99.

Части армии и флота.	Эс-эры.	Боль-шевики.	Каде-ты.	Нацио-нальн. и др. группы.	Всего.
Северный фронт . . .	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный фронт . . .	180,6	653,4	16,7	125,1	976,0
Юго-западный фронт .	402,9	300,1	13,7	290,6	1007,3
Румынский фронт . . .	679,4	167,0	21,4	260,7	1128,6
Кавказский фронт . . .	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот . . .	—	120,0[1])	—	—	120,0[1])
Черноморский флот . .	22,2	10,8	—	19,5[2])	52,5
Всего . . .	1885,1	1671,3	51,8	756,0	4364,5
		+120,0[1])	+ ?		+120,0[1])
		1791,3			+ ?

[1]) Цифра приблизительная: выбраны два большевика. В среднем, И. В. Святицкий считает по 60.000 голосов на одного выбранного. Поэтому я и беру цифру 120.000.

[2]) О том, какая партия получила 19,5 тысяч голосов от черноморского флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и один с.-д., т.-е. меньшевик *).

По мнению Ленина, большевики победили потому, что имели на своей стороне огромное большинство рабочих и наиболее сознательные, наиболее энергичные и наиболее революционные — избранные элементы пролетариата. Почти с 1914 года они были победителями, они работали над разложением армии — этого «самого могучего классового врага». Изучение фактических данных о выборах в Учредительное Собрание раскрывает три причины победы октябрьской революции: 1) подавляющее большевистское большинство среди пролетариата; 2) тот факт, что приблизительно половина армии была завоевана большевизмом, и 3) уверенность

*) Оба эти примечания к воспроизведенной выше таблице сделаны Лениным. «Комм. Интерн.», № 7/8, ноябрь-декабрь 1919, Петроград.

в сокрушительном перевесе в решающих пунктах, а именно в столицах и на близких к центру фронтах.

«Без серьезной и всесторонней подготовки *революционной* части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата» [1]). Почему же, — спрашивает Ленин, — социалисты из II Интернационала неспособны понять пролетариат? Только потому, что они не понимают, «что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелко-буржуазных партий» [2]).

Ленин спрашивает, полна ли и окончательна ли победа пролетариата после совершенного завоевания государственной власти и осуществления организации Советов. На это он дает отрицательный ответ. Ибо между пролетариатом и буржуазией есть широкий слой, состоящий из полу-пролетарских и мелко-буржуазных колеблющихся элементов. А действительность показывает, что «лишь в долгой и жестокой борьбе опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит* ее, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней» [3]).

В России политической выразительницей этой мелкой буржуазии была эс-эровская партия; как раз в тех местностях, где она была представлена сильнее всего и где процент поданных за большевиков голосов был наименьший, можно было наблюдать самые ощутительные успехи контр-революции. В этих местностях долгие месяцы процветала диктатура Колчака и Деникина.

Мелкая буржуазия сначала поддерживала большевиков, потому что они распределили землю, демобилизовали армию и заключили мир. Но после подписания брестского договора мелкая буржуазия, оскорбленная в своих патриотических чувствах, стала обнаруживать оппозиционное настроение. Оппозиция эта значительно усилилась, когда большевики потребовали передачи государству излишков хлеба по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири и Украины присоединилось тогда к Колчаку и Деникину и решительно под-

---

[1]) *И. Ленин.* «Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 443.

[2]) Там же, стр. 447.

[3]) Там же, стр. 453.

держивало их всеми средствами. Но во время господства контрреволюции крестьяне обнаружили, что мнимая демократия, возвещенная этими генералами, была лишь плохо замаскированной диктатурой помещиков и капиталистов. Вскоре в тылу у белых стали возникать и разрастаться восстания; когда же Красная армия принялась оттеснять Колчака и Деникина, ее встретили как избавительницу. Но для этого потребовался довольно продолжительный период тяжких испытаний.

Одновременно с этим, мелкая буржуазия крупных городов, которая сначала была враждебно настроена к Советской власти и саботировала ее деятельность, начинает понимать смысл происходящего и лояльно принимается за работу. Часть ее даже целиком приобщилась к большевизму, поняв, что большевики не разрушители и анархисты, а реальные политики, организаторы и творцы. Теперь, после пятилетнего существования диктатуры пролетариата, Советская власть пустила прочные корни. Даже тех, кто критикует Советскую власть,—а их немало,—не отрицают, что Советская власть — наилучшая форма правления, и решительно отвергают власть кадетов, меньшевиков и эс-эров.

Национальный вопрос имел в России первостепенное значение, и Ленину приходилось иногда бороться, особенно в украинском вопросе, против некоторых слишком теоретически настроенных членов партии. И здесь он также проявил свой реализм, свою гибкость, осмотрительность и мудрость.

Он писал: «Пытаться наперед, раз навсегда, «твердо» и «бесповоротно» решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания не пролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата должен относиться к таким колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить самим непролетарским трудящимся массам изжить эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам» [1]).

---

[1]) *Ленин.* «Выборы в Учред. Собр. и диктатура пролетариата». Собр. соч., т. XVI, стр. 455.

Сравнивая результаты выборов в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г. с развитием революции в период от октября 1917 г. по декабрь 1919 г., Ленин делает общие выводы для буржуазного парламентаризма и пролетарской революции во всяком капиталистическом государстве. Он устанавливает в качестве принципиального положения, что всеобщее избирательное право позволяет точно определить, насколько классы понимают свои задачи, что оно раскрывает перед нами те пути, какими эти классы пытаются разрешить различные проблемы. Поэтому, участие в парламентских схватках необходимо для партий, представляющих революционный пролетариат. Но самое «*решение* задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны» [1]).

Во всех капиталистических государствах сила пролетариата несравненно больше, чем его численность в общей массе населения. Даже в том случае, когда пролетариат или сознательный и действительно революционный авангард его составляет меньшинство населения, он в состоянии свергнуть диктатуру капитала и затем привлечь на свою сторону многочисленные полу-пролетарские и мелко-буржуазные элементы, которые никогда не высказывались бы заранее в пользу диктатуры пролетариата.

В каждой капиталистической стране существуют широкие слои мелкой буржуазии, колеблющиеся между капиталом и трудом. «...Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, разъединение буржуазии с ее мелко-буржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, поменать ей встать на сторону эксплоататоров, уметь продержаться известное время *вопреки ее шатаниям* и т. д., и т. п.» [2]).

В заключение, Ленин решительно заявляет:

«Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная, упорная и беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому

---

[1]) Там же, стр. 455.
[2]) Там же, 458.

подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке.

Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом (а равно и анархизмом) в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 годах, беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, т.-е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов» [1].

4. Буржуазная демократия и пролетарская диктатура.

Никогда так много не толковали о демократии, как в наше время, и, тем не менее, демократизм, истинный демократизм, не применяется на практике ни в одной стране. Демократия только ширма, заслоняющая диктатуру капитала. Еще до войны консервативный английский писатель Фуллертон назвал Францию «финансовой монархией». Капитализм пользуется демократией потому, что под этой формой ему удобнее всего скрыть свою железную диктатуру. Правительство, парламент и пресса являются только приказчиками, слугами финансовых и промышленных групп и трестов.

В своем ответе Каутскому, противопоставлявшему пролетарской диктатуре «чистую демократию», Ленин подчеркивает, что нельзя говорить о «чистой демократии» до тех пор, пока существуют вполне определенные классы. Существует лишь классовая демократия. «*Чистая демократия* есть лживая фраза либерала, одурачивающая рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной» [2].

Хотя буржуазная демократия и является исторически огромным прогрессом по сравнению со средневековьем, но под знаком капиталистического господства она может быть лишь чем-то крайне

---

[1]) Там же, 458—459.

[2]) *Н. Ленин.* «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Собр. соч., т. XV, стр. 457.

ограниченным и узким, «ловушкой и обманом для эксплоатируемых, для бедных».

«История XIX и XX веков еще до войны показала нам, что представляет собой на самом деле хваленая «чистая демократия» при капитализме. Марксисты всегда утверждали, что чем развитее, чем «чище» демократия, тем более неприкрытой, грубой и беспощадной становится классовая борьба, и тем очевиднее гнет капитала и диктатура буржуазии. Дело Дрейфуса в республиканской Франции, кровавые расправы вооруженной капиталистами армии наемников над бастующими рабочими свободной и демократической Американской республики, — эти и тысячи других подобных фактов раскрывают правду, которую буржуазия напрасно пытается скрыть, а именно ту правду, что в самых демократических республиках царят террор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто каждый раз, когда власть капитала начинает как будто терять почву под ногами.

«Империалистическая война 1914—1918 г.г. раз навсегда доказала даже отсталым рабочим в самых свободных республиках, что настоящая буржуазная демократия носит характер диктатуры буржуазии. Для обогащения немецких и английских миллионеров и миллиардеров десятки миллионов людей были убиты, и в самых свободных республиках была установлена военная диктатура буржуазии. Эта военная диктатура продолжает существовать в странах Антанты и после победы над Германией. Именно война раскрыла рабочим глаза более, чем что-либо другое; она сорвала с буржуазной демократии ложные прикрасы и открыла народу всю бездну спекуляции и погони за наживой, которые проявились во время войны и в связи с нею. Во имя свободы и равенства вела буржуазия эту войну, во имя свободы и равенства невероятно обогатились военные поставщики» [1]).

Империалистическая, шкурно-хищническая политика Пуанкарэ, которую он с особенной настойчивостью проводит в жизнь в последнее время, служит наглядным примером призрачности «чистой демократии». Пуанкарэ и французский парламент являются лишь исполнителями решений Comité de Forges, стремящегося реквизировать германский уголь. Пуанкарэ отдает приказ

[1]) *В. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 40 — 41.

занять богатый угольный бассейн Рура и заключает в тюрьму представителей рабочих, воспротивившихся его грубой силе.

«Мы ведем войну против Вильгельма II и германского милитаризма», — твердила вся французская пресса, при одобрении социал-патриотов. — «Когда Германия превратится в республику, мы немедленно прекратим борьбу». И что же? Германия стала республикой, но ее грабят, забирают паровозы, вагоны, лес, захватывают угольные бассейны в Верхней Силезии, Руре и Саарской области.

В «Тезисах о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», предложенных I Конгрессу Коминтерна, Ленин пишет:

«В капиталистически наиболее развитой стране на континенте Европы, в Германии, первые же месяцы республиканской свободы, принесенные разгромом империалистической Германии, показали немецким рабочим и всему миру, в чем состоит действительная классовая сущность буржуазной демократической республики. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург является событием всемирно-исторической важности не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди истинного пролетарского Коммунистического Интернационала, но и потому, что для передового европейского — можно без преувеличения сказать: для передового в мировом масштабе — государства обнаружилась до конца его классовая сущность. Если арестованные, т.-е. взятые под свою охрану государственной властью люди, могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами при правительстве социал-патриотов, — следовательно, демократическая республика, в которой такая вещь была возможна, есть диктатура буржуазии. Люди, которые выражают свое негодование по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но не понимают этой истины, обнаруживают этим либо свое тупоумие, либо свое лицемерие. «Свобода» в одной из самых свободных и передовых республик мира есть свобода безнаказанно убивать арестованных вождей пролетариата. И это не может быть иначе, пока держится капитализм, ибо развитие демократизма не притупляет, а обостряет классовую борьбу, которая, в силу всех результатов и влияний войны и ее последствий, доведена до точки кипения [1])».

---

[1]) *И. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 41 — 42.

Большинство современных государств провозгласило кое-какие свободы, но настолько урезало их всякими ограничениями, что они, в сущности, почти упразднены, а в некоторых случаях достаточно вмешательства правительства или парламента, чтобы уничтожить их окончательно. Рабочие имеют право работать, но в случае возникновения забастовки призывают войска, арестовывают и осуждают вождей рабочих, а если речь идет о государственных служащих, то их просто милитаризуют. Французская, швейцарская и американская демократия изобилуют примерами такого рода демократизма. Каждый имеет право издавать газету, но в действительности только люди богатые или представители крупных финансовых групп могут успешно вести это дело; нередко правительство ликвидирует рабочие газеты, либо прямо запрещая их, либо подвергая редакторов тюремному заключению под предлогом причастности их к анархическим покушениям или к заговору против безопасности государства и т. п. Словом, в каждой стране, где существует чистая демократия, подавляющее большинство населения, именно создатели ценностей, трудящиеся, не пользуются свободой устраивать собрания в лучших помещениях, распространять открыто свои идеи и защищать свои интересы, так как крупнейшие типографии и самые богатые склады бумаги не находятся в их распоряжении.

Правосудие также имеет классовый характер; независимость чиновничества не более как приманка. Что касается школ, то они служат для государства орудием политического влияния. Руководства по истории и, особенно, философии допускаются лишь постольку, поскольку они выражают буржуазную точку зрения. А парламентаризм? Вот что писал о нем в 1888 г. Поль Лафарг [1]): «Парламентаризм — это такая система управления, которая создает у народа иллюзию, будто он сам управляет страной, в то время, как фактически вся власть сосредоточена

---

[1]) П. Лафарг (1842—1911) — ученик и зять Маркса, замечательный пропагандист марксистской мысли во французском рабочем движении, основатель и вождь «Французской Рабочей Партии» (Parti Ouvrier Français); автор сочинений: «Религия капитала», «Право на лень», «Женский вопрос» и др., имевших крупное пропагандистское значение. См. *Г. Зиновьев.* «Поль Лафарг и Лаура Маркс» (некролог). Собр. сочин., т. XVI, стр. 150—153. *(Прим. перев.)*

в руках буржуазии, и даже не всей буржуазии, а лишь некоторых ее слоев. В первый период своего господства буржуазия не сознает или не ощущает необходимости создать у народа эту иллюзию. Поэтому, все парламентарные страны начинали с ограниченного избирательного права; повсюду право руководить политическими судьбами страны через избранных делегатов принадлежало сначала более или менее крупным помещикам и лишь впоследствии распространилось на менее щедро одаренных судьбой граждан, вплоть до того момента, пока в некоторых странах оно не превратилось из привилегии немногих в право всех и каждого».

Какое демократическое государство не ведет тайной дипломатии, — дипломатии, служащей империализму и милитаризму, вызывающей конфликты и войны? Одной из первых забот Советского правительства было опубликование материалов царских архивов, в том числе и самых секретных договоров, и провозглашение открытой и честной внешней политики во имя свободы и защиты отсталых, угнетаемых и порабощенных народов.

Разве в цивилизованных странах,—говорит Ленин,—буржуазия не завоевала власть целым рядом восстаний, гражданских войн, насильственных устранений королей, аристократов, рабовладельцев и путем подавления их реставрационных попыток — т.-е., другими словами, путем *фактически* установленной настоящей диктатуры?

Следовательно, пролетариат, желающий заменить капиталистический строй социалистическим, не может поступать иначе, чем буржуазия, прибегнувшая к насилию и диктатуре для того, чтобы заменить феодальный строй буржуазным. «Буржуазия, когда она была революционной, ни в Англии 1649 года, ни во Франции в 1793 году, не давала «свободы собраний» монархистам и дворянам, призывавшим иностранные войска и «собиравшимся» для организации попыток реставрации [1])».

«Диктатура», — говорит Троцкий в своей книге «Терроризм и коммунизм», — «необходима потому, что вопрос поставлен не о частных переменах, а о самом существовании буржуазии. На этой почве невозможно соглашение. Здесь решить может только сила. Единовластие пролетариата не исключает, разумеется,

---

[1]) *Н. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 39.

ни отдельных соглашений, ни значительных уступок, особенно по отношению к мелкой буржуазии и крестьянству. Но заключать эти соглашения пролетариат может, лишь овладев материальным аппаратом власти и обеспечив за собой возможность самостоятельного решения того, какие уступки давать и в каких отказывать в интересах социалистической задачи [1])».

Завоевание действительного равенства и истинной демократии станет мыслимым только тогда, когда отнимут у капитала возможность нанимать писателей и публицистов и подкупать газеты и издательства. Но для этого нужно сбросить иго капитала и сломить его сопротивление. Необходимо, следовательно, подавить свободу печати и передать типографии и склады бумаги пролетариату, т.-е. представляющей его партии. Уничтожается контрреволюционная пресса, которая отнюдь не является оружием абстрактного общества; разрушаются ее позиции и укрепления, ее склады и материалы, связи и шпионская служба. И если органы меньшевиков и эс-эров подвергаются преследованию, то это делается потому, что они находятся в явном союзе с контрреволюцией. Ведь была же армия Колчака, как сообщает Троцкий, организована эс-эрами? Все контр-революционные заговоры имели в своей основе эс-эровскую организацию.

«Диктатура пролетариата», — говорит Ленин в своих «Тезисах», — «тем сходна с диктатурой других классов, что она вызвана необходимостью, как и всякая диктатура, подавлять насильственное сопротивление класса, теряющего политическое господство. Коренное отличие диктатуры пролетариата от диктатуры других классов, от диктатуры помещиков в средние века, от диктатуры буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах состоит в том, что диктатура помещиков и буржуазии была насильственным подавлением сопротивления громадного большинства населения, т.-е. трудящихся. Напротив, диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т.-е. ничтожного меньшинства населения, помещиков и капиталистов [2])».

---

[1]) *Л. Троцкий.* «Терроризм и коммунизм». Госиздат. Петроград. 1920, стр. 20.

[2]) *В. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 43.

Впрочем, до войны, — указывают Ленин и Троцкий, — все социалисты заявляли в своих трудах, статьях и воззваниях, что и буржуазная демократическая республика не может быть не чем иным, как орудием порабощения рабочего класса.

По поводу Парижской Коммуны Маркс говорит следующее: «Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... чтобы сломить сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и преходящую форму».

А Энгельс говорит: «Победившая в революции партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»

Как для Маркса и Энгельса, так и для Ленина Парижская Коммуна была образцом: «Значение Коммуны далее состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат — чиновничий, судейский, военный, полицейский,— заменив его самоуправляющейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти [1])».

Ленина упрекали в том, что он изменил свои взгляды на Парижскую Коммуну. Порицающие его за это либо плохо знают его труды, либо совершенно неправильно их истолковывают. В различных своих работах, появившихся до революции 1917 г., Ленин, говоря при случае о Коммуне, подчеркивал некоторые ошибки, совершенные коммунарами, и указывал на то, что ближайшая революция должна избегнуть повторения этих ошибок. Разве это критика Коммуны? Не следует забывать всей исторической обстановки Коммуны: во Франции не было тогда интернационалистской революционной партии, как впоследствии в России. Можно охотно признавать героизм и величие вождей Коммуны и все-таки допускать, что их идеология грешила сумбурностью.

[1]) *П. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 38.

Позднейшие труды Ленина, написанные им во время русской революции, и особенно его теоретическое исследование «Государство и Революция» и его ответ «ренегату Каутскому» свидетельствуют о том же самом. Он хвалит энергию и инициативу коммунаров, которые, как говорил Маркс, пытались сломать, но не заменить старую государственную машину. «Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала [1])».

Безусловное избирательное право, неограниченное право отозвания всех без исключения чиновников, понижение окладов до размеров «обыкновенной заработной платы» — эти простые и «элементарные» демократические меры, принятые Коммуной, вызывают самое решительное одобрение со стороны Ленина. Это, по его мнению, великолепный пример пролетарской демократии, противоположной по своему духу «продажному и прогнившему парламентаризму [2])».

Каутский противопоставляет Парижскую Коммуну большевистской диктатуре. Ленину не стоило ни малейшего труда опровергнуть его. Парижская Коммуна являлась демократическим правительством, избранным посредством всеобщего голосования, причем буржуазия не была лишена своих избирательных прав. Ленин, однако, указывает, что настоящая буржуазия бежала в Версаль. Рабочий Париж решал судьбы Франции. Когда Коммуна боролась против Версаля, правительство рабочей Франции противостояло правительству буржуазной Франции. Маркс упрекал правительство Коммуны в том, что оно не захватило Французского банка, который принадлежал всей Франции.

Энгельс дал следующий отзыв о Коммуне:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа (антиавторитаристы)? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, которым часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. Победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать

---

[1]) *И. Ленин.* «Государство и Революция». Собрание сочин., т. XIV, ч. II, стр. 330.

[2]) Там же, стр. 335.

свое господство посредством страха, который внушает реакционерам ее оружие».

Ленина и большевистское правительство упрекают в том, что они сохраняют «узурпированную» ими власть только благодаря мощной армии и что они заменили империалистический милитаризм красным милитаризмом.

Небезынтересно отметить, что большинство тех, кто бросает этот своеобразный упрек большевикам, в свое время порицали их за то, что они дезорганизовали армию и разложили фронт; те же критики самым суровым образом осуждали антимилитаризм, считая, что он несовместим с марксизмом и социализмом.

Ленин никогда не выдавал себя за антимилитариста в анархистском смысле этого слова. Он пропагандировал дезорганизацию армии, чтобы разрушить ее боевую силу, ибо события показали, что так называемая республиканская армия Керенского сохранила корниловский, т.-е. специфически контр-революционный дух. Позднее, для защиты революции и ее завоеваний от внутреннего и грозного внешнего врага, пришлось создать революционную армию, пронизанную революционным духом и организованную из революционных отрядов. Ленин, как известно, никогда не слыл толстовцем. Он выказал себя последовательным революционным марксистом, в противоположность тем социалистам, которые уже давно отреклись от марксизма, исказив и обесцветив его.

3. Организация Советов. Политика пролетарского государства.

Советы появились впервые в революционные дни 1905 года. Они возникли сами собою в гуще тех фабрик и заводов, где рабочие стремились найти лучшую форму для классового выявления своих требований. Советы встретили непосредственную поддержку со стороны меньшевиков. Ленин, вопреки всем инсинуациям и злостным измышлениям, не возражал против Советов с принципиальной точки зрения. Он критиковал не систему Советов, а лишь взгляды меньшевиков на эту систему. Он полагал, что директивы Советам должна давать партия; поэтому он

впоследствии выступил против известного направления германских левых (Отто Рюле и др.), которое доходило даже до отрицания необходимости партии; Ленин, наоборот, утверждал, что диктатура пролетариата может быть проведена в жизнь лишь при содействии наиболее передовой его части, т.-е. революционной партии.

При Керенском меньшевики сохранили Советы, как органы рабочего контроля, именно только как контрольные органы, наряду с правительством, состоявшим из представителей различных партий. Ленин энергично боролся за автономию Советов. «Вся власть Советам!» — таков был лозунг, который большевистская партия неизменно распространяла и пропагандировала до октябрьской революции.

Советы возникли без какой-либо конституции и просуществовали так с весны 1917 года до лета 1918 года. Меньшевики считали Советы наиболее совершенной и удобной формой организации классовой борьбы, но не организации государственной власти. Таково было мнение Акселькода и Мартова, к которому впоследствии примкнули Каутский и Отто Бауер.

Советы составляют одновременно парламент и рабочее правительство.

«Если парламентский режим»,—пишет Троцкий,—«даже в эпоху «мирного» устойчивого развития был довольно грубым счетчиком настроений в стране, а в эпоху революционной бури совершенно утратил способность поспевать за ходом борьбы и развитием политического сознания, то советский режим, несравненно ближе, органичнее и теснее связанный с трудящимся большинством народа, главное свое значение полагает не в том, чтобы статически отражать большинство, а в том, чтобы динамически формировать его [1])».

Самая характерная черта Советской власти заключается в том, что организация масс является постоянной и единственной основой всей правительственной власти. Именно эти массы, которые даже в наиболее демократических буржуазных республиках, пользуясь якобы полным равноправием, «на деле,—говоря словами Ленина,—при помощи разных средств и ухищрений устранялись от участия

---

[1]) *Л. Троцкий.* «Терроризм и коммунизм». Петроград. 1920, стр. 44.

в политической жизни и от использования демократических прав и свобод, ныне привлекаются к постоянному, беспрепятственному и при этом решающему участию в демократическом управлении государством» [1]).

Советская власть стремится осуществить действительное равенство всех социально-полезных граждан. Она построена так, что приближает аппарат государственного управления к трудящимся массам. В советской организации государства власть законодательная и исполнительная объединены. Всероссийский Съезд Советов, в состав которого входят депутаты от всех местных Советов, рассматривает все государственные дела и избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, собирающийся каждые три месяца и созываемый в случае чрезвычайных обстоятельств ранее указанного срока. Губернские уездные и волостные Советы рассматривают и решают вопросы местного характера. В. Ц. И. К. назначает Совет Народных Комиссаров, который управляет государством под постоянным контролем В. Ц. И. К. Территориальное деление на избирательные участки заменено делением на трудовые единицы, каковыми являются предприятия, фабрики, заводы и государственные учреждения.

«Советская организация государства приноровлена к тому, чтобы пролетариат, как класс наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный, занял руководящую роль в государстве. Опыт всех революций, всех движений угнетенных классов, опыт социалистического мирового движения учит нас, что только пролетариату дано соединить воедино рассеянные и отсталые слои трудящегося и эксплоатируемого населения и повести его за собой.

«Только советская организация государства может разрушить — сразу и окончательно — старый, т.-е. буржуазно-чиновничий и судейский аппарат, который продолжал существовать и должен был продолжать существовать при капитализме даже в самых демократических республиках, и который фактически служил самым большим препятствием для рабочих и трудящихся масс при осуществлении ими демократизма. Парижская Коммуна сделала на этом пути

---

[1]) *И. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 44.

Ленин среди ответственных работников.

Сидят: А. И. Рыков, Ленин, Л. Серебряков, Е. Преображенский, Л. Каменев, М. Лашевич, И. Сталин, Н. Бухарин, М. Калинин, А. Енукидзе. Стоят: позади Бухарина — Н. Крестинский, справа от Крестинского — Берзин, Милютин и Смилга, слева — Мещеряков.

первый всемирно-исторический шаг, а Советская власть — второй» [1]).

Советская или пролетарская демократия является переходной стадией от буржуазной демократии к полному исчезновению государства. Уже на первых порах существования Советской власти были приняты некоторые меры для борьбы с контр-революцией. Так, были лишены избирательного права нетрудовые элементы, те, «которые держат наемных рабочих с целью прибыли», контр-революционеры, заговорщики и т. п.

Каждый член Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов Р. С. Ф. С. Р. может быть отозван во всякое время: это значит, что он может быть лишен своего мандата непосредственно самими избирателями. Сделать это не трудно, так как каждая фабрика, каждый завод, каждая деревня избирает своих депутатов. Таким образом, Совет никогда не теряет внутренней связи с избирателями, и члены Советов являются истинными представителями народа. Советы, это — настоящая демократия, воплощение подлинного *демократизма*, отрицание которого характеризует капиталистические демократии.

Ленин следующим образом определяет социалистический характер советского демократизма: 1) избирателями являются трудящиеся массы, которых раньше эксплоатировали; 2) бюрократический формализм и ограничения при выборах сводятся к нулю: массы сами определяют порядок выборов, назначают их сроки и сохраняют полное право отзыва избранных ими депутатов; 3) Советы представляют «наилучшую массовую организацию авангарда трудящихся», который может руководить самыми широкими массами эксплоатируемых и взять в свои руки их политическое воспитание. Таким образом, каждый гражданин учится управлять государством.

До некоторой степени мелко-буржуазная стихия налагает свой отпечаток и на Советы. Эта стихия «при всякой пролетарской революции в той или иной мере неизбежно себя проявит, а в нашей революции, в силу мелко-буржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны, проявляется особенно

[1]) *И. Ленин.* «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата». Собр. сочин., т. XVI, стр. 45.

сильно»[1]. Наконец, следует бороться против стремления превратить членов Советов в парламентариев или бюрократов.

«Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы; переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма. Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ощупью, обилие ошибок, колебания, — без этого никакого резкого движения вперед быть не может. Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противополагать капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово «скачок». (Некоторые, вспоминая обрывки прочитанного у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»)[2].

Хорошим революционером и превосходным марксистом является не тот, кто ограничивается только знанием марксистского учения и марксистской программы, а тот, кто «в любой момент умеет найти особое звено цепи», кто знает порядок расположения этих звеньев, их форму и способ их скрепления и кто умеет отличать их друг от друга. Необходимо с чувством самой глубокой симпатии оказывать величайшую поддержку периодическим конференциям советских избирателей и их депутатов, на которых обсуждается и контролируется деятельность местных советских органов управления.

«Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто-исполнительских* функций, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма»[3].

[1]) *И. Ленин.* «Об очередных задачах Советской власти». Собр. сочин., т. XV, стр. 221.

[2]) *И. Ленин.* «Об очередных задачах Советской власти». Собр. сочин., стр. 221 и след.

[3]) Там же, стр. 223 — 224.

Часто случается, что Ленин намекает на какую-нибудь бюрократическую ошибку или упущение Советской власти и, улыбаясь со свойственным ему прямодушием, заявляет: «Мы — отличные революционеры, но весьма плохие организаторы». Он преувеличивает недостатки советского управления, чтобы возбудить инициативу служащих и ответственных работников государственных учреждений. Все свое внимание он уделяет рациональной организации Р. С. Ф. С. Р. по хорошо обдуманному, логически-стройному плану, подвергающемуся, в зависимости от обстоятельств, дальнейшим изменениям.

В качестве Председателя Совета Народных Комиссаров, Ленин является главою Советского правительства. Своим ближайшим сотрудникам он не предписывает никакой отвлеченной программы, а выясняет мнения других, выслушивает советы и охотно подчиняется воле большинства. Будучи Председателем Совнаркома и членом Политбюро Центрального Комитета Партии он постоянно находится в курсе всех крупных и мелких дел Советского государства.

Более пяти лет он беспрерывно выполнял эту гигантскую работу, состоявшую не только в том, чтобы дать государству конституцию, подавить контр-революцию и при необычайно трудных условиях снабжать обширную страну продовольствием, но и в том, чтобы, одновременно, подготовить страну к социализму, к коммунизму.

Он вел жестокую, беспощадную борьбу с буржуазией, с мелкой буржуазией, с коварными фальсификаторами марксизма, но он боролся также против того направления, которое хотело заставить государственную машину двигаться с чрезмерной скоростью. Таким образом, он пришел к выводам, выраженным в следующих формулах: «Необходимо лавировать»; «мы переживаем переходный период»; «необходимо восстановить производство»; «Коммунизм, это — Советская власть плюс электрификация».

С удивительным тактом объединяет он все то, что может быть полезным для пропаганды и для организации страны. Взять, например, мысль об электрификации, на которую его навел один из старейших членов партии, инженер Кржижановский. На вопрос: что такое коммунизм? Ленин с математической точностью отвечает: *Коммунизм = Р. С. Ф. С. Р. + электрификация*. Вся суть последней

заключается в том, чтобы восстановить промышленность и сельское хозяйство в России, после того, как она избавится от внешних врагов. Каждая крестьянская изба будет освещена электричеством, и каждый крестьянин будет обрабатывать землю современными механическими орудиями, приводимыми в движение электричеством. По всей необъятной площади России раскинется огромная сеть электрических станций. Для наглядности и поощрения Ленин не остановился бы перед тем, чтобы заявить, что «один техник равен десяти коммунистам». Еще раньше он рекомендовал использование лиц, обладающих особыми познаниями (так называемых «спецов»), для всяких специальных работ, конечно, под строжайшим контролем. Он призывает всех членов партии усвоить культурные достижения капитализма, т.-е. изучить науки и технику капиталистической цивилизации и извлечь из них пользу для всего рабочего и крестьянского населения России.

Как вождь партии, как глава правительства и неуклонно правоверный марксист, Ленин не колеблется повернуть колесо истории в совершенно ином направлении, если на пути появляется непредвиденное препятствие, если дорога заводит в тупик, или она загромождена, или теряется в дебрях. Курьезно то, что Ленина упрекают в «оппортунизме» как раз те, которые сами зашли дальше всех других в своих оппортунистических устремлениях. Когда Ленин накануне октябрьской революции разложил фронт и армию, ему поставили это в вину, как тяжкое преступление. Но стоило только Советскому правительству организовать Красную армию, как стали вопить о красном милитаризме и о большевистском империализме. После того, как Ленин и его товарищи совершили государственный переворот и издали первые революционные декреты, а затем создали из Советов государственный аппарат, реформисты стали кричать об анархии, о преступлении против демократии и сравнивали большевистскую партию с разбойничьей шайкой. Но едва Ленин заговорил о новой экономической политике и о продналоге, как те же самые цензоры, те же самые Катоны начали обвинять его в оппортунизме. Некоторые противники Ленина — эс-эры и друзья Милюкова, которые уже давно перестали распространять свои плаксивые воззвания в пользу Учредительного Собрания, — провозгласили даже такой лозунг: «Советы без большевиков!».

Дело в том, что развитие русской революции достигло такой ступени, что Ленин вынужден был заявить о необходимости временного экономического отступления. Подобно тому, как капиталистические правительства прибегают к государственному социализму, чтобы посредством этой плотины сдержать прорвавшийся поток социализма, точно так же Ленин вводит государственный капитализм, чтобы парализовать и уничтожить влияние мирового капитализма в России. 9 апреля 1921 года он произнес свою знаменитую речь, которая навсегда останется образцом мудрости и политического реализма; при оценке этой речи надо отрешиться от тех ее искажений, к которым прибегают некоторые «коммунисты», приемлющие новую экономическую политику так, как они ее понимают, т.-е. с точки зрения своего собственного материального благополучия.

Равным образом, еще в мае 1918 г., в ответ на возражения группы левых коммунистов, Ленин утверждал, что государственный капитализм был бы шагом вперед по сравнению с теперешним положением дел в Советской республике. «Если бы, примерно, через полгода»,—писал он,—«у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и станет непобедимым социализм. Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отпрянется кое-кто от этих слов... Как? В Советской *социалистической* республике переход к государственному *капитализму* был бы шагом вперед?.. Это ли не измена социализму?» [1]).

В области хозяйства в советском строе были в то время, по мнению Ленина, элементы и частицы *и* капитализма, *и* социализма; в России существовало параллельно пять экономических типов: 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм, и 5) социализм. В своей статье Ленин смело заявляет: «Если в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача— *учиться* государственному капитализму немцев, *всеми силами*

---

[1]) *И. Ленин.* «О «левом» ребячестве и мелко-буржуазности». Собр. соч., т. XV, стр. 263.

перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[1].

В 1921 году Ленин снова возвращается к своей аргументации 1918 года и констатирует, что события подтвердили ее в точности, не считая некоторых незначительных ошибок в исчислении сроков. С другой стороны, окрепла мелко-буржуазная стихия. Гражданская война 1918—1919 г.г. еще более усилила разруху в стране, замедлила восстановление ее экономического благосостояния и в значительной мере ослабила пролетариат. Наконец, 1920 г. оказался неурожайным, а кризис транспорта и промышленности по различным причинам еще более обострился. Таким образом, положение властно диктовало «немедленные, самые решительные, самые экстренные меры»[2]. Необходимо было улучшить положение крестьянства и увеличить его производительные силы. Ибо для улучшения положения рабочих нужны, прежде всего, хлеб и топливо. Поэтому улучшение положения крестьян является главным и непременным условием для увеличения посевной площади и урожая хлеба, для усиления заготовки и доставки топлива и т. п.

«Кто не понимает этого», — говорит Ленин, — «кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через это* можно добиться и улучшения положения рабочих и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетариат или представитель пролетариата, который захотел бы *не через это* пойти к улучшению положения рабочих, оказался

---

[1]) *И. Ленин.* «О «левом» ребячестве и мелко-буржуазности». Собр. сочин., т. XV, стр. 268.

[2]) *И. Ленин.* «О продовольственном налоге». Т. XVIII, ч. I, стр. 212.

бы *на деле* пособником белогвардейцев и капиталистов. Идти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов; значит: интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала»[1]).

Улучшить положение крестьян оказалось возможным лишь благодаря коренному изменению продовольственной политики. Таким мероприятием явилась замена разверстки продналогом, причем разрешалась свободная продажа излишков хлеба, оставшихся после уплаты этого налога. Вызванный войной, разрухой и крайней нищетой «военный коммунизм» не мог быть «отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой». Правильная экономическая политика пролетариата в мелко-крестьянской стране заключается в том, чтобы получать от крестьян хлеб в обмен на необходимые им изделия промышленности.

Относительная свобода торговли вызывает возрождение мелкой буржуазии и капитализма. «Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно. Этот возрождающийся капитализм необходимо направить в русло *государственного капитализма*; с экономической точки зрения это вполне возможно. Диктатура пролетариата и государственный капитализм вполне могут уживаться друг с другом; самым простым для Советской власти способом направить развитие капитализма в русло государственного капитализма является система «концессий». Насаждая государственный капитализм в виде концессий, Советская власть «усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, — конечно, ценой известных жертв,

---

[1]) *И. Ленин.* «О продовольственном налоге», Собран. сочин., т. XVIII, стр. 213.

отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика» [1].

Наконец, Ленин убеждает коммунистов учиться у буржуазных специалистов, у крупных и мелких капиталистиков, и торговать. Необходимо использовать их знания, подобно тому, как в свое время были использованы знания военных специалистов. «Сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные специалисты; сумей добиться и так и этак подъема земледелия, подъема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить за «науку»: за науку платить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком!» [2].

Привить пролетарской школе технику высоко-развитого капитализма — таково великое правило политического реализма, которому учит нас Ленин, правило, которое он черпает из своих серьезнейших наблюдений, постоянно обогащаемого опыта и деятельной, разумной и непоколебимой преданности делу пролетариата.

Эту глубокую мудрость и этот добросовестный мощный реализм мы находим в основе всей политики Советского правительства, которое заботится не только о русском пролетариате, но и о трудящихся всего мира, об отсталых племенах и о порабощенных империализмом народах.

6. Империалистская и колониальная политика капиталистических государств, — революционный интернационализм.

Несколько лет тому назад мы вступили в великий период империализма, возвещенный Марксом и воочию выявленный перед лицом всего мира войной 1914 г. Эта эпоха характери-

---

[1]) *Н. Ленин.* «О продовольственном налоге». Собр. сочин., т. XVIII, стр. 217—218.

[2]) Там же, стр. 235.

зуется усиливающейся концентрацией капитала и новыми чудовищными империалистскими захватами.

Гигантская концентрация капитала, которая обнаружилась в Америке по окончании войны, имела место и в Европе. Заключенные Гуго Стиннесом договоры особенно ярко характеризуют эту новую фазу капитализма, который тотчас же после войны был восстановлен в Европе. Более, чем когда-либо, колонии составляют притягательный центр империализма, а уголь, сталь и нефть вписаны огненными буквами в историю мировой политики.

Уже с восемнадцатого столетия происходит оживленнейшая борьба между английскими и французскими капиталистами. Восстание американских колоний нанесло чувствительный удар британскому могуществу, но борьба, которую вела Англия против французской революции, снова укрепила английский империализм. Выигранная Наполеоном в Восточной и Западной Европе завоевательная война была в действительности направлена против английского империализма. Ибо Наполеон, идя на Москву, намерялся взять Константинополь и хотел через Стамбул настигнуть и разбить английский империализм, неограниченно господствовавший на всем Востоке. То обстоятельство, что позднее греко-турецкие конфликты поддерживались и были использованы соперничающими между собою великими державами, показывает нам, какое крупное значение имел ближне-восточный вопрос. Балканский полуостров стал классической ареной борьбы между империалистами. Чтобы обмануть темные народные массы, эту борьбу прикрывали блестящим сооружением идеалистических фраз; эллинизм и идея освобождения порабощенных христиан Малой Азии находили многочисленных сторонников среди либеральных умов Европы. В действительности же крест стал символом войны. Все те, кому удалось попасть на самый театр военных действий, — если, конечно, они не были миссионерами и, следовательно, не имели полномочий собрать во что бы то ни стало документы, подтверждающие империалистскую ложь, — сообщали о бесчисленных, неслыханных позорных деяниях, совершенных сановниками церкви. Подстрекаемые французскими империалистами, итальянские империалисты напали в 1911 году на Триполи, следуя примеру австрийцев, цинично аннексировавших в 1908 году

Боснию и Герцеговину. В это же время возник острый конфликт между германским и французским империализмом—опять-таки вне Европы, в Марокко. Но вот мусульманский мир стал проявлять первые признаки пробуждения. Это движение, вызванное чудовищной борьбой необузданного империализма, начало угрожать и впредь будет неустанно угрожать ненасытным разбойничьим европейским капиталистам.

Балканский кризис вызывает империалистскую войну 1914 года, а «мирные» договоры, заключенные в Версале, Сен-Жермене, Севре, Нейи и других местах, ничуть не разрешают империалистские противоречия. Возникают новые войны. Но из балканских государств только Турция — стало быть, мусульманское государство — сохранило свое могущество несмотря на то, что на нее нападали с такою яростью и так усердно старались изгнать ее из Европы.

Взгляды Ленина и большевистской партии на империализм и на конфликты, которые он неминуемо вызывает, были всегда ясны, последовательны и пророчески правильны. На международных конгрессах в Штутгарте, Копенгагене и Базеле идеи Ленина отчасти пробили брешь в оппортунизме Второго Интернационала.

Русско-японская война 1904—05 г.г., являвшаяся лишь одним из многочисленных противоречивых эпизодов борьбы между империалистами, была правильно охарактеризована Лениным и его товарищами, которых многие считали японскими агентами, потому что они очень решительно высказывались против поддержки царской России и открыто заявляли о своем пораженчестве. Последствием этой войны явились революционные дни 1905 года.

Как только, в августе 1914 года, вспыхнула великая империалистская война, Ленин и большевистская партия, как мы уже говорили в первой части этой книги, заняли вполне определенную позицию. Составленный Лениным по поводу войны манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. широкими штрихами обрисовывает причины конфликта и его резко выраженный империалистский характер и рассматривает исход его с революционной, марксистской, точки зрения.

«При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма.

Но для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии. Ближайшим политическим лозунгом социал-демократии Европы должно быть образование Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, социал-демократы будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» [1]).

В примечании, «Социал-Демократ», который опубликовал эту резолюцию, доказывает несостоятельность идеи Соединенных Штатов Европы с экономической точки зрения. «Ибо это — требование, неосуществимое при капитализме, предполагающее установление планомерного мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч., между отдельными странами; либо это — лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки» [2].

В своих статьях, брошюрах и речах Ленин постоянно возвращается к вопросам о равномерной ответственности за войну, о завоевательных планах и соперничестве империалистских держав, а также об интернациональном характере единственно возможного революционного выхода из создавшегося положения. В тезисах о «Задаче представителей Циммервальдской Левой в Швейцарской Социалистической Партии» он с особенной настойчивостью доказывает всю бессодержательность и никчемность нейтралитета Швейцарии, находящейся в полной экономической, финансовой и политической зависимости от великих держав. С марксистской точки зрения подходит он к оценке этого постоянного явления *взаимной зависимости*, относительно которой имеются очень правильные указания в книге английского паци-

[1]) *И. Ленин и Г. Зиновьев.* «Социализм и война». Петроград. 1918 г., стр. 52 — 53.

[2]) Там же, стр. 53.

фиста Нормана Энджелля (Angell) — «Ложный расчет», появившейся еще до войны 1914 г. Впрочем, циммервальдское движение, в котором Ленин принимал самое деятельное участие, было прежде всего движением интернационалистским. Воззвания и резолюции, принятые на обеих конференциях в Циммервальде и в Кинтале, насквозь проникнуты подлинным интернационалистским духом, в особенности благодаря стараниям Ленина, Зиновьева и Радека; ибо некоторые из циммервальдцев, именно меньшевики всех стран, проявляли либо большую благосклонность к Антанте, либо социал-патриотические или социал-пацифистские тенденции.

«Прощальное письмо к швейцарским рабочим» ярко отражает широкий, последовательный интернационализм Ленина. Он говорит в нем о решительной оппозиции, с которой он и его партия выступили против политики Гучкова, Милюкова и Керенского, этой политики соглашательства с русской буржуазией и с буржуазией Антанты. Он объявляет себя непримиримым врагом войны ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. п. В России это означает протест против империалистской программы Милюкова-Дарданельского и против войны в союзе с Антантой. войны, которую Керенский решил продолжать вопреки единодушной воле русского народа и которая привела его к погибели.

Советское правительство, сейчас же после перехода власти в его руки, объявило всему миру о своем интернационализме и доказало его затем на деле. Цель, к которой оно стремится, это — основание нового Интернационала, который должен не только объединить все коммунистические партии, но и стать союзом советских государств всего мира, т.-е. такой организацией, которая уничтожит империалистское и капиталистическое соперничество, а следовательно и войну, ибо оно положит конец классовой борьбе, возникающей на почве империалистской склоки и капиталистического господства. Аннулируются все тайные договоры, и их опубликовывают наравне с преступной перепиской и дипломатическими нотами, которыми обменивались правительства без ведома народа. Народный Комиссариат Иностранных Дел становится центром интернационалистской пропаганды. Большевистское правительство подает благой пример, даруя свободу самоопределения различным народностям западной и восточной России.

В Генуе и Лозанне Чичерин, следуя директивам Центрального Комитета Р. К. П., провозглашает, по существу, интернационалистскую и освободительную программу Р. С. Ф. С. Р. В Рапалло подписывается первый договор между двумя крупными государствами, принимавшими участие в войне; он вытекает из интернационалистского демократизма, которым одушевлена советская конституция: Россия и Германия отказываются от аннексий, от возмещения военных убытков и контрибуций и принимают на себя взаимные обязательства на основании официального договора, из которого тщательно устранены какие бы то ни было тайные статьи. При всяком удобном случае русское правительство клеймит истинный характер Версальского договора, который был навязан побежденным государствам державами-победительницами и который ложится всем своим бременем на миллионы трудящихся; оно осуждает также Лигу Наций, являющуюся лишь орудием порабощения и угнетения в руках Англии.

В Лозанне Чичерин защищает Турцию, уничтожения которой добивается Англия, больше всего заинтересованная в нефтяных источниках Моссула и в укреплении своего господства на Востоке.

Когда, по инициативе «Comité de Forges» и крупной французской металлургической промышленности, Пуанкарэ отдал приказ своим инженерам и солдатам занять Рурский бассейн, и ни одно из империалистских правительств не нашло нужным вмешаться в это дело — ни Англия, ни Америка, в душе радовавшиеся крушению Германии, поскольку оно не увеличивало мощи слишком опасного французского империализма,—правительство Р. С. Ф. С. Р. заявило устами председателя В. Ц. И. К. Калинина свой громкий и решительный протест.

С вполне понятной резкостью доказывал Ленин непостоянство интернационализма меньшевиков и Каутского — этого неуспевающего упорного фальсификатора марксизма, который восхваляет чистую демократию и в то же время охотно повторяет, что Германия одна ответственна за войну, и что девять десятых Версальского договора совершенно справедливы.

«Так как эта война остается империалистической (и при монархии и при республике) — независимо от того, где стоят в данный момент неприятельские войска, в моей или в чужой

стране, — то признание защиты отечества есть *на деле* поддержка грабительской империалистской буржуазии, полная измена социализму.

«В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия как господствующий класс (а война есть продолжение политики); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции...

«...Одобряя внешнюю политику меньшевиков, объявляя ее интернационалистской и циммервальдской, Каутский, во-первых, показывает этим всю гнилость циммервальдского, оппортунистического большинства (недаром мы, левая Циммервальда, сразу отгородились от такого большинства!), а во-вторых, — и это самое главное, — Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной на позицию реформистскую» [1].

Второй Интернационал с самого начала уделял мало внимания вопросу о колониях. Однако, колониальная политика является одной из самых наглядных и уродливых форм империализма, а в демократических парламентах существуют колониальные группы, немногочисленные, но могущественные, которые отстаивают не интересы туземного населения, а лишь собственные интересы, связанные с добычей платины, каучука, нефти и руды. Значительное большинство народов всего мира, представляющих огромный резервуар творческих сил, находится под игом европейцев, которые при помощи ружей и пулеметов поддерживают свое господство, именуемое «цивилизацией». Английский империализм не мог бы существовать без своей гегемонии в Азии. Ибо освобождение народов Востока привело бы к прекращению поступления налогов, выкачиваемых из этих народов европейским капиталом, и задержало бы накопление этого капитала, а это, само собой разумеется, равносильно гибели капитала.

Вот чем объясняется панический страх, который внушает английским империалистам пробуждение ислама, и скорбь этих

[1]) *И. Ленин.* «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Собр. соч., т. XV, стр. 492 — 493.

империалистов по поводу фактических результатов большевистской пропаганды. Такова одна из причин, в силу которых Ллойд-Джордж, реалист капиталистической школы, заключил перемирие с Лениным, реалистом марксистской школы.

Теперь становится понятным, почему Ленин придает огромное значение вопросам колониальной политики. В настоящее время уже не приходится сомневаться в том, что здоровый и мощный Восток вытеснит обескровленную и обнищалую Европу. Империалистская политика следующего за Версальским миром периода особенно облегчает процесс разложения Европы.

Сам Ленин представил на рассмотрение Второго Конгресса Коминтерна проект тезисов по национальному и колониальному вопросам. На основании опыта некоторых делегатов, в особенности делегатов Индии и Англии, эти тезисы были слегка изменены, а затем единогласно приняты Конгрессом.

По мнению Ленина, Советская республика и Третий Интернационал должны во что бы то ни стало объединить вокруг себя, с одной стороны, движение сознательных рабочих всех стран в пользу Советов, а с другой — все национальные освободительные движения колоний и угнетаемых народностей.

«Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны, или буржуазно-демократического освободительного движения в отсталых странах, или среди отсталых национальностей» [1]).

В своем докладе комиссии по национальным и колониальным вопросам на 2-м Конгрессе Коммунистического Интернационала, Ленин указывает на то, что основное различие между политикой Второго и Третьего Интернационалов заключается в том, что последний рассматривает не только вопрос об освобождении колоний, но и независимости малых народностей, находящихся

---

[1]) *Н. Ленин.* «Тезисы по национальному и колониальному вопросам». Собр. сочин., т. XVII, стр. 213.

Ленин среди представителей восточных народов на II Конгрессе Коминтерна.

под финансовым, политическим и экономическим игом великих капиталистических держав. «Характерная черта империализма», — говорит он, — «состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один три четверти миллиарда. т.-е. около 70% населения земли, принадлежит к угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как, например, Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистской державы, по договорам оказались в зависимости от нее» [1]).

В комиссии по колониальным вопросам, председателем которой был Ленин, прения по его тезисам были, главным образом, сосредоточены на обсуждении вопроса о том, будет ли теоретически правильно, если Интернационал и примкнувшие к нему партии станут поддерживать буржуазно-демократические движения в отсталых странах. Комиссия приняла к единогласному решению, что во внимание должны быть приняты только *революционно-национальные* движения.

«Всякое националистическое движение», — поясняет Ленин, — «может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах.

«Между буржуазией эксплоатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто, — пожалуй, даже в большинстве случаев, — буржуазия угнетенных стран, хотя

---

[1]) *И. Ленин.* «Доклад по национальному и колониальному вопросам». Т. XVII, стр. 274.

и поддерживает национальные движения, в то же время, в согласии с империалистской буржуазией, т.-е. вместе с ней, борется против всех революционных движений и революционных

exploiter le particularisme moyen-
ageux ? Trop dangereux ; pas marxiste.
Il faut distinguer entre les mou-

vements nationaux
modernes et les
mouvements" (soi-di-
sant mouvements) avec
le caractère moyenageux.

Карандашные заметки Ленина.

(На французском языке, набросаны для комиссии по национальному и колониальному вопросам, председателем которой, во время II Конгресса Коммунистического Интернационала, был Ленин.)

классов» [1]). Следовательно, буржуазные движения, направленные к освобождению колоний, надо поддерживать «лишь в тех случаях, когда эти движения действительно революционны и когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплоатируемых» [2]).

Практическая работа, которую вели некоторые из товарищей Ленина в колониях и в отсталых странах, как, например, в Туркестане, поставила его перед вопросом, можно ли вообще и каким образом организовать крестьянские Советы в странах, находящихся еще в до-капиталистическом состоянии; ибо здесь не может быть и речи о пролетарском движении.

«Наша работа показала нам», — говорит он. — «что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где почти нет пролетариата. Эта работа была труднее для нас, чем для товарищей из западноевропейских стран, так как пролетариат России завален государственной работой. Вполне понятно, что крестьяне, находившиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы, эксплоатируемые не только купеческим капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям» [3]).

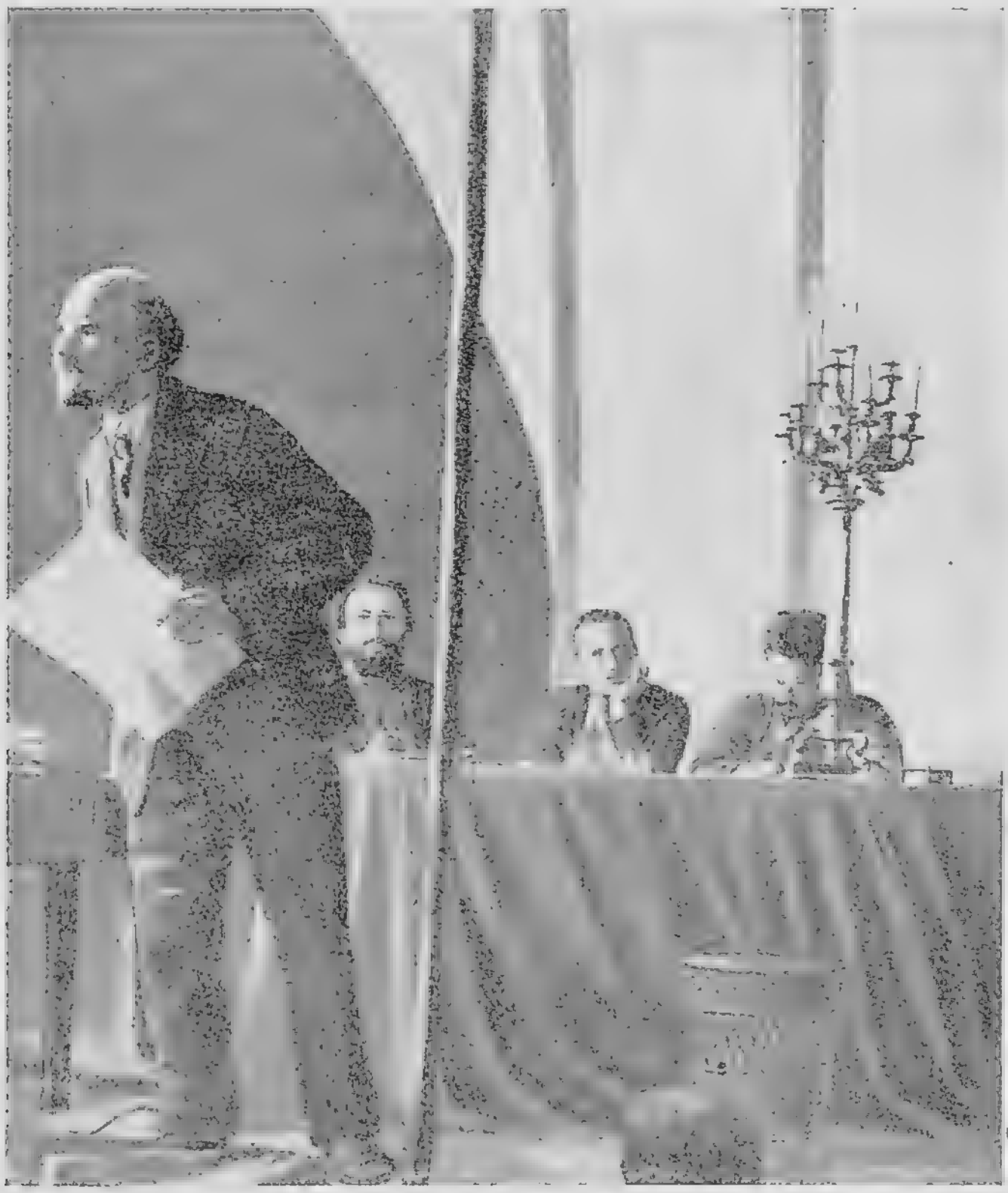
В отсталых странах, в которых преобладают феодальные или патриархальные отношения, необходимо создать самостоятельные боевые ячейки и партийные организации для пропаганды идеи крестьянских Советов и приспособления этих Советов к особым условиям до-капиталистического быта; «но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обос-

---

[1]) *И. Ленин.* «Доклад по нац. и колон. вопр.», т. XVII, стр. 275.
[2]) Там же, стр. 275 — 276.
[3]) Там же, стр. 276.

новать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [1]).

Коммунистические партии должны оказывать поддержку революционным движениям этих стран, при содействии всех



Ленин читает доклад.

трудящихся метрополий, в финансовой зависимости от которых находятся угнетаемые народности. Необходимо бороться с реакционным и средневековым влиянием духовенства и христианских миссионеров. «Необходима борьба с панисламизмом, с паназиатским движением и подобными течениями, пытающимися соеди-

[1]) Там же, стр. 277.

нить освободительную борьбу против европейского и американского империализма с усилением мощи турецкого и японского империализма, дворянства, крупных землевладельцев, духовенства и т. д.» [1].

Эти основные мысли Ленина — тот исполинский рычаг, который подымает на нашей планете миллионы существ, эксплоатируемых кучкой людей. Эти люди спокойно сидят за письменными столами в своих конторах, рассылают приказы по всему миру и осуществляют программу, разработанную правлением мощного акционерного общества, протянувшего свои щупальцы в парламент, в правительство и в дипломатию.

Интернационализм Ленина не такой узко-*европейский*, каким был интернационализм представителей Второго Интернационала. Его интернационализм охватывает *весь мир* и последователен до конца; действительно, он стремится не только разбить цепи, сковывающие миллионы наемных рабов на фабриках и заводах, в мастерских и сельско-хозяйственных предприятиях, но и освободить миллионы людей всех рас, которые покорно пребывают во мраке нищеты, невежества, ненормальных условий жизни, идолопоклонства и рабства.

7. Последовательный материализм и вопросы культуры.

Во всех странах интеллигенция является либо худшим, либо лучшим элементом общества. То она составляет авангард борцов за прогресс и освобождение угнетаемых, то она ведет себя как самая рьяная приспешница реакции. Завися от капитализма, она сплошь и рядом бывает не в силах оказать ему ни малейшего сопротивления и, движимая своим эгоцентризмом в том же направлении, она выполняет отнюдь не возвышенные и весьма непривлекательные задачи. Притом, она чрезвычайно тщеславна и считает себя вождем человечества.

«По правде говоря», — пишет Анри Барбюс, — «литературный талант и гений, эти лучезарные исключительные явления, были почти всегда подчинены власти или предрассудкам, что одно и то же. Сэнт-Бев не без основания считает одной из характер-

---

[1]) *Ленин.* «Тезисы по национ. и колон. вопр.». Собр. сочин., т. XIX, стр. 269.

ных черт периодов расцвета классической литературы — ее контакт с власть имущими. Самые знаменитые писатели занимались исключительно освящением моды. Те из них, которые возвышались до протеста, были лишь исключением из исключений. Самые «блестящие» поэты вовсе не блистали ни общим своим развитием, ни независимостью своего характера (а первому без второго — грош цена). Правда, из их уст исходили благозвучные и патетические жалобы на варварство, безумие или глупость людей; но эти жалобы так и оставались пустым звуком, потому что они восставали против последствий, а не против причины».

Война показала, на что способны интеллигенты. Сколько профессоров, историков, писателей и художников гнались за сенсацией, славой или деньгами и, под прикрытием цензуры, окопавшись в редакциях, прославляли войну и пели хвалебные гимны бессмысленному патриотизму! В Германии появилось известное воззвание пресловутых девяносто трех профессоров и интеллигентов, доказывавших, будто Дюнкерк-Дюнкирхен — немецкий город. Во Франции самые выдающиеся члены Сорбонны, обычно столь скептически настроенные историки, считали «Матэн» и «Тан» новой библией и сборником непреложных истин; расположившись лагерем среди толстых, пыльных фолиантов своих трудов, они вопили в один голос: на Берлин, на Берлин!

Таких людей Ленин презирает, с такими людьми он ведет неутомимую, беспощадную борьбу.

Равным образом, он направляет ядовитые стрелы своей политики против тех, кто лицемерно выдает себя за защитника дела народа и революции, а в сущности является пособником контр-революции, как и на тех, кто когда-то боролся с ним рука об руку, а затем перешел в стан контр-революции. Таково его отношение к Струве, Мартовым, Плеханову, Каутским и вождям Второго Интернационала.

Но зато он выражал свою глубокую признательность тем интеллигентам, которые посвящают все свое время, все свои знания, все свои силы делу освобождения порабощенных народов.

Прежде всего, он ведет упорную борьбу против той части интеллигенции, к которой относятся философы, метафизики, моралисты, идеалисты, виртуозы мысли, акробаты духа, торговцы, продающие дешевые утешения, шарлатаны, сбывающие псевдонаучные

истины; разносчики, подсовывающие высокопарные и путаные теории; сюда не относятся, разумеется, те люди, которых в восемнадцатом веке называли «философами», — передовые и бесстрашные умы, напрягавшие все свои усилия к тому, чтобы разоблачить ядовитую сущность религии и ее суррогатов. Ленин, напротив, призывает русских революционеров вдохновиться методами энциклопедистов, которые сумели дезинфицировать народ и найти самое лучшее предохранительное средство для уничтожения бациллы религии.

Ленин безжалостно критикует необъятные томы бессодержательных и педантичных трудов, которыми завалены столы рабочих кабинетов фальсификаторов истории и последовательных извратителей жизни и фактов. Он вскрывает их систему, которая нередко является лишь лживой терминологией или плохим жаргоном, придуманным для успокоения нервов.

Все эти Фулье, Бергсоны, Ферреро, Бердяевы, Штейнеры и Шпенглеры, все эти — лжеученые и книжники, строят свои философские системы на антиматериалистическом понимании истории, являющемся ключом к тайникам империализма и капитализма. В то время, когда Ленин посвятил целый труд философам и метафизикам (их в свое время порядком разнес материалист Рабле), их возглавляли Мах, Авенариус и Ренувье. Они были подонками мысли, но прикидывались материалистами.

Некоторые большевистские и другие революционные интеллигенты, разочаровавшие и выбитые из колеи ходом событий, увлеклись философией и воспылали любовью к схоластическому идеализму, составляющему прямую противоположность марксизму. Эти люди (Богданов, Базаров, Луначарский, Берман, Юшкевич, и др.) придерживались различных политических взглядов, но их объединяла общая им всем философская точка зрения. «Может быть, мы и заблуждаемся, но мы ищем», — признается Луначарский, который весьма последовательно дошел до фидеизма. Ленин считал такую ориентацию противоречащей марксизму и крайне вредной для революционного движения. Поэтому он ответил на нее объемистым трудом «Материализм и эмпириокритицизм», в котором он разоблачает «философию» Маха и Авенариуса и их русских и французских единомышленников; в этом отношении он находился как бы в полном согласии с Дидро,

который тоже в свое время вел борьбу против религии и идеализма, а также с Карлом Марксом и Энгельсом. Берман заявил, что диалектика Энгельса заражена мистицизмом, и все стали слишком уж много толковать о какой-то новой философии, о каком-то новом позитивизме. Впоследствии, в 1920 году, Ленин опубликовал в слегка переработанном виде свои «Критические заметки об одной реакционной философии»; он присоединил к ним статью Невского, который, анализируя новейшие труды Богданова, доказывает реакционность его рассуждений «о пролетарской культуре».

В своей полемике против философов Ленин применяет тот же метод и так же едко высмеивает их, как и в своей борьбе против меньшевистских ликвидаторов, реформистов и социал-патриотов. Если Каутский — ренегат, то эти философы — классовые враги, и он и обращается с ними, как с таковыми. Цитируя статью, появившуюся в «Журнале научной философии», Ленин пишет: «Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квази-ученое шутовство в костюме терминологии Авенариуса. Но: «Wer den Feind will verstehn, muss in Feindes Lande geh'n» — кто желает знать врага, тот должен побывать во вражеской стране. А философский журнал Р. Авенариуса — настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на минуту законное отвращение к клоунам буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса»[1]).

В конце концов он без обиняков заявляет, что наука Маха имеет для истинной науки такое же значение, какое имел поцелуй Иуды для Христа.

Философия, несомненно, стремится заменить собою религию, стать новой религией для духовных калек, неспособных двигаться без костылей. Если поскоблить разные философские системы, то ниже неминуемо обнаружится толстый слой религиозного идеализма. Те же, кто управляет ныне общей массой трудящихся и народов, заинтересованы в том, чтобы этот религиозный идеализм был в почете и получил широкое распространение; ибо, подобно религии, философия и мораль являются устоями капиталистического строя. Сколько вреда причинил бергсонизм!

---

[1]) *Ленин.* «Материализм и эмпириокритицизм». Собр. сочин., т. X, стр. 268.

Пример «высокой нравственности» своей философии дал Бергсон своим ученикам в 1914 году, когда он одобрил мировую войну, как войну во имя справедливости и цивилизации, когда он произносил бессмысленные империалистские речи и отправился в Соединенные Штаты, чтобы вести там переговоры по чисто финансовым вопросам и защищать интересы империалистского французского правительства.

Один из учеников Бергсона — Жан Ришар Блох, издававший до войны журнал, весьма далекий от марксизма, но зато насквозь пропитанный бергсоновским идеализмом: «Журнал революционной философии»,—заявил несколько месяцев тому назад, в июле 1922 года, в одном из номеров, посвященном русской революции, что он остался верен духу «добровольцев Великой Революции», и при этом добавил:

«Я принадлежу к тем, кто при оценке всех опасностей, угрожавших развитию цивилизации, придерживался мнения, что ни одна из них не сравнялась бы с опасностью военной гегемонии Пруссии в Европе.

«Я и до сих пор еще уверен, что это мнение было правильно.

«(Многие из наших друзей забывают, что они тоже так думали, и многие затрудняются объяснить себе свой прежний взгляд и оправдать его.)

«Я все еще убежден, что победа Германии привела бы к тому, что для двухсот миллионов человеческих существ наступил бы век истреблений, заговоров, террора и восстаний, проникнутых губительным духом националистической экзальтации, — зрелище, на-ряду с которым совершенно померкли бы все насилия, национализм и несправедливости Антанты, как бы велики они ни были».

Мы цитируем эти строки, потому что их автор считает себя большевиком и, несомненно, ленинцем чистой воды. Это доказывает, до чего докатилась принципиальная неразбериха среди интеллигенции, в особенности во Франции, где так много «социалистов», проповедующих своеобразную смесь руссоизма, прудонизма, бергсонизма, баррэсизма, толстовства и ромэн-роллаизма с некоторой долей марксизма.

Такое же непонимание, какое интеллигенты обнаружили во время войны, они проявили и по отношению к большевизму. Французские интеллигенты — что можно о них сказать! Реми де Гурмон

омрачил блеск своего ума нелепым утверждением, будто немцы самые ужасные варвары, гунны; романист Рони-старший, чрезвычайно гордящийся своей научной образованностью и написавший обширную статью о теории относительности, поместил в «Pays» (Страна),—прежнем органе стыдливых пацифистов, красою и гордостью которых являлся бывший марксист Жан Лонгэ,— статью о Ленине, где преспокойно заявляет: «Если бы восторжествовал ленинизм, то было бы почти невозможно спасти Россию. Века разрушений, кровавой анархии, братоубийственной борьбы и дикого произвола палачей стали бы сменяться один за другим, толкая славянский мир в объятия беспощадной реакции и неизбежных цепей тевтонского рабства...»

Сколько таких, как Рони и Жан Ришар Блох, приходится на одного Анри Барбюса!

Как прав был Ленин, когда он вел борьбу против эгоцентристских и сумбурных интеллигентов! При всех обстоятельствах он оставался последовательным материалистом и считал важной задачей выявлять отклонения от марксизма, будь то в области чистой политики или в области «философии».

Философия и исторический идеализм содержатся в программах школьного преподавания,— вот почему они представляются столь опасными такому решительному и последовательному материалисту, как Ленин. «Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников» [1].

«Но», — добавляет Ленин, — «делать отсюда вывод, что можно быть коммунистом, не усвоив весь драгоценный клад накопленных человечеством знаний, значило бы совершать огромную ошибку. Пролетарская культура, революционная культура, «не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре» [2].

Пролетарская культура, это — общий итог знаний, приобретенных человечеством и под игом феодализма, и при господстве капитализма. Это понимал уже Маркс, когда приступил

[1] *В. И. Ленин.* «Задачи Союза Молодежи». Собр. сочин., т. XVII, стр. 316.

[2] Там же, стр. 317.

к созданию своего «Капитала»; он сперва ознакомился со всеми данными науками, проверил их, а затем подверг их своей критике.

Далее Ленин говорит:

«Мы не должны брать из старой школы того, что обременяло память молодого человека безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных; но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги» [1]...

«Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше; но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет» [2].

На место голой тренировки памяти и сумбурного, бесконтрольного, систематического нагромождения знаний, как это практикуется в нынешних школах, «мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу «решимость, уменье и готовность объединить и организовать силы для борьбы с ним; мы хотим из воли миллионов и сотен миллионов, разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны, создать единую волю, ибо без единой воли мы будем разбиты немилуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно» [3].

Программа молодежи есть нечто большее, чем отрицательная программа, которая состояла бы только из критики буржуазии и стремления к свержению ее. Здесь дело идет о том, чтобы строить, создавать, организовывать. «Пред вами задача строительства, и вы ее сможете решить, только овладев всем современным знанием, сумев превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний и программ в то живое,

---

[1]) Там же, стр. 317.
[2]) Там же, стр, 318.
[3]) Там же, стр. 318.

что объединяет вану непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы» [1]).

Ленин ставит вопрос, существует ли марксистская, материалистическая, коммунистическая мораль. Он отвечает на этот вопрос утвердительно. Но тут дело идет совсем об ином, а не об этике, основанной на религиозных заповедях или опирающейся на философские моральные положения. Новая этика вытекает из марксистских воззрений и учитывает только революционные интересы трудящихся. Низвергнуть царя, прогнать помещиков, экспроприировать капиталистов — это были сравнительно несложные задачи, но «уничтожить классы несравненно труднее». «Надо, чтобы работали по одному общему плану, на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [2]). На этом фундаменте будут покоиться коммунистический строй, коммунистическая семья, коммунистическая ячейка. Коммунистическое общество будет подавлять инстинкт собственности, являющийся источником буржуазной морали. Подавление этого инстинкта совершенно изменяет индивидуальную психологию и создает твердую коллективистическую мораль и этику, вытекающую из отношений, существующих между отдельными людьми в обществе, основанном исключительно на труде и на общности имущества.

В октябре 1920 г., в своей речи на Всероссийском Съезде Коммунистического Союза Молодежи, Ленин сказал следующее:

«Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

«А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

«И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

«В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и кре-

[1]) Там же, стр. 320.
[2]) Там же, стр. 322.

стьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок» [1]).

Профессор Бертран Рессель, который, совершив основательное путешествие по России, еще более укрепился в своих индивидуалистических воззрениях, установил различие между французской и русской революцией: «Это несходство определяется тем различием, которое существует между Марксом и Руссо; сентиментальный и мягкий Руссо обращался к чувству и сглаживал все острые моменты; последовательный, как Гегель, преисполненный интеллектуального самосознанья Маркс ссылался на историческую необходимость и техническое развитие промышленности, изображая человеческие существа в виде каких-то игрушек, находящихся во власти всемогущих материальных сил. Большевизм объединяет характерные элементы французской революции с элементами пробуждения ислама: в результате получается нечто совершенно новое, доступное пониманию только исключительно настойчивого и пылкого воображения».

И, несмотря на свои оговорки, этот типично антимарксистский ученый, рассуждая о двух цивилизациях, из которых одна основана на собственности, индивидуализме и идеализме, а другая на труде, коллективизме и материализме, — отказывается от своего скептицизма и не может удержаться от следующего признания:

«Я верю, что коммунизм необходим для мира, и что геройство России направило надежды человечества на правильный путь, — путь осуществления коммунизма в будущем. Если даже рассматривать большевизм, как грандиозную попытку, без которой конечная победа была бы едва ли возможна, то и тогда он заслуживает одобрения и восхищения всех сторонников прогресса».

---

[1]) Там же, стр. 328 и след.

III

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЯСЛИТОМ

Здесь мы сообщим ряд эпизодов и воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине, которые могут восполнить его характеристику, данную в первых двух частях нашего труда.

Это происходило в Париже, в начале империалистской войны 1914 года, в первом этаже дома на набережной Жеман. Там собирались еженедельно некоторые сотрудники и единомышленники газеты «Vie Ouvrière», оставшиеся интернационалистами, в то время как социалистическая партия, потерявшая своего вождя Жана Жореса, позорно погрязла в болоте шовинизма. Среди посетителей этого дома были Пьер Монат, Альфред Ромер, Марсель Мартинэ и некоторые другие. Однажды вечером, когда мы там собрались, расположившись около камина, в котором весело трещали дрова, появились три гостя, национальность которых я сразу угадал. Первый из них был высокого роста и производил впечатление несокрушимой твердости. У него были черные, густые и длинные волосы; сквозь пенснэ сверкали живые глаза, маленькая бородка обрамляла энергичный подбородок; он говорил медленно, но чрезвычайно уверенно и увлекательно. Второй был меньше ростом, слегка прихрамывал, обращал на себя внимание невероятным, полнейшим пренебрежением к своей внешности; он высказывался очень горячо, но не без запинок, проявляя некоторую осторожность и осмотрительность. Наконец, третий, довольно плотный и с виду весьма сильный мужчина, с длинной бородой и в золотых очках, напоминая врача, ставящего диагноз. Первый был Лев Троцкий, второй — Мартов, третий — Ланинский. Троцкий незадолго перед тем вернулся из Цюриха и издавал газету «Голос» («Наше Слово»).

Споры между меньшевиками и большевиками были нам неизвестны, и, с нашей точки зрения, Ленин, Троцкий и Мартов олицетворяли русскую революцию, убежденный интернационализм

и решительную борьбу против войны. Мы встречали их почти на каждом собрании. Сам я уехал на несколько недель в Бретань, где был взят на военную службу; освободившись от нее, я в конце апреля отправился в Женеву.

Однажды я прочел в одной из женевских газет объявление о предстоящем докладе Мартова в Народном Доме. Я пошел вечером на этот доклад и стал затем встречаться с вождем меньшевистской группы либо у себя на дому, либо в пивной Ландольта, одной из штаб-квартир русских революционеров-эмигрантов. Точка зрения Мартова казалась мне тогда выше всякого упрека и всякой критики, и, когда я основал журнал «Demain» («Завтра»), Мартов был одним из первых его сотрудников.

Имя Ленина стало мне знакомо. Несколько раз мне пришлось слышать о нем более или менее вздорные сплетни. Я не знал еще ни одного ленинца, но познакомился с Анжеликой Балабановой, которая говорила мне с величайшей симпатией о Мартове и Лапинском, но ни разу не упомянула о Ленине.

Но вот в Кинтале, во время второй Циммервальдской конференции, в светлой скромной гостинице, затерявшейся в горах Оберланда, я впервые увидел этого невысокого, приземистого, человека, на лице которого запечатлены тонкая, ядовитая ирония и боевой задор. В течение всей конференции он не вставал с места, читал, работал, составлял тезисы и резолюции, подымая голову только для того, чтобы время от времени взглянуть на оратора. Сам он говорил мало и прислушивался ко всему с исключительным вниманием. Во время речей Радека, Зиновьева, Бронского, Фрейлиха и Мюнценберга взгляд его выражал полное удовлетворение и безграничное одобрение. Наоборот, явно насмешливое и презрительное выражение его лица подчеркивало его полнейшее несогласие с теми мыслями и идеями, которые высказывали земляк его Мартов, итальянец Модильяни и француз Пьер Бризон.

Я спросил Ленина, чем отличаются меньшевики от большевиков. Кратко и ясно разъяснил он мне суть дела и перечислил все ошибки, допущенные, по его мнению, меньшевистской группой, а затем предложил мне самому переговорить с Мартовым, имея перед собой указанные им данные. Мартов не стал — да и не мог бы — спорить против фактов, но, опираясь на какие-то

сумбурные доводы, пытался защищать Чхеидзе и оправдать позицию думской фракции меньшевиков. Я снова пошел к Ленину, который с добродушным смехом выслушал жалкие аргументы Мартова и доказал мне всю их несостоятельность.

Говоря правду, слова Владимира Ильича показались мне сначала слишком пристрастными, но, поразмыслив над ними, я понял, насколько он был прав. И то, что он сказал мне о положении во Франции, и его крайне жестокая, но справедливая критика поведения французского «меньшинства» — все это показалось мне вполне обоснованным. Я был увлечен его радикализмом.

Всего заразительнее, с явным презреньем, смеялся Ленин, когда говорил Бризон. Этот человек, с внешностью провинциального парикмахера, говорил с невыносимой манерностью, обнаруживая притом немыслимое невежество и безграничное самомнение. Во время его первой речи все переглядывались с недоумением. Отвратительным дребезжащим тенорком он сказал: «Товарищи! Хотя я и интернационалист, но я все-таки француз, и заявляю вам, что не скажу ни одного слова, не сделаю ни одного жеста против Франции, этой страны ре-во-лю-ци-и».

Старику Адольфу Гофману, который ему понравился, потому что носил бороду, похожую на бороду покойного Анри Рошфора, Бризон сказал: «Дорогой старый друг, скажите вы вашему Вильгельму, чтобы он возвратил нам Эльзас, а мы ему за это с удовольствием отдадим Мадагаскар». Однажды он стал вести себя так вызывающе, что Серрати набросился на него и схватил за горло. Он даже покинул конференцию, но итальянские парламентарии, встретив его во время прогулки, успокоили и уговорили вернуться. За обедом Бризон доказал, что в нем — закваска настоящего парижского парикмахера. Он стал жаловаться на отсутствие вина и женщин.

С особым удовольствием он неоднократно твердил:

«Эти русские просто ученые хвастуны».

Или еще:

«Не желаете ли полюбоваться высокомерной улыбкой Ленина?»

Ленин не забыл этих мелких эпизодов и не раз вспоминал о них во время наших свиданий в Москве, со смехом спрашивая меня: «А помните Бризона в Кинтале? А Серрати?»

Поведение делегата Бризона в Кинтале было настолько бестактно, что левая — Ленин, Зиновьев, Радек и Бронский — потребовала немедленного его исключения. Кажется, итальянская делегация, при поддержке Роберта Гримма и Балабановой, успешно отстояла Бризона. Впоследствии Лорио, которому я рассказал об этом инциденте, сказал мне: «Исключение Бризона было бы величайшей услугой, которую можно было оказать французским циммервальдцам».

После Кинтальской конференции я вернулся в Женеву «ленинизированным», и это очень взволновало некоторых моих друзей. Впоследствии я познакомился с представителями различных направлений русской революционной эмиграции: с Сокольниковым, Ольгой Равич, Карпинским, Мануильским, Луначарским и другими. Некоторые из русских предостерегали меня от моего ленинизма. Я помню, как однажды Анжелика Балабанова, крайне взволнованная, убеждала меня в следующих выражениях: «Ленин, несомненно, хороший товарищ, но он скорее всего анархист и возглавляет маленькую группу. Он не будет играть никакой роли в революции». Мне рассказывали, что Балабанова, встречаясь с Лениным на какой-нибудь конференции или на каком-нибудь съезде, всегда спрашивала его: «Сколько резолюций у вас лежит сейчас в кармане?», или: «Ну, какой раскол вы для нас приготовили?».

Рязанов, принадлежавший к правому крылу группы Троцкого, часто восхвалял в беседах со мною способности Троцкого,—что́ впрочем, вполне отвечало действительности, — его публицистический и ораторский талант, его влияние на массы, но никогда не обращал моего внимания на Ленина.

Кроме приверженцев большевизма и, если не ошибаюсь, Сокольникова, все русские революционеры неизменно изображали Ленина каким-то «сключником». Раппопорт назвал его однажды «величайшим возбудителем разногласий в социализме»; он писал: «Ни одна партия в мире не могла бы жить под властью этого социал-демократического царя, который называет себя крайним марксистом, а на деле является только политическим авантюристом высокого духовного полета».

В ресторане «Интернационал», в Женеве, которым заведывал русский студент-меньшевик и где я столовался в течение некоторого времени, приверженцы различных групп усердно

следили за моими знакомствами. Но тщетно некоторые меньшевики старались мне доказать, что Ленин ужасный сключник, «профессиональный сключник». У меня на этот счет сложилось свое собственное твердое, окончательное мнение. За каждым столом сидела постоянно одна и та же группа: друг за другом шпионили и готовились к борьбе.

Однажды в редакцию «Demain» («Завтра») явилась Ольга Равич и принесла мне письмо от Ленина. Я был очень тронут необычайным доверием, которое оказывал мне Ленин, ибо вопреки всему, что о нем говорилось, я был убежден в том, что он был не только настоящим, последовательным марксистом, но и человеком борьбы, организатором, который еще покажет себя когда-нибудь. По просьбе «группы женщин-социалисток», секретарем которой была Ольга Равич, я выступил с докладом о конференции в Кинтале; когда я позволил себе резко высказаться против социал-патриотов и против французских социал-оппортунистов, я вызвал крайнее возмущение среди женевских представителей социалистической партии — этих мещан и архифранкофилов, более злых немцеедов, чем сами французы. Их главным аргументом было слово «бош». Рука об руку с Сокольниковым, начали мы борьбу против социал-патриотов, которых воплощал какой-то заплывший жиром толстяк, большой любитель хорошо поесть и попить и поддерживавший с откровенным цинизмом общение с представителями и агентами французского правительства.

Мы создали «Интернациональную социалистическую группу», устав которой содержал в себе руководящие положения Циммервальдской Левой. Основателями этой группы были Ольга Равич и Поль Леви. Группа устраивала доклады и митинги и вскоре основала журнал «Nouvelle Internationale» («Новый Интернационал»); главным редактором этого журнала был рабочий Шарль Губахер, бывший металлист. Ленин интересовался жизнью швейцарской социалистической партии не потому, что он якобы считал Швейцарию излюбленной страной революций, как уверяли почтенные швейцарцы, а потому, что, интересуясь всем, он интересовался и деятельностью «Интернациональной социалистической группы».

Он вручил мне небольшую тетрадь, озаглавленную: «Задача представителей Циммервальдской Левой в Швейцарской Социалистической Партии», с тем, чтобы группа обсудила и выявила свое

29/. La Socialdémocratie Suisse doit obtenir non seulement que le Congrès de Berne (de février 1917) se rallie entièrement aux Décisions de Kienthal, mais elle doit encore exiger que de son côté le congrès déclare rompre entièrement et définitivement avec le B.S.I., ce rempart de l'opportunisme et du socialisme patriote, tendances absolument incompatibles avec le socialisme.

30./ La socialdémocratie Suisse ~~qui~~ se trouvant dans des conditions particulièrement favorables d'informations, qui lui permettent d'observer de très près le mouvement ouvrier de tous les pays avancés d'Europe et de la lutte des tendances, et qui est parfaitement située pr travailler à l'union ~~internationale~~ des éléments révolutionnaires ~~internationaux~~ de ces mouvements prolétariens, ne doit point se borner à attendre, en observateur passif, le développement de la lutte des tendances au sein des partis elle doit ~~aller de l'avant~~ se mettre en avant-garde du mouvement en suivant la voie tracée par la gauche de Zimmerwald et confirmée tous les jours par la marche des événements en France, en Allemagne en Angleterre, aux Etats-Unis en général dans tous les pays civilisés.

Рукопись Ленина (на французском языке).
(Страничка тезисов о «Задаче представителей Циммервальдской Левой в Швейцарской Социалистической Партии».)

отношение к этим тезисам; впоследствии они были опубликованы, но рукопись была украдена у меня представителями швейцарской демократии, которые, вероятно, передали ее в один из музеев.

Когда я встречался с Лениным, он постоянно расспрашивал меня о движении во Франции и о партийной борьбе в Женеве. Он строго, но справедливо судил о событиях и людях. В газете «Populaire», которую редактировал Жан Лонгэ, появилась статья Бориса Суворина под названием «Нашим друзьям в Швейцарии», в которой подвергались критике последовательные интернационалисты и, в особенности, Ленин; Ленин сейчас же ответил автору статьи, но его письмо было опубликовано значительно позднее, уже после победы большевиков.

В 1916 году женевская секция делегировала меня в Цюрих на ежегодный съезд швейцарской социалистической партии; просветительная комиссия предложила мне сделать доклад о Ромэне Роллане. На реферат явился и Ленин, как всегда, с фуражкой на голове. Этот великий человек интересовался всем, и хотя он изучал, главным образом, социальные, политические и экономические журналы и книги, но иногда его захватывала и литературная жизнь.

На другой день я пошел к нему вместе с Радеком, который назначил мне свидание в «Café de la Terrasse», где, как и в пивной Ландольта в Женеве, встречались русские эмигранты. Там бывали: австрийский профессор Фейльбоген, редактор журнала «Internationale Rundschau», который, вооружившись своей слуховой трубкой, рассказывал веселые и забавные анекдоты; поляк Валецкий, тогда еще меньшевик-интернационалист, беседовавший о марксизме, философии и математике с постоянно окружавшими его студентками, загипнотизированными блеском его остроумия и красноречия; наконец, немецкие писатели, находившиеся там проездом — Рубинер, Альбер Эренштейн, Леонард Франк и др.

Радек сидел за одним столиком с Мартовым. Вооружившись очками и склонив головы, они делали вырезки из газет всех стран. Затем мы втроем вышли из кафэ; на углу мы распрощались с Мартовым. Когда тот удалился, Радек сказал мне: «Мартов превосходный публицист и был лучшим сотрудником Ленина во времена «Искры»; как жаль, что он разошелся с ним политически!».

Мы отправились на Шпигельгассе, узкую, подымающуюся в гору улицу, заселенную, главным образом, рабочими, и вошли в очень маленькую, низкую, плохо освещенную, но очень опрятную комнату, в которой стояли две простые деревянные кровати и два маленьких столика, заваленных книгами, газетами, журналами и бумагами. Пока Крупская приготовляла чай, мы разговаривали с Лениным, и я помню выражение удовлетворения в его взгляде, когда он показывал мне последний номер журнала «Ce qu'il faut faire», в котором были напечатаны принятые рабочими организациями резолюции; хотя и искаженные цензурой, они все же свидетельствовали о революционной воле французского пролетариата. Радек, которого ждала работа, ушел. Я же пробыл у Ленина до отхода моего поезда. Я восхищался его мудростью, его критическим умом, огромным запасом обширных и точных знаний и его необычайной проницательностью, казавшейся порой пророческой.

И каждый раз, когда мы с ним виделись, в Цюрихе, в Берне, в Женеве, он информировал меня о положении в России и о партийной жизни. Чем дальше развивалась война, тем больше доверия проявлял он ко мне. Он был прекрасно осведомлен о рабочем движении, о нужде и недовольстве в рабочих массах, об усталости и падении дисциплины в войсках, о крайне плохих делах на фронте и об экономических, политических и военных затруднениях царского правительства.

Но вот вспыхнула русская революция. В течение нескольких дней швейцарские газеты ограничивались отдельными краткими и противоречивыми сообщениями; как это ни странно, крупная французская империалистская газета «Temps» давала более богатую, точную и подробную информацию о революционных событиях, чем органы женевской демократии.

Возбуждение в русской колонии не поддается описанию. Все партии и партийные группы заседали непрерывно круглые сутки.

Наша женевская интернациональная группа устроила в большом зале квартала Плэнпалэ митинг, на котором выступало около десяти ораторов: Луначарский, Анжелика Балабанова, Эмбер-Дроз, Мизиано, старый ветеран Феликс Кон, который в то время был еще меньшевиком, Сокольников, еще другие русские, и я сам. Я впервые услышал там потрясающий траурный революционный

ними: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» У присутствовавших, главным образом русских, глаза были полны слез.

На женевских улицах можно было встретить всех русских эмигрантов, словно преобразившихся, оживленно улыбавшихся и с красными цветками в петличках. Все только и мечтали об отъезде, беспрестанно собирались и жадно проглатывали газеты, где из кучи самых тенденциозных и противоречивых сведений можно было лишь с трудом извлечь крупицу исторической правды. Я присутствовал на митинге, устроенном в одном из кафе квартала Плэнпалэ. Речь шла о вооружении пролетариата, которого требовал Зиновьев и, наоборот, не одобрял Луначарский. Прения были очень оживленные и продолжались долго; большинство слушателей принимало в них участие.

Во всех странах русские революционеры образовали межфракционные комитеты содействия возвращению эмигрантов в Россию. Швейцарский комитет просил национального советника Роберта Гримма, официального организатора циммервальдских конференций, принять на себя роль посредника при переговорах с правительствами Швейцарии и Германии; но нерешительность и малодушие меньшевиков привели к приостановке переговоров, возобновленных затем по инициативе большевиков Фрицем Платтеном. Англия отказалась пропустить через свою территорию русских, так как они считались противниками империалистской войны, а Керенский и Милюков разослали царским посланникам и полномочным представителям, которые все остались на своих должностях, тайные инструкции, опубликованные лишь впоследствии.

О ходе переговоров и об отъезде меня постоянно информировал Карпинский, заведывавший в Женеве библиотекой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков), убежденный «ленинец», крайняя левизна взглядов которого часто критиковалась в моем присутствии. Он сообщил мне, что Ленин хочет оправдаться перед интернационалистами всех стран и собирается составить протокол, об утверждении и подписании которого он будет просить живущих в Швейцарии левых циммервальдцев. Меня просили отправиться в Берн в день, о котором мне сообщат телеграммой. Несколько дней спустя, 6 апреля 1917 года, я получил следующую телеграмму: «Уезжаем завтра

Schweiz. Telegraphen- und Telephonverwaltung. — Administration des télégraphes et des téléphones suisses — Amministrazione dei telegrafi e dei telefoni svizzeri. No. 2.

Genève

BUREAU DES TELEGRAPHES GENÈVE 6 IV 17

Telegramm — Télégramme — Telegramma

Wörter — Mots — Parole

+ bern 920 40 6 11.10 B — № —

Der Telegraphist: - Le télégraphiste: - Il telegrafista:

Aufgegeben den — Consigné le — Consegnato il — 191 um — à — alle — Uhr — heures — ore — min.

Erhalten — Reçu de — Ricevuto da — den — le — il 6/4 191 um — à — alle — Uhr — heures — ore — min.

Contr. № 1268

Event. Angaben / Indications event. / Indicazioni event.

Adresse - Indirizzo

= quilbeaux

15 rue aerle d aulique geneve

= partons demain midi allemagne platten accompagne train prierez venir immediatement frais couvrirons amenez romain rolland s ' il est d accord en principe . faites possible pour amener naine ou graber . telegraphiez volkshaus oulianoff = oulianoff .

Übertelegraphiert an — Réexpédié à — Ritrasmesso a — den — le — il — um — à — alle — Uhr — heures — ore — min. — Der Telegraphist: - Le télégraphiste - Il telegrafista:

Телеграмма Ленина к А. Гильбо

(на франц. языке, послана 6 апреля 1917 г. из Берна; уведомляет о предстоящем отъезде Ленина и его

днем в Германию. Поезд сопровождает Платтен. Просим приехать немедленно. Расходы несем мы. Захватите Ромэна Роллана, если он принципиально согласен. Постарайтесь привести Нэна и Грабер. Телеграфируйте по адресу: Народный дом — Ульянову. Ульянов».

Эта телеграмма требует объяснения в трояком отношении.

В Кинтале Нэн и Грабер, социалистические парламентарии из французской Швейцарии, проявили известные симпатии к левому направлению и были единственными членами социалистической парламентской группы, высказавшимися против санкционирования военных кредитов, истребованных швейцарским правительством; наоборот, Роберт Гримм, председатель социалистической комиссии в Циммервальде, оказался весьма рьяным сторонником «защиты отечества» и проявлял в своей газете «Berner Tagwacht» известный шовинизм. Впоследствии Грабер, франкофил и германофоб, стал одним из самых резких противников большевизма. Ленин считал доброжелательство обоих французских швейцарцев не бесспорным, но возможным. У него были уже раньше небольшие недоразумения с Грабером, который согласился на опубликование большевистских воззваний и манифестов лишь под давлением или даже после угроз Абрамовича, прозванного «оком Москвы» и проживавшего тогда в Ко-де-Фон. Я тотчас же послал Нэну и Граберу срочную телеграмму и назначил Нэну свидание на вокзале в Лозанне.

Что касается Ромэна Роллана, то Ленин уважал его, как человека и как писателя. С другой стороны, в написанной им совместно с Зиновьевым брошюре «Социализм и война» он указывал на то, что революционеры, не отклоняясь от своей программы, могут и должны в известных случаях итти рука об руку с буржуазными пацифистами и использовать их.

«Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны.

«Использовать это настроение — долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа

был бы лишь на-руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контр-революционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии» [1]).

Я пошел к Ромэну Роллану, который собирался распрощаться с Женевой и поселиться в гостинице «Босежур», и рассказал ему, что я приехал по поручению Ленина и с какою целью. С первых же слов Ромэн Роллан меня перебил: «Да, поезжайте в Берн, но категорически отсоветуйте вашим друзьям ехать через Германию. Какой вред причинят они пацифизму и самим себе, если все-таки это сделают! Вспомните, что когда-то писали и говорили о коммунарах!» Я счел бесполезными дальнейшие попытки выполнить возложенное на меня поручение. Мы поговорили на разные темы, а затем я ушел. Должен признаться, что я был весьма огорчен и разочарован.

Как же велика была моя радость, когда, вернувшись домой, я застал у себя Фернанда Лорио. Я еще не был с ним лично знаком, но уже давно наблюдал, одобрял и отмечал везде — в статьях и речах — результаты его неустрашимой и стойкой деятельности. В действительности, именно Лорио (это слишком часто забывают), принадлежит заслуга организации в рядах французской социалистической партии последовательной оппозиции против войны. Я показал ему телеграмму Ленина и предложил ему поехать со мной в Берн пятичасовым поездом.

«Прекрасно», — ответил он. — «Я приехал сюда специально для того, чтобы побывать у Гримма и получить сведения о Циммервальде. Во Франции мы совсем не знаем, что делается на белом свете».

Лорио заменил Мерргейма в должности секретаря «Комитета по возобновлению интернациональных связей», и, несмотря на то, что он рисковал своим местом преподавателя, он приехал нелегально в Швейцарию; в этом ему помогла мужественная и самоотверженная Люси Кольяр, которая сама служила учительницей в Майльери (в Савойе), недалеко от границы, и впоследствии была уволена и арестована за свои антимилитаристские

---

[1]) *Г. Зиновьев* и *И. Ленин*. «Социализм и война». Петроград. 1918 г., стр. 22.

и революционные убеждения. Мы сели в поезд, и Лорио познакомил меня с жизнью партии и с теми затруднениями, на которые на каждом шагу натыкалась маленькая, но решительная циммервальдская группа в своей борьбе с шовинистским «меньшинством», руководимым Лонгэ и Мистралем, и с революционными синдикалистами.

Когда мы приехали в Берн, я представил Лорио Ленину, Радеку, Зиновьеву и Леви. Ленин отвел меня в сторону.

«Вы думаете, что он подпишет протокол?» — спросил он меня.

«Я его не спрашивал», — ответил я, — «но после продолжительного разговора, который мы имели в пути, я в этом не сомневаюсь».

Мы все вместе поужинали в Народном Доме, а затем в полночь направились в заваленную газетами и бумагами комнату Радека. Там находились Ленин, Радек, Зиновьев, Леви, Инесса Арманд, Лорио и я. Арманд прочитала протокол сперва на немецком языке, потом на французском, а затем он передал его мне. Я подписался и передал документ Лорио. Он внимательно прочел его и сказал следующее:

«Я согласен подписать протокол, но было бы желательно внести в текст небольшую поправку. Вы пишете: «Русские интернационалисты, которые в течение всей войны не переставали бороться всеми силами против германского империализма...»

«Я же предлагаю изменить эту фразу так: «против империализма вообще и против германского империализма в особенности».

Все единодушно согласились с этой поправкой. Я, как сейчас, вижу сияющее лицо Ленина при проявлении этого последовательного интернационализма. Его уважение к Лорио сильно возросло, так как ему лучше других был известен мещанский дух французов. Лорио, приехавший в Швейцарию без паспорта и подписавший протокол, в котором было сказано, что долг русских революционеров повелевает им ехать через Германию, рисковал немедленной потерей своей должности, не говоря уже о различных врагах, которых он не мог не нажить себе после подписания протокола.

Лорио и я отправились переночевать в Отель де Франс, так как Народный Дом был переполнен. На другой день, после прогулки по городу, мы позавтракали в обществе Ленина, Зиновьева

Народный дом в Берне (Швейцария).

и их спутников. Радек еще утром уехал в Цюрих, чтобы подготовиться к поездке. Лорио задал Ленину массу вопросов о его революционной программе и его намерениях на тот случай, если большевики захватят власть в свои руки. Затем мы расстались; Лорио и я вернулись обратно в Женеву. Там я нашел срочную телеграмму от Балабановой, которая просила «друга» остаться еще на один сутки в Женеве.

Совсем расстроенная, прибыла она на другое утро в Женеву и осыпала меня горькими упреками.

«Как это так». — сказала она, — «вы не привезли Лорио в Цюрих? Мартов, Лапинский и Мартынов очень сердятся. Ничего не пойму! Что вы наделали?»

Эти слова ничуть не тронули Лорио.

«А затем», — добавила она, — «что вы там порешили и, прежде всего. что вы заставили сделать товарища Лорио? Ведь подписав этот несчастный протокол, он себя скомпрометировал! Вот увидите, что завтра скажут буржуазные газеты. Конечно, мы будем защищать Ленина и его спутников, но вы себе не представляете, какую огромную ошибку делают эти товарищи, следуя через Германию».

«Но позвольте», — вмешался тут Лорио, — «ведь я поступил так, как должен был поступить всякий интернационалист и всякий последовательный революционер, а Гильбо тут совершенно непричем».

Она успокоилась и передала Лорио воззвание меньшевистской с.-д. партии. Это воззвание было обращено к Чхеидзе и подписано Аксельродом. Мартовым, Мартыновым, Астровым и Семковским. В нем заявлялся протест против некоторых телеграмм и манифестов французских и английских социал-патриотов и против постановления парламентской группы французских социалистов о посылке в Россию Лафона. Мутэ и Кашэна [1]).

«Мы здесь охотно признаем», — говорит воззвание, — «что из числа членов этой делегации граждане Эрнест Лафон и Марнус Мутэ сами по себе многое сделали в защиту интересов русских эмигрантов,

[1]) Мутэ — член французской социалистической партии (группа Блюма-Лонгэ), Лафон недавно был исключен из коммунистической партии; что касается Марселя Кашэна, то он отрекся от своих тогдашних взглядов. (*Прим. автора.*)

русских добровольцев и русской печати во Франции во время войны, благодаря своему заступничеству перед властями. Но вместе со всем большинством партии они ни с парламентской трибуны, ни в печати публично не протестовали против тех гнусных услуг, которые оказывало царизму правительство французской республики, преследуя эмигрантов и подавляя социалистическую печать. Ради сохранения гражданского мира, они не возвысили своего голоса ни при казни одиннадцати русских добровольцев во Франции, ни тогда, когда французская республика оказала свое содействие русскому экспедиционному корпусу в Марсели при беспощадном подавлении мятежа, спровоцированного царскими агентами. Эти люди сделали все, что только могли, чтобы помешать французскому пролетариату узнать что-либо о преступных деяниях своих вождей, ведущих борьбу «за право и свободу». Не достаточно ли будет, в ответ на комплименты, расточаемые ими теперь по адресу русской революции, — напомнить им о том, что они до самого конца оставались молчаливыми соучастниками этого длительного преступления, заключавшегося в самом факте существования царизма?

«Что касается гражданина Марселя Кашэна, то мы напомним русским товарищам о том, что он уже выполнил аналогичную миссию в Италии, сделав попытку парализовать успешное выступление итальянских социалистов в тот момент, когда националисты усердно стремились вовлечь народ в кровавую бойню. Участие такого человека во французской делегации является достаточно убедительным для нас доказательством того, что это начинание свидетельствует о чем угодно, но только не об уважении к русскому пролетариату и не об искреннем желании вступить в переговоры с его представителями».

Однако, несколько недель спустя, Аксельрод и Мартов дошли до того, что объединились с теми, кого они так жестоко критиковали в своем воззвании.

Лорио задал Анжелике Балабановой ряд вопросов, интересуясь, главным образом, двусмысленным поведением Гримма, который был так строг по отношению к германским социалистам большинства, а в области внутренней политики Швейцарии стоял на неустойчивой, чтобы не сказать прямо — меньшевистской точке зрения.

На другое утро мы по железной дороге поехали в Вевэ; затем, пользуясь прекрасной погодой, мы пошли пешком по холмам, окружающим Женевское озеро, в Вильнев, рассчитывая застать там Ромэна Роллана, которого я предупредил почтой. Но мое извещение запоздало, и, таким образом, автора «Au dessus de la mêlée» («В стороне от схватки») в гостинице уже не оказалось, и Лорио на пароходе поехал в С.-Гингольф, где его ожидала Люси Кольяр.

Уезжая, Ленин обратился с прощальным письмом к швейцарским рабочим, среди которых он прожил столько времени, и изложил в нем свою программу.

Газеты сообщили о проезде Ленина и его друзей через Германию в «запломбированном вагоне». Саломон Грумбах особенно отличался своей бессовестностью; он разоблачал Левп, не предполагая, конечно, что тот в недалеком будущем станет его «товарищем по партии». Левп, как известно, подписал протокол не своей собственной фамилией, а псевдонимом Гартштейн, и Грумбах с большим наслаждением сообщил об этом в «Юманите».

Печать распространяла сплетни о мнимых кознях Германии и о тесном союзе марксизма и большевизма с пангерманизмом!

Известно, что германское правительство разрешило Ленину и его друзьям проезд через Германию потому, что оно рассчитывало на разложение восточного фронта. В своих «Мемуарах» Людендорф говорит об этом, как о роковой ошибке, допущенной гражданскими властями.

Затем состоялся отъезд второй партии, в которую вошли Балабанова, Мартов, Луначарский, Манульский и другие. Из Стокгольма мы получили благоприятные известия от наших путешественников. Фриц Платтен скоро вернулся, потому что англичане и полиция Керенского не пустили его на русскую территорию.

Имя Ленина быстро стало популярным. Не проходило дня, чтобы в печати не появлялись какие-нибудь гнусные выпады против него, Троцкого, Зиновьева и Луначарского. Немецкие деньги, капиталы германского имперского банка, покровительство кайзера — все это склонялось во всех падежах. Но печать Антанты была очень встревожена; поэтому-то она измышляла клевету за клеветой. По части оскорблений и брани газеты

французской Швейцарии даже перещеголяли своих парижских собратьев.

Настали июльские дни, арест Троцкого, Луначарского и Коллонтай, исчезновение Ленина и Зиновьева, разгром большевистской печати.

А затем идут победоносные октябрьские (ноябрьские) дни. Вся власть переходит в руки Советов; в Петрограде и Москве большинство в Советах имеют большевики. Французская печать вне себя от злости. Ежедневно она предсказывает падение Советского правительства. И это она делает — неустанно и однообразно — вот уже пять лет под-ряд.

Для «Фигаро» Ленин — «жалкий вождь сброда». Бывший бунтарь и анти-патриот Густав Эрвэ называет Ленина и его товарищей «дикой шайкой предателей, доктринеров, безмозглых дубин и неучей, обманутых иллюзиями». «Ах», — вопит он, — «почему Керенский отменил виселицу и телесные наказания!» Вообще, в глазах французской прессы Ленин и большевики, это — только Бронштейны, Розенфельды и Гольдманы, «банда выкрестов из жидов, изменников по отношению к еврейской общине, своей родине, ее союзникам и всему человечеству».

«Journal de Génève», «самая реакционная газета Европы», как называл ее еще Карл Маркс, ни за что не хотела уступить пальму первенства по части антибольшевизма своим парижским собратьям. Но газеты забывали согласовывать свои обвинения: то они объявляли Ленина отравленным марксизмом пангерманистом, то они уверяли, что он изучал во время своего пребывания в Швейцарии теорию Жоржа Сореля о насилии.

Владимир Ильич Ленин — самый коренной русский, какого только можно себе представить. Но газета «Matin», которая все знает, сделала открытие, что Ленин не кто иной, как германский шпион, «настоящая фамилия которого... Гольдберг!» Таково откровение триединства антигерманизма, антибольшевизма и антисемитизма!

Даже многие социалисты из «левых» в разных странах Европы отнеслись к Ленину весьма сдержанно и поддерживали его не без оговорок. Лорио был одним из немногих французов, который, вместе с группой «Vie ouvrière», безусловно перешел на сторону октябрьской революции. Борис Суварин писал

в газете «Ce qu'il faut dire», в номере от 17-го ноября 1917 года:

«Речь идет о неизвестной величине, с определением значения которой надо еще обождать, чтобы с некоторой надеждой на правильность выбора быть в состоянии склониться в пользу одного из возможных решений. Какова истинная позиция «минималистов», т.-е. социал-демократов меньшевиков и умеренных эс-эров? Объединились ли они в действительности с кадетами и реакционерами? Или же они до известной степени — и в какой именно — принимают участие в восстании коммунистов? *Следует опасаться, что для Ленина и его товарищей «диктатура пролетариата» означает диктатуру большевиков и их вождя; это было бы большим несчастьем для русского рабочего класса, а впоследствии и для мирового пролетариата. Диктатура Ленина могла бы удержаться только при помощи невероятного и постоянного напряжения энергии и потребовала бы дальнейшего существования революционной армии, но ничто не дает нам основания предпочитать революционный милитаризм современному.* Мы считали бы желательным объединение всех социалистов, в целях организации прочной власти, которая была бы *действительно властью народа, а не одного человека, как бы умен и честен он ни был*».

А несколькими месяцами позже, в январе 1918 года, Шарль Раппопорт писал следующее:

«Красная гвардия Ленина и Троцкого расстреляла Карла Маркса, на которого ежеминутно ссылаются вожди большевизма в своей полемике против оппортунистов социализма...

«Разгоняя Учредительное Собрание, Ленин компрометирует свою пропаганду мира — единственное дело, на которое он мог бы ссылаться в оправдание своей диктатуры. Ни одно правительство, заслуживающее этого названия, не должно было бы согласиться на переговоры с человеком, который идет против воли большинства народа».

Однажды в Женеву прибыл первый дипломатический курьер Р. С. Ф. С. Р. — Гольцман, секретарь союза транспортных рабочих в Петрограде. Несколько позднее приехал Иван Залкинд, этот козел отпущения швейцарцев и их правительства. Наконец, появился Иван Берзин и официальные представители Р. С. Ф. С. Р.

Они были встречены печатью немецкой (или аллеманской, как говорят настоящие швейцарцы, не желающие иметь ничего общего с Германией) Швейцарии без радушия, но и без ненависти. В «Швейцарской Иллюстрированной Газете» от 15 декабря появилась даже фотография «диктатора». В газете указывалось, что это была первая подлинная фотография, воспроизведенная прессой, и это представляется нам правдоподобным [1]); фотография сопровождалась следующей надписью: «Ленин (Ульянов), самый популярный человек в России, который стремится заключить перемирие с Германией и Австрией, после того, как он сверг бывшего президента Российской республики — Керенского».

Итак, в столице Швейцарского Союза поселилось русское посольство. В то время как некоторые крупные газеты немецкой Швейцарии поместили у себя беседы с главою и членами русского посольства, газеты французской Швейцарии продолжали преподносить новые варианты антибольшевистских измышлений. Но до чего это было бездарно! Поход против России и ее агентов и против союза «бошей» с большевиками стал еще ожесточеннее.

Будучи в первый раз арестован по настоянию французского военного атташе в Берне, я был отпущен на свободу лишь после пятинедельного бесплодного содержания под стражей. Я отправился отдохнуть в Гунтен, у Тунского озера. Туда приехал на лето и Герман Гортер. Немного выше, в горах, в Зигригсвиле, жил со своею семьей больной, но все еще не переставший работать Берзин, революционер большого ума и необычайной честности и чуткости. От него я получил массу новых сведений о Владимире Ильиче.

Однажды, в дождливый воскресный вечер, я забрел в маленький домик в швейцарском стиле, в котором он жил. Я застал Берзина в ужасно удрученном состоянии: он только что получил телеграмму с известием об организованном эс-эрами покушении на жизнь Ленина. Сильнейшее сердцебиение мучило меня и не давало мне уснуть. На другой день, рано утром, я побежал за новыми сведениями. Были сообщены подробности покушения; жизнь Ленина находилась в серьезной опасности.

---

[1]) Повидимому, у этой газеты был в руках экземпляр фотографии Владимира Ильича, наклеенной на его паспорте. *(Прим. автора.)*

No. 50 + 15. Dezember 1917

Schweizer Illustrierte Zeitung

+ 30 Cts. + 35 Pfg. +

VI. Jahrgang · Erscheint Samstags · Verlagsanstalt Ringier & Cie., Zofingen · Halbjährlich Fr. 6.50, postamtl. Fr. 4.00

Lenin (Ulianoff),

der maßgebende Mann Rußlands, der einen Waffenstillstand mit Deutschland und Oesterreich anstrebt, nach dem er den frühern Präsidenten der russischen Republik, Kerenski, gestürzt hat.

Первое фотографическое изображение Ленина, помещенное в иностранной буржуазной печати, — в «Иллюстрированной Швейцарской Газете».

Помимо бесконечной скорби при мысли об утрате этого единственного человека, нас беспокоили ужасные последствия, которые могла бы повлечь за собою смерть организатора и стража русской революции.

Ибо как ни велика ценность материальных факторов, не менее верно и то, что при известных условиях личность играет огромную роль. Совершенно справедливо указывала Генриэтта Роланд-Гольст: «Мы, марксисты новой школы, признаем взаимодействие экономических факторов и личности. Мы верим в личность». Это было уже сказано раньше где-то в другом месте: нельзя понять без Ленина и Троцкого ни октябрьской революции, ни пятилетнего существования пролетарской диктатуры, независимо от тех исторических, экономических и политических условий, которые испытали на себе сильное влияние этих двух выдающихся людей.

Как велика была наша радость, когда стало известно, что жизнь Ленина, по мнению врачей, вне опасности! Как велико было удовлетворение, когда мы узнали, что он снова возобновил свою деятельность!

Несколько времени спустя в Женеву приехал Залкинд и передал мне письмо от Ленина, в котором Владимир Ильич, совершенно не упоминая о грозившей ему опасности, заверял меня в своей дружбе и всяческой поддержке. Этот титан, которому приходилось иметь дело с такой массой врагов — и каких еще врагов! — и вести гигантскую борьбу, воодушевлял меня на борьбу, руководство которой мне доверяла небольшая часть Швейцарии.

Германская революция вызвала смуту и в Швейцарии. Во всех других капиталистических государствах также имели место серьезные волнения. Швейцарское правительство обуял страх: забастовка железнодорожников настолько его встревожила, что оно решило выслать посольство Р. С. Ф. С. Р. В действительности же, эта мера была принята не без участия французского правительства. Последнее официально уведомило Союзный Совет, что оно будет вынуждено вмешаться во внутренние дела Швейцарии, если там произойдут революционные беспорядки. Постановление о высылке русского посольства последовало 7 ноября 1918 года, в первую годовщину большевистской революции. В этот день в посольстве состоялся небольшой интимный завтрак, во время которого около здания посольства вертелись

агенты различных рангов и национальностей, но совершенно однородного типа. Вечером был устроен еще более интимный ужин у Берзина, который, будучи болен, не мог присутствовать

Ленин делает заметки на конгрессе.

на завтраке. Возле всех входов в дом сновали целые толпы «наблюдателей» с истрепанными лицами и в поношенном платье.

На другое утро в поезде, с которым я вернулся в Женеву, я разорвал письмо Ленина. И я поступил благоразумно, потому что двумя днями позже я снова был арестован. Таким образом,

Президиум I Конгресса Коммунистического Интернационала (в марте 1919 г.).

Клингер (секретарь конгр.) Эберлейн (Германия) Ленин Фрид Платтен (Швейцария)

я лишь впоследствии узнал от других, как нелепо и смешно организовало швейцарское правительство отъезд посольства, сколько агентов и солдат оно подняло на ноги и какие невероятные меры предосторожности приняло, чтобы удостовериться в том, что «ужасные» большевики не остались на швейцарской территории. Это был такой же фарс, какой разыграло недавно правительство Пуанкарэ, «победоносно вступая» в Эссен.

В тюрьме я просидел два месяца. Затем я получил разрешение выехать в Россию и был переведен сперва в Базель, а потом в крепость Сен-Морис-Саватан. В конце февраля я выехал в Германию. В первых числах марта я добрался до Вильны, а затем до Минска. Я очень хотел скорее попасть в Москву. но число поездов и мест в них было крайне ограничено, и мне сообщили, что придется ждать три дня. На другое утро я отправился гулять по городу в обществе моих хозяев, заботам которых меня препоручили; когда я осматривал церкви с позолоченными синими и зелеными луковицеобразными куполами, ко мне подбежал, запыхавшись, молодой человек из семьи моих хозяев и сообщил мне, что из Москвы получена телеграмма и что мне надо сейчас же отправиться в путь. Я немедленно вернулся домой, быстро собрался и сел в поезд. По прибытии в Москву, я был принят в Наркоминделе Караханом, который проводил меня в Кремль, где заседал Первый Конгресс Коммунистического Интернационала. Я встретил там очень много старых знакомых и узнал многое об отсутствовавших. Я вновь увидел там Троцкого, который почти не изменился и казался более бодрым, чем когда-либо, несмотря на гигантскую работу, которую он взял на себя. Я увидел также Чичерина, которого до тех пор знал только по его необъятной и искусной деятельности и по его дипломатическим нотам, блиставшим тонкой отделкой, мудростью и прошей.

Вечером в ресторане «Метрополь», помещающемся во втором Доме Советов, я разговорился с одной восторженной и самоотверженной сподвижницей моей по революционной борьбе, которая во время нашего совместного пребывания в Швейцарии неоднократно пыталась спасти меня от «ленинизма». Мы заговорили о Владимире Ильиче. В глазах и словах ее я прочел безусловное преклонение перед ним. Раздался звонок по телефону.

Это был как раз Владимир Ильич. Он справлялся о новостях, о моем здоровье и моей поездке.

«— Вы не слишком устали?

«— Нет, не очень, — ответил я.

«— Достаточно ли вы бодры, чтобы навестить меня еще сегодня вечером?

«— Для вас я всегда бодр и свеж. Более того, я хотел бы даже настаивать на том, чтобы посетить вас еще сегодня вечером.

«— Отлично, я буду ждать вас к девяти часам. Я пошлю за вами автомобиль.

Я стал ждать.

В девять часов ко мне постучались. Без сомнения, это приехали за мной. Открываю дверь. Предо мной сам Ленин. Мы обнялись. Он садится и, не думая о себе, снова засыпает меня множеством разнообразных вопросов. Я вглядываюсь в него. Он все тот же. Та же живость в глазах и все так же притаилась в них и временами вспыхивает ярким огоньком его неугасимая ирония.

На другое утро в Кремле состоялось последнее заседание Конгресса. Заседание уже началось, и Владимир Ильич, войдя в зал, занял место за столом президиума. Когда он меня увидел, он просил мне передать, что мне будет предоставлено слово. Так и было. Да простят мне, что я подробно останавливаюсь на подобных деталях, но я хочу здесь подчеркнуть всю простоту и задушевность этого великого товарища; я хочу показать, какие искренние чувства питает он к людям, которые встали на его точку зрения, поняли и защищали ее в такое время, когда на него был направлен сосредоточенный огонь большинства социалистов. Этот столь упорный материалист, часто проявляющий циничный позитивизм и чувствующий непреодолимое отвращение ко всякой сантиментальности, не забывает своих друзей по эмиграции.

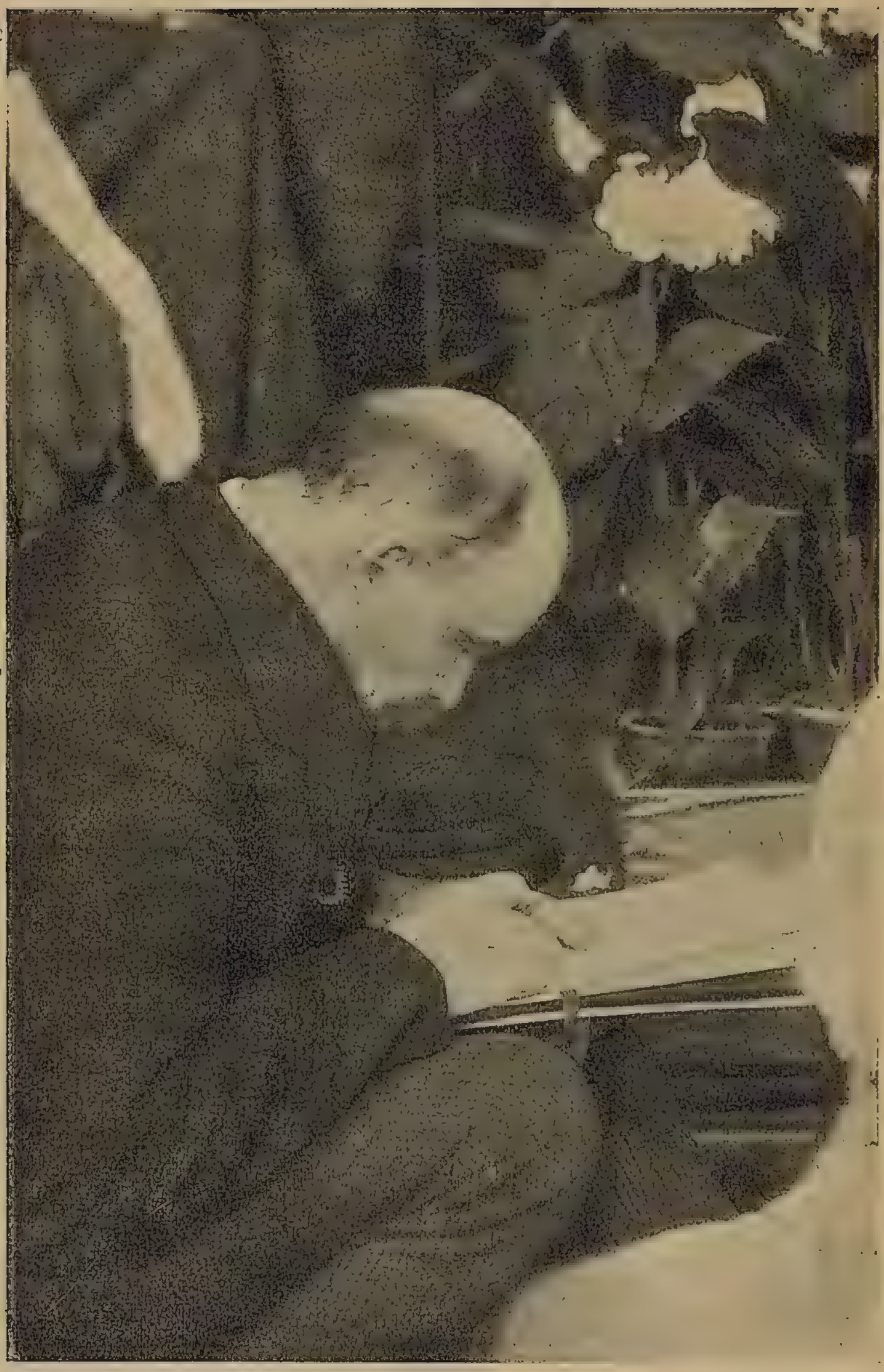
Несколько дней спустя делегаты Конгресса Коминтерна поехали в Петроград. В Москву мы возвращались тем же поездом, с которым ехал Владимир Ильич, неожиданно прибывший инкогнито в Петроград, чтобы встретиться там с уполномоченным американского правительства. В поезде Ленин заходил, если не ошибаюсь, к каждому из нас, спрашивая, хорошо ли мы устроились

и не надо ли нам чего-либо. Мы обедали все вместе в вагоне-ресторане: Андреева (жена Максима Горького), Фриц Платтен, серб Милкич, швед Гримлунд и некоторые другие. Весело и оживленно спорили мы о народном искусстве и о самодовлеющем

На демонстрации.

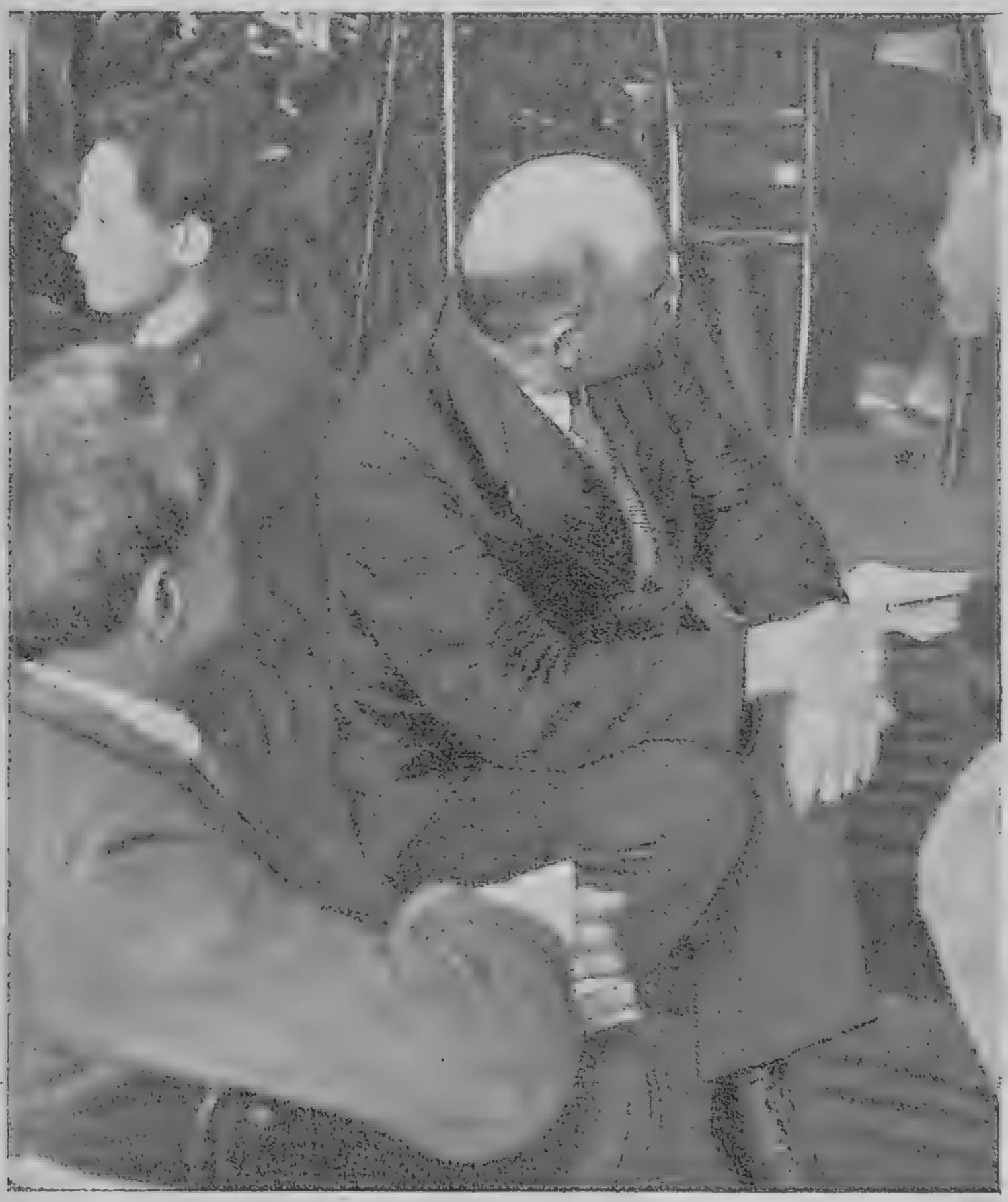
искусстве. Ленин был самым энергичным и веселым собеседником; беспрестанно раздавался его громкий смех.

Впоследствии я часто встречал Владимира Ильича в его рабочем кабинете, в помещении президиума Совнаркома. Он не обращал ни малейшего внимания на свою одежду и еду, и о нем



Ленин на съезде пишет резолюцию.

приходилось заботиться. Я знал только одного человека, который походил на него своею простотою, веселостью, своим умом и товарищеским чувством: это Бухарин, один из лучших теоретиков марксизма, выдающегося ума человек, не упускающий,



Ленин слушает оратора.

однако, иногда случая пошутить и заняться рисованием карикатур. Ленин нередко получал подарки от крестьян: фрукты, мед, варенье, муку. Все это он передавал в столовую Совнаркома.

Ленин беседует с Бухáриным и Зиновьевым.

Я встречал Ленина в самые трудные и трагические минуты — во время наступления Деникина, Колчака и Врангеля. Положение было крайне серьезное. Враги Советского правительства, которых поддерживали агенты Антанты, устраивали заговоры, покушения, восстания и производили разрушения. Красная армия отступала, транспорт приходил в расстройство, паровозы один за другим выбывали из строя, питание было недостаточное, пайки, распределявшиеся между рабочими и трудящимися, сводились почти к нулю. Но Ленин всегда оставался верен своей бодрости, своим надеждам, своей твердости, своему оптимизму — оптимизму, основанному на твердом и гибком реализме. Я помню, как однажды Ленин показал мне на карте узловые железнодорожные станции и города, занятые белыми, и очень спокойно сказал: «Через неделю наша участь будет решена. Либо мы отгоним белых, либо нам будет крышка!» И всегда Ленин заражал всех своим добродушным, раскатистым смехом, смехом человека, который чувствует себя бодро, ибо смех, это — признак бодрости.

«В тот день, когда я пишу эти строки», — говорит Луначарский, — «Ленину, должно быть, уже пятьдесят лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями! В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и также наклонен к веселому смеху...

«В частной жизни Ленин также больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами».

Простым и веселым, здоровым и радостным — таким представляется он каждому посетителю, будь то друг или враг, старый товарищ или незнакомый гость.

«Рабочий кабинет Ленина», — сообщает Бертран Рессель в своих заметках о «Практике и теории большевизма», — «очень скудно обставлен: большой письменный стол, два или три жестких стула, одно удобное кресло для посетителей, на стенках две полки с книгами и несколько географических карт — вот и все.

Ленин за работой в своем кабинете.

Очевидно, он не придает значения ни роскоши, ни даже уюту. Он очень любезен и прост в обращении, без малейших признаков высокомерной сдержанности. Когда видишь его, не зная, кто он, нельзя себе представить, что он обладает безграничной властью. Никогда не видел я человека, который был бы так мало склонен «задавать тон». Он направляет на вас пытливый взор; при этом он прищуривает один глаз, что, повидимому, невероятно обостряет силу зрения другого. Он любит смеяться; сначала его смех представляется вам просто дружеским и радостным, но, мало-по-малу, он стал мне казаться несколько язвительным. Ленин рассудителен и спокоен; он не знает страха».

Каждый раз, когда я виделся с Владимиром Ильичем, он спрашивал меня, хорошо ли меня кормят и не нуждаюсь ли я в чем-либо. Зимой он справлялся о том, достаточно ли у меня дров, а иногда просил меня позвонить по телефону или написать ему. Несколько недель я провел в одной из подмосковных санаторий. Когда я вернулся в Москву, я зашел к нему. Ничего не зная о моей отлучке, он спросил меня:

«— Да что это с вами? Вы больны?

«— Я только что вернулся из санатории, — ответил я ему, смеясь.

«— Это что за новости!—воскликнул он, хлопнув в ладоши.

Я объяснил ему, что свежий воздух увеличил мой аппетит, но удовлетворить его я не был в состоянии, так как создавшиеся условия заставили администрацию санатории уменьшить количество и ухудшить качество продуктов.

«— Я попрошу товарища Семашко [1]),—сказал Ленин,—послать вас в другую санаторию, в которой вам не придется питаться одним лишь чистым воздухом!

«— Нет, — возразил я, — в Москве я буду питаться лучше, чем в любой санатории.

Повторяю, я совершенно объективно сообщаю эти мелкие факты, быть может, напвные на первый взгляд, но способные,

---

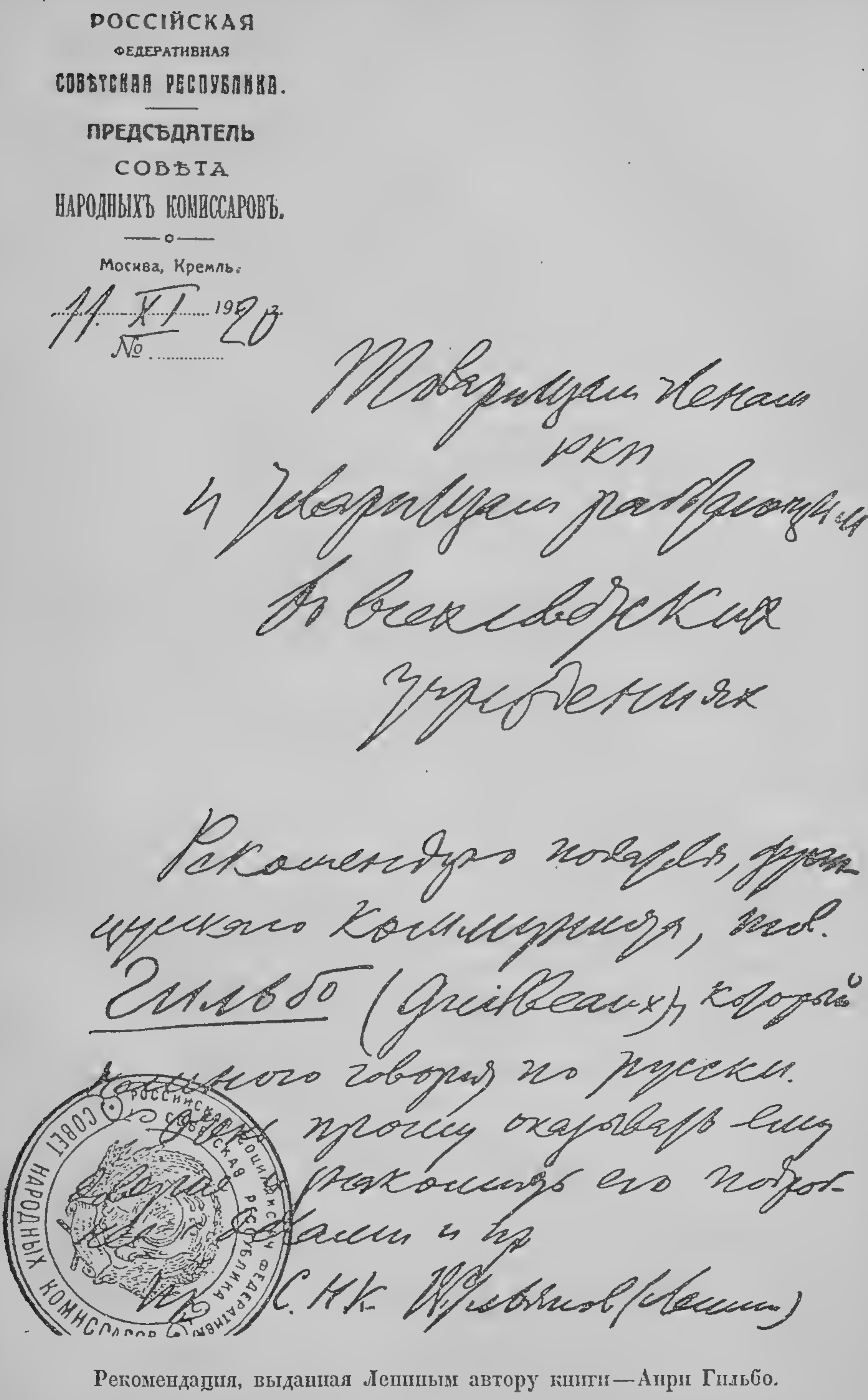
[1]) Семашко — один из старейших членов РКП, в настоящее время Народный Комиссар Здравоохранения. Он долго жил в Париже, во время войны был мобилизован и взят в плен на болгарском фронте. Впоследствии он был арестован по приказанию Керенского. *(Прим. автора.)*

как мне кажется, выявить и обрисовать в истинном свете личность Владимира Ильича, который, несмотря на неотложные задачи, всецело его поглощавшие, все же находил еще время интересоваться жизнью и работой своих друзей.

Этого всегда столь крепкого, юного душой, жизнерадостного человека мне пришлось только один раз видеть слегка озабоченным. Это было в январе или феврале 1922 года, за несколько дней до того, как Центральный Комитет партии вынес постановление о предоставлении ему отпуска для поправления здоровья. Он казался утомленным и временами подыскивал слова. Он сказал мне: «Ах, я начинаю забывать французский язык». Затем промолвил: «Я недоволен... Из членов Центрального Комитета я работаю меньше всех... С некоторых пор дело идет не так, как следует... Страдаю бессонницей и первничаю»...

Пробыв несколько недель на даче, Ленин приехал на два дня в Москву. Я пошел к нему. Это было, насколько мне помнится, за неделю до его операции. Он сказал мне, что врачи считают необходимым извлечь пулю, которая застряла у него где-то в затылке. Он подчинился их решению. Я нашел, что он значительно изменился к лучшему. Глаза его сверкали так же, как прежде. Свежий воздух и покой принесли ему большую пользу. На даче он много охотился. Охота, это — его любимый спорт, или, вернее, его главное физическое упражнение. Когда Ленин гуляет, даже если он совершенно один, он упорно размышляет над труднейшими злободневными вопросами. Но на охоте его мысли заняты только зайцем или птицей, которых он преследует.

Действительно, приходится удивляться, как он так благополучно справился с встревожившим всех кризисом. Он, уже столько времени работающий, пишущий, говорящий и борющийся; он, переживший годы заключения, ссылки, изгнания и эмиграции; он, — а это самое главное, — в течение последних пяти лет управляющий большой партией и огромной страной, в условиях, о которых распространяться было бы бесполезно, ибо они у всех перед глазами, — он действительно должен обладать богатырским организмом, чтобы оказать всему этому такое мощное сопротивление. Ленин, будучи закоренелым материалистом, как-то обмолвился о «чуде русской революции». Это неизменное чудо — он сам.


РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

11. XI. 1920 г.
№ ....

Товарищам членам
РКП
и товарищам работникам
в советских
учреждениях

Рекомендую подателя, французского коммуниста, тов. Гильбо (Guilbeaux), который недурно говорит по русски. Прошу оказывать ему [illegible] ознакомить его подробнее с нашими и пр.

Пред. С.Н.К. В. Ульянов (Ленин)

Рекомендация, выданная Лениным автору книги—Анри Гильбо.

Ленин — необычайно здоровый человек, в которого постоянное здоровье вселяет оптимизм, твердость воли, силу сопротивления и выдержку. Он — удивительное произведение из стали. Он — мощный, безукоризненно построенный двигатель. Где вы найдете человека, спрашиваю я, который смог бы в течение пяти лет пролетарской диктатуры справиться так же, как он, со столькими опасностями и со столькими разнообразными, беспрерывно сменяющимися задачами!

Как член Центрального Комитета партии, как член Политбюро этого Комитета, — как известно, все важные политические дела проходят через это Бюро, — как председатель Совета Народных Комиссаров, как теоретик, как очень опасный полемист, как увлекательный оратор, — во всех этих различных ролях он каждый день делает тысячу и одно дело. Его мнения запрашивают по бесчисленным вопросам, и на все эти вопросы он после зрелого размышления дает ответ. Он ободряет, укрепляет, поощряет и воодушевляет своих друзей и товарищей, ослабевающих в тяжкой борьбе.

Как все умные люди, он внимательно слушает, не перебивая своего собеседника, и пытливо проверяет правильность того, что ему говорят. Когда Ленин случайно наталкивается на то, что могло бы поставить правительство или партию в опасное или хотя бы затруднительное положение, он сразу принимает решительные меры; в такие моменты он способен на большую горячность и даже несправедливость. Но он имеет на это право. В нем нет ни капли толстовства, и он не щадит своих противников, которых охотно ставит на раскаленные угли; Каутский, Чернов и Мартов могли бы кое-что об этом порассказать.

Говорят: он упрямый фанатик. Нет, это не так, как бы там ни злословили! С тем же вниманием, с каким Ленин выслушивает своих противников, он читает книги и брошюры своих врагов, делая на полях свои пометки. Я часто видел его изучающим и снабжающим примечаниями какую-нибудь книгу, изданную белыми в Берлине, Париже или Токио. Лицо его при этом выражало удовольствие. «Эти люди оказывают нам большую услугу», — говорил он, — они обращают наше внимание на все ошибки и глупости, которые мы совершили. Мы должны быть им благодарны». Он не любит, вместе с тем, чтобы ему льстили

или чтобы преувеличивали, хотя бы в целях пропаганды, достигнутые в Р.С.Ф.С.Р. положительные результаты.

«Мы не нуждаемся в льстецах. Пусть нам говорят правду»,— сказал он однажды, показывая мне брошюру какого-то недавно вступившего в коммунистическую партию француза, изобразившего Россию в беллетристическом и явно неправильном освещении.

Он также презирает некоторых интеллигентов и выражает это чувство в виде явного пренебрежения к ним. Он знает, что у значительной части интеллигенции нет ничего глубокого — ни ума, ни знаний, и что над всем господствует у них эгоизм. В этом мы могли убедиться 4 августа 1914 года, а затем, в России, в момент подлинной, т.-е. октябрьской революции. Ведь нашлись же люди, которые еще ныне клянутся в своем безусловном пацифизме и в своих ярко-революционных убеждениях, но которые 4 августа 1914 года сравнивали великую империалистскую войну с 1789 годом, а впоследствии объявили Ленина и Троцкого саботажниками Циммервальда и революции.

Будучи последовательным материалистом, Ленин не придерживается какой-либо монистической теории и не выносит ни спиритуализма, ни идеализма, ни метафизики, ни этической философии, ибо хорошо знает, что́ скрывается за этими словами. Он любит все реальное и осязательное; он любит то, что есть. Практик, более того — клиницист, проницательный и неумолимый, он с первого же взгляда обнаруживает органическую слабость всякой идеологии, которая, прикрываясь флагом научности, является в действительности лишь ничем иным как плодом спиритуализма.

Он живой пример того, что оппортунизм и реализм — две в корне различные вещи. Не отказываясь ни в одном пункте от исповедуемых им теорий, он проявляет в применении их на практике крайнюю гибкость, ибо считается с реальными фактами. Так, будучи сам нерелигиозен, он не побоялся сохранить в России некоторые религиозные обряды, что́ вызвало вначале немалое изумление. Между тем, религию можно уничтожить, не запрещая миллионам едва пролетаризованных крестьян осенять себя крестным знамением перед иконами или низко кланяться при встрече с попом, а изгоняя из школ преподавание закона божия и разъ-

ясняя детям все тупоумие идолопоклонства. Недавно еще Ленин предложил использовать в борьбе против религии методы энциклопедистов и французских писателей XVIII века.

Однако, мы снова возвращаемся к мыслям и деятельности Ленина. Трудно, чтобы не сказать — невозможно, говоря об этой столь содержательной и столь цельной жизни, не вторгнуться в область его творчества, ибо вся жизнь Владимира Ильича, это — сплошное творчество!

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

ПРОТОКОЛ О ПРОЕЗДЕ ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В 1917 ГОДУ.

19 марта, по получении первых известий о начале русской революции, в Берне, по предложению Международной Социалистической Комиссии (Циммервальдской Комиссии), состоялось собрание представителей русских и польских партий, примкнувших к циммервальдскому направлению. По окончании этого собрания состоялось другое совещание, рассматривавшее вопрос о возвращении политических эмигрантов в Россию; в нем участвовали: Мартов, Бобров, Зиновьев и Коссовский. В числе других предложений был рассмотрен план Мартова, предусматривавший возможность проезда через Германию в Стокгольм, на условиях обмена на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками этого совещания план Мартова был признан самым приемлемым и удобным. Гримму было поручено приступить к переговорам со швейцарским правительством.

Несколько дней спустя товарищ Гримм встретился с Багоцким, уполномоченным Комитета по возвращению русских эмигрантов (в этом Комитете были представлены все группы). Встреча эта состоялась в присутствии товарища Зиновьева. Гримм сообщил, что у него был по этому поводу разговор с членом Союзного Совета Гофманом, заведующим Политическим Отделом. По его словам, Гофман заявил, что для швейцарского правительства не представляется возможным принять на себя официальное посредничество в этом деле, потому что правительства Антанты могли бы рассматривать этот шаг, как нарушение нейтралитета; но Гримм частным образом принял на себя это поручение, и заручившись принципиальным согласием представителя германского

правительства, Багоцкий и Зиновьев заявили тогда, что цель будет достигнута и таким путем, и что поэтому они просят Гримма довести предпринятые шаги до благоприятного конца.

Но на другой день представители некоторых партий в Цюрихе заявили, что они с планом Гримма не согласны; свое заявление они мотивировали необходимостью дождаться ответа из Петрограда.

Члены заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии заявили, что они не могут взять на себя ответственность за дальнейшую отсрочку возвращения эмигрантов в Россию, и послали Мартову и Боброву следующий циркуляр:

— Заграничное Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. решило принять предложение товарища Гримма о возвращении политических эмигрантов в Россию через Германию.

При этом установлено следующее:

1. Переговоры велись товарищем Гриммом с представителем правительства нейтральной страны — министром Гофманом, который не счел возможным для Швейцарии официально вмешаться в это дело, ибо английское правительство, которое заинтересовано в том, чтобы не допустить возвращения в Россию интернационалистов, несомненно сочтет это обстоятельство нарушением нейтралитета со стороны Швейцарии.

2. Предложение Гримма вполне приемлемо, ибо оно гарантирует свободу проезда и независимо от какого-либо политического направления и от какого бы то ни было отношения к вопросу о защите отечества, о продолжении войны и заключении мира и т. п.

3. Это предложение основывается на обмене русских политических эмигрантов на интернированных в России, и у эмигрантов нет ни малейших поводов противодействовать агитации, поднятой за этот обмен.

4. Товарищ Гримм внес это предложение представителям всех групп политических эмигрантов и даже заявил, что при создавшихся в настоящий момент обстоятельствах это предложение является единственным выходом и вполне приемлемо.

5. С другой стороны, сделано все возможное, чтобы убедить представителей всех групп в необходимости принять это предложение, ибо дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима.

6. К сожалению, представители некоторых групп высказались за отсрочку. Это решение в высшей степени достойно сильнейшего порицания и грозит причинить величайший вред русскому революционному движению.

Исходя из вышеуказанного, Заграничное Бюро Центрального Комитета постановляет осведомить всех членов нашей партии о том, что предложение немедленного отъезда нами принято, и что все желающие отправиться вместе с нами должны зарегистрироваться. Копия настоящего постановления будет препровождена представителям всех групп.

Н. Ленин.
Г. Зиновьев.

Цюрих, 31-го марта
1917 года.

Когда этот документ, снабженный комментариями враждебных групп, был сообщен Гримму, последний выступил с официальным заявлением следующего содержания:

Берн, 2-го апреля 1917 г.

Центральному Комитету по организации возвращения русских эмигрантов, в Цюрихе.

Уважаемые товарищи!

Я только что ознакомился с циркуляром Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии по вопросу об организации возвращения эмигрантов в Россию. Меня крайне удивляет содержание этого циркуляра, не только в части, касающейся лично меня, которому приписывается совершенно несоответствующая роль, но и еще более в виду крайне... *(следует неразборчивое слово)* отзыва о члене Союзного Совета Гофмане, чем в высшей степени затрудняются необходимые переговоры со швейцарскими властями. Во всяком случае, я считаю себя вынужденным подтвердить нижеследующие обстоятельства и предоставляю Вам использовать содержание настоящего письма по Вашему усмотрению:

1. Переговоры по поводу возвращения русских эмигрантов в Россию ведутся, но эти переговоры возникли не по предло-

женію товарища Гримма. Я никогда не делал подобного рода предложения, а был исключительно посредником между русскими товарищами и швейцарскими властями.

2. В соответствии с результатами совещания русских товарищей, состоявшегося 19-го марта в Берне, я предложил швейцарскому Политическому Отделу выяснить, не было ли бы возможным предпринять нечто вроде обмена русских эмигрантов в Швейцарии на интернированных в России. Предложение это было отклонено в виду нейтралитета Швейцарии, а не считаясь с тем или иным правительством, и без ведома о том, будет ли Антанта и, в особенности, Англия чинить препятствия отъезду эмигрантов.

3. В ходе переговоров обсуждалась также мысль о возможности создать в Голландии Бюро по обмену, но в виду того, что это вызвало бы задержку в пути, от указанной мысли пришлось отказаться.

4. Окончательный результат переговоров был таков. Русские товарищи должны были обратиться непосредственно к Временному Правительству через министра Керенского; они его информировали бы о создавшемся положении и доказали бы невозможность возвращения эмигрантов через Англию, так что ему пришлось бы при данных условиях согласиться на их проезд через Германию; благодаря его согласию, проезд через Германию мог бы состояться без всяких дальнейших осложнений. В пятницу 30-го марта я довел об этом предложении до сведения представителей Центрального Комитета, находившихся в Берне, и высказал при этом свое личное мнение, что это предложение, т.-е. соглашение с Керенским или Чхеидзе и организация проезда через Германию, на основе такого соглашения, мне кажутся приемлемыми. К этому я добавил, что дело самого Комитета — решить, как поступить с этим предложением, и что я считаю свою миссию оконченной.

5. 1-го апреля я получил от товарищей Ленина и Зиновьева телеграмму, в которой они заявляют, что их партия решила безусловно принять предложение о проезде через Германию и немедленно организовать эту поездку. Я ответил им по телефону, что охотно помогу им найти посредника, чтобы довести до благополучного конца переговоры между учреждением, которое

займется выработкой условий проезда, и телеграфировавшими мне товарищами, но что я сам ни в коем случае не стану вести могущих возникнуть в связи с этим делом переговоров, ибо считаю свою миссию оконченной и никаких переговоров со швейцарскими властями более не предвижу. Так как упомянутый в начале настоящего письма циркуляр дал, повидимому, повод к недоразумениям, я счел необходимым вкратце установить эти пункты, чтобы сразу же пресечь возможность появления всяких легенд. Я крайне сожалею только о том, что наши старания были столь легкомысленно использованы в качестве материала для циркуляра, которому даже не придали конфиденциального характера.

С социалистическим приветом

Гримм.

Когда затем Зиновьев просил Гримма объясниться точнее, последний, в присутствии товарища Платтена, заявил, что он считает своим долгом дать такое объяснение, главным образом, потому, что сведения о роли Гофмана могли бы нанести серьезный ущерб нейтралитету Швейцарии. Одновременно Гримм заявил о своей готовности вести и далее дело группы, решившейся на скорейший отъезд. Но в виду двусмысленного поведения Гримма организаторы поездки сочли более целесообразным отказаться от его услуг и просить товарища Платтена довести предпринятые шаги до конца.

3-го апреля Платтен обратился в германское посольство с заявлением, что он принял на себя продолжение начатых Гриммом переговоров, и представил в письменном виде следующее

Заявление.

Основа переговоров о возвращении швейцарских политических эмигрантов в Россию.

1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и за свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.

2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтеном. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.

3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должно производиться никакого контроля паспортов или пассажиров.

4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов по вопросу о войне и мире.

5. Платтен берет на себя снабжение едущих железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.

6. По возможности проезд должен быть совершен без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической в том необходимости.

7. Разрешение на проезд дается лишь при условии обмена едущих на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.

8. Посредник и пассажиры обязуются лично и частным образом добиваться перед рабочим классом выполнения пункта 7-го.

9. Наискорейший переезд от швейцарской границы к шведской, а также технические детали должны быть выполнены немедленно.

Фриц Платтен,
Секретарь швейцарской социалистической партии.

Берн-Цюрих, 4-го апреля
1917 года.

Двумя днями позже товарищ Платтен сообщил, что означенные условия приняты германским правительством.

2-го апреля, еще до того, как указанные переговоры были закончены, представители остальных групп вынесли следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что, в виду явной невозможности возвращения в Россию через Англию вследствие противодействия английских и французских властей, все партии признали необходимым просить Временное Правительство, через посредство Совета Рабочих Депутатов, согласиться на обмен политических эмигрантов на соответствующее число германских граждан, содержащихся в плену в России.

«Констатируя, что товарищи, составляющие Центральный Комитет, высказались за возвращение в Россию через Германию,

не ожидая результатов предпринятых в данном направлении шагов, мы считаем решение товарищей из Центрального Комитета политической ошибкой, поскольку не доказана невозможность получения от Временного Правительства согласия на вышеуказанный обмен».

Организаторы поездки были согласны с первой частью этой резолюции, но они не могли согласиться с тем, что не доказано противодействие Временного Правительства возвращению русских эмигрантов в Россию. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Временное Правительство, под давлением Антанты, сделает все от него зависящее для того, чтобы оттянуть возвращение революционеров, ведущих борьбу против грабительской империалистской войны. В виду этого нижеподписавшиеся стоят перед альтернативой: либо возвратиться в Россию через Германию, либо остаться за границей до конца войны. В виду такой резолюции представителей остальных групп, Платтен, после принятия условий германским правительством, считает своим долгом еще раз предложить цюрихским делегатам принять участие в поездке. В момент составления этого протокола ответ последних нам еще не был известен [1]).

Нам сообщают, что газета «Petit Parisien» опубликовала заявление Милюкова, что все русские граждане, которые поедут через Германию, будут привлечены к судебной ответственности; поэтому, мы, с своей стороны, заявляем, что если наша поездка вызовет в России такие мероприятия, мы потребуем всенародного суда над теперешним русским правительством, которое продолжает вести реакционную войну и в подтверждение того, что оно является противником империалистской политики, продолжает применять методы прежнего правительства, задерживает посылаемые членам советов рабочих депутатов телеграммы и т. п. Мы убеждены в том, что предложенные нам условия проезда через Германию вполне для нас приемлемы. Не подлежит сомнению, что господа Милюковы охотно содействовали бы выезду Либкнехтов в Германию, если бы таковые находились в России. Совершенно таково же

---

[1]) Несколькими днями позже Мартов сообщил, что он остается при своем решении. (*Прим. автора.*)

поведение господ Бетман-Гольвегов по отношению к русским интернационалистам. Интернационалисты всех стран не только имеют право, но и обязаны использовать в интересах пролетариата эту спекуляцию империалистского правительства, не покидая при этом своего собственного пути и не делая ни малейших уступок такому правительству. Наше отношение к войне остается тем, которое мы изложили в № 47 «Социал-Демократа», именно: после завоевания политической власти в России рабочим классом мы будем вести революционную войну против империалистской Германии. Эта точка зрения высказывалась публично Лениным и Зиновьевым, а также нашла себе выражение и в статье, которую еще в самом начале русской революции Ленин поместил в «Volksrecht».

Одновременно с этим мы обращаемся к швейцарским рабочим с открытым письмом, в котором мы разъясняем нашу точку зрения. С первого до последнего дня мы подготовляем поездку в полном согласии с представителями Циммервальдской левой.

Наш поезд от швейцарской границы вплоть до такого пункта по пути в Петроград, до которого это будет возможно, будет сопровождать швейцарский интернационалист Платтен; мы очень надеемся встретить на шведской границе шведских интернационалистов Стрэма и Линдхагена.

С самого начала мы действовали совершенно открыто, и мы уверены, что наш шаг будет вполне одобрен интернационалистскими рабочими России. Настоящее заявление обязательно для всех участников проезда, состоящих членами нашей партии; если в поездке примут участие лица, не состоящие членами нашей партии, то они всю ответственность за свою поездку должны будут принять на себя.

Мы, нижеподписавшиеся, приняли к сведению те затруднения, которые чинят отъезду русских интернационалистов правительства Антанты, равно и те условия, которые были приняты германским правительством для их проезда через Германию; мы отдаем себе полный отчет в том, что германское правительство согласилось на проезд русских интернационалистов только потому, что оно надеется усилить этим путем антимилитаристическое течение в России. Мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в продолжение всей войны не переставали бороться всеми силами против империализма вообще и против германского империализма в особенности, хотят вернуться в Россию только для того, чтобы работать на пользу революции; этим своим действием они помогут пролетариату всех стран, в особенности же Германии и Австрии, начать революционную борьбу против своих правительств. Пример героической борьбы русского пролетариата служит лучшим и сильнейшим стимулом к этому. По всем указанным причинам мы, нижеподписавшиеся, интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии, находим, что наши русские товарищи не только имеют право, но и обязаны воспользоваться представляющейся им возможностью вернуться в Россию. Вместе с тем, мы выражаем им наши лучшие пожелания успеха в их борьбе против империалистской политики русской буржуазии — в борьбе, составляющей часть всеобщей борьбы трудящегося класса за социальную революцию.

(подп.) *Пауль Гартштейн* [1]) (Германия);
Анри Гильбо (Франция);
Ф. Лорио (Франция);
Бронский (Польша);
Фриц Платтен (Швейцария);
Линдхаген, бургомистр города Стокгольма (Швеция);
Стрэм, депутат и секретарь шведской социалистической партии (Швеция);
Карлсон, депутат и председатель страховой кассы Швеция);
Турэ Нерман, редактор газеты «Политикен» (Швеция);
Чильбум, редактор журнала «Стормклокан» (Швеция);
Ганзен (Норвегия).

Берн, 7-го апреля
1917 года.

---

[1]) Псевдоним Науля Леви. *(Прим. автора.)*

№ 2.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ [1]).

Уезжая из Швейцарии в Россию, для продолжения революционно-интернационалистской работы на нашей родине, мы, члены Р. С.-Д. Р. П., объединенной Центральным Комитетом, в отличие от другой *партии*, носящей то же самое название, но объединенной Организационным Комитетом, шлем вам братский привет и выражения глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если *открытые* социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские грютлианцы, перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди *открыто* приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение, — если *прикрытые* социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в *прикрытой* форме такую же политику, — то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекали для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны в выступлениях по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые в числе едва ли больше, чем 10 — 15 человек, были членами

---

[1]) *И. Ленин.* Собр. сочин., т. XIV, ч. 2, стр. 403.

швейцарской рабочей партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного и социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, *но и против* направления так называемого «центра», *к которому* принадлежит Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Я. Шмидт и др. — в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Арбейтсгемейншафт» — в Германии, Лонгэ, Прессман и др. — во Франции, Сноуден, Рамсей Макдональд и др. — в Англии, Турати, Тревес и их друзья — в Италии, названная выше партия «Организационного Комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.)— в России.

Мы работали солидарно с теми революционными с.-д. Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Freie Jugend», которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языках) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне и которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Töss резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу, которые издали и распространяли в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на немецком и французском языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не *пропустит* в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников продолжения Россией *империалистской* войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете «Социал-

Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 г. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется *республиканское* правительство, желающее продолжать *империалистскую* войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д., и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем *против* «защиты отечества» в *такой* войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие решающие посты принадлежат *монархистам* Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма». (Правильно, но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и др. своих королей, а русские — своих монархистов Львова и Гучкова?) Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр., и которые *подтверждены правительством Гучкова-Милюкова-Керенского,* выдать за «оборонительную» (т.-е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата) свою *империалистскую* войну с Германией — выдать за «защиту» республики (которой в России *еще* нет и которую Львовы и Гучковы даже и не *пообещали* еще учредить), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и пр.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного Комитета», партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной», — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы *раньше* всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова — Милюкова. Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно гучковское правительство *ведет уже* переговоры

о восстановлении монархии в России. *Только* вооружение и организация пролетариата способны помешать *Гучкову и К⁰ восстановить* монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и *всей Европы* способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистским авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В № 47 «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти *тотчас*. Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир *всем* воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении *всех* колоний и *всех* угнетенных и неполноправных народов; 3) мы немедленно начали бы и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы *неприемлемы* не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную борьбу против немецкой — и не одной только немецкой — буржуазии. *Мы повели бы ее!* Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли ненужностью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми в *интересах социализма*.

Задача, которую мы обрисовали в № 47 «Социал-Демократа», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а *объективные условия*, созданные империалистской войной, завели *все* человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру или передать власть *во всех* цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, *на известное, быть может, очень короткое время,* застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней не может победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 г. и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса *может* довести неизбежный и назревший аграрный переворот до *конфискации* всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг мы выставляли всегда и его выставили теперь в Петербурге и Ц. К. нашей партии и газета нашей партии — «Правда».

За *этот* лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельско-хозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшими крестьянами и *зажиточными крестьянами,* которых усилила столыпинская (1907 — 1914 г.г.) аграрная «реформа». Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата в первой Думе (1906 г.) и во второй (1907 г.) выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе отнюдь не был бы еще социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позицию социалистического переворота в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как «Советы рабочих депутатов», заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести—под давлением невыносимо тяжелой империалистской войны и ее последствий—ряд революционных мер для *контроля* за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами *победоносно завершить* социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который, в известном смысле, *начнет* ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего *главного*, самого надежного сотрудника, *европейского* и американского социалистического пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеман, Легин, Давид и К⁰ — в Германии; Самба, Гэд, Ренодель и К⁰ — во Франции; фабианцы и «лабуристы» — в Англии. Мы твердо убеждены, что эту *грязную пену* на всемирном рабочем движении быстро сметут волны революции.

В Германии уже *кипит* настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского «затишья» 1871 — 1914 г.г. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К⁰ и не такие колеблющиеся придавленные рутиной «мирного» периода политики, как Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало группу «Спартака», которое вело пропаганду в бременской «Арбейтерполитик».

Объективные условия империалистской войны служат порукою в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат — вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг «превращение империалистской войны в гражданскую войну», угнетенных против угнетателей за социализм, этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представители русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, г. Плеханов, назвал его «грезо-фарсом» («Mittelding zwischen Traum und Komödie»). А представители «центра» отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь, после марта 1917 г., только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую *становится* фактом.

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей членов Р. С.-Д. Р. Партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 года,

Н. Ленин.

БИБЛИОГРАФИЯ.

При составлении этой книги, являющейся простым и скромным очерком жизни и деятельности Ленина, мною использованы, главным образом, следующие источники:

Г. Зиновьев. «Н. Ленин». Изд. Коминтерна, издано по-русски, французски и немецки. 1920 г.

А. Луначарский. «Великий переворот». Изд. Гржебина. Петроград. 1919 г. (Глава о Ленине.)

Н. Ленин (Владимир Ильич Ульянов). Собрание сочинений. Госиздат. (Часть этих сочинений издана Коминтерном на немецком, французском, английском и др. языках.)

Г. Зиновьев и *Н. Ленин.* «Социализм и война». (Излагает отношение Р. С.-Д. Р. П. к войне.) Издание «Социал-Демократа» в Женеве. 1916 г.

Л. Троцкий. «1905 г.». Госиздат. 1922 г. (Есть франц. и немецк. издан. 1923 г.)

Л. Троцкий. «Октябрьская революция» (франц. издан. «Demain» 1918 г., немецк. изд. Промахос).

Н. Суханов. «Записки о революции». Русск. изд. Гржебина. Берлин. 1922 г.

«*Правда* и *Известия*» (Петроград и Москва). Комплекты за соответствующие годы.

«*Demain*». Женева. С 1 января 1916 г. по октябрь 1918 г.

Журнал «*Коммунистический Интернационал*».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Вступление. 7

I. Жизнь Ленина

1. Годы учения 13
2. От революции 1905 г. до революции 1917 г. 28
3. Падение самодержавия и возвращение Ленина в Россию. . . 46
4. Октябрьская революция и Советская власть 59
5. Характеристика Владимира Ильича 66

II. Руководящие идеи, творчество, деятельность.

1. Единство учения и дела. 83
2. Революционный марксизм, научный социализм 90
3. Проблема революции. Взгляд на государство 96
4. Буржуазная демократия и пролетарская диктатура. 106
5. Организация Советов. Политика пролетарского государства 114
6. Империалистская и колониальная политика капиталистических государств, революционный интернационализм. 125
7. Последовательный материализм и вопросы культуры 138

III. Воспоминания о пережитом 147

Приложения:

1. Протокол о проезде Ленина через Германию в 1917 г. 189
2. Прощальное письмо к швейцарским рабочим 198

Библиография 205